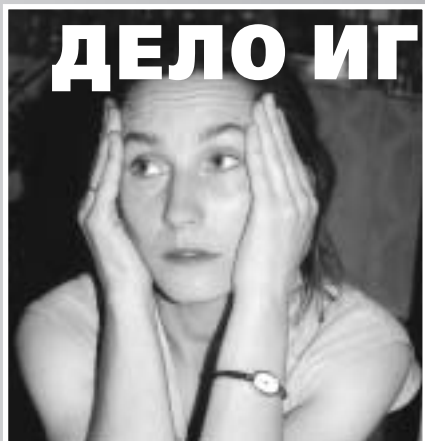

ЭКОЛОГИЯ ПРАВО

ЗОНА

ДЕЛО ИГОРЯ СУТЯГИНА

ОГОНЬ СКОРБИ И НАДЕЖДЫ

Журнал "ЭКОЛОГИЯ и ПРАВО" - некоммерческое негосударственное издание, целью которого является освещение экологических и правозащитных проблем, эколого-правовое просвещение граждан.

Мы убеждены, что наличие в стране сильного эколого-правозащитного движения, являющегося составной частью гражданского общества, позволит гражданам России умело пользоваться своими правами и отстаивать их. Образно говоря, ветви власти не должны закрывать от граждан солнце.

Мы надеемся, что наши публикации позволят читателям расширить их возможности в борьбе за свои права. Журнал рассчитан на широкий круг читателей.

Дорогие читатели!

В настоящее время журнал «Экология и право» распространяется бесплатно, по заявкам в редакцию. Чтобы оформить подписку, отправьте запрос по электронной почте alex@ecopravo.info, свяжитесь с нами по телефону (812) 449-08-93 или напишите по адресу редакции.

Просим при этом предоставить нам следующую информацию о себе: фамилия, имя, отчество, организация.

Журнал издается на средства, пожертвованные Национальным фондом в поддержку демократии.*

Отпечатано в типографии: «Руна», г. Санкт-Петербург, Кузнечный пер., д. 2

В ФОКУСЕ

- Эрнст Черный, Анна Ставицкая**
ДЕЛО СУТЯГИНА: НЕЙТРАЛИТЕТ ПРЕЗИДЕНТА. 2
- Григорий Пасько**
СУТЯГИН - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ. 6

АТОМНАЯ РОССИЯ

- Варвара Борисова**
ОГОНЬ СКОРБИ И НАДЕЖДЫ. 8
- Виктор Терешкин**
ТИХООКЕАНСКИЙ «ЧЕРНОБЫЛЬ». 9
- Наталья Манзурова**
ЗОНА. 12
- Эдуард Мейлах**
ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ НЕ ЛЮБЯТ – ОНИ НАПОМИНАЮТ О БЕДЕ. 17

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

- Владимир Грачев**
МЫ МОЖЕМ ПЕРЕРАБОТАТЬ ЧУЖОЕ ОЯТ. 20
- Алексей Яблоков**
ОПАСНО ДАЛЕК ГРАЧЕВ ОТ ОБЪЕКТИВНОСТИ. 23

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

- Андрей Рудомаха**
ГАЗОВЫЙ АД. 24
- Надежда Попова**
АГИПКА ХОЧЕТ ЖИТЬ. 29

СРЕДА ОБИТАНИЯ

- Светлана Геллертова**
ПИРАТЫ НИЖНЕГО НОВГОРОДА. 33
- Альберт Калашников**
ВЕСЕННЯЯ ОХОТА:
МЫ ВЫГЛЯДИМ БЕЗУМНЫМИ ДИКАРЯМИ. 36

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Наум Ним**
НАШ РОДНОЙ ДУРДОМ. 40

В СУДЕБНЫХ КОРИДОРАХ

- Андрей Бриних**
ПЛАТО РАЗДОРА. 42

ПРАВОВАЯ БИБЛИОТЕКА

- Елена Кузнецова**
АТОМНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СЕГОДНЯ. 47

ПРОБУЖДЕНИЕ ГРАЖДАНИНА

- Елена Рябинина**
БОСЫМИ ГЛАЗАМИ. 49
- ПРИЕМ ПРОТИВ ЛОМА. 51

- BRIEFLY IN ENGLISH. 52

*29.07.2015 организация признана нежелательной на территории России.

Как вы, ребята, ни садитесь...

Такое впечатление, что в России во властных структурах давно уже засилье непрофессионалов. Их, правда, и раньше хватало. Но тут — прорвище... Они называют себя «элитой общества» и даже «неодворянами» (по высказыванию одного из них — некоего Патрушева)... А на конкретный результат посмотришь — нету результата. Терроризм виден и слышен, а борьба с ним... Ау! Где ты, борьба-а? Экономика на подъеме, говорят. И тут же повышают. Пошлины на иномарки и цены на хлеб. Мощь наша военная, говорят, хоть куда. А, собственно, куда? Баллистические ракеты — третьей свежести. Либо не туда летят, либо вообще шахту покидать не желают. Главком ВМФ, похоже, так за свое кресло перепугался из-за показаний Касатонова об обстоятельствах гибели К-159, что понес полную ахинею о «Петре Великом» — мол, скоро он на воздух взлетит. Все испугались. А чего пугаться? Он главком, ему виднее. Сказал «взлетит», значит — ждите. Взлетит обязательно.

В былые времена не говорили, а оно взлетало. Кстати, почему-то чаще всего в апреле. Вспомним: апрель 1986 года — Чернобыльская катастрофа, апрель 1987 года — гибель малого ракетного корабля (МРК) «Муссон», апрель 1989 года — гибель АПЛ «Комсомолец».

Расследования аварий и катастроф показывают, что в основе беды чей-то непрофессионализм. То есть сначала какой-то идиот делает что-то по-идиотски, потом — взрыв, потом — героизм. Впрочем, с самого начала ведь кто-то назначил идиота на определенную должность. Поди разберись, сделал он это по случайному недомыслию или потому что сам... ни ухом ни рылом.

Нам все время говорят о высоком профессионализме руководителей страны. Хотелось бы верить, да факты не дают. И вот что интересно: что бы ни случилось во вверенных вотчинах этих, как бы помягче-то выразиться, словом, руководителей, с ними самими ничего не случается. В отставку не уходят, пистолет к виску не приставляют, на нары не садятся. В худшем случае переползают, кряхтя и потея, в другое руководящее кресло.

Вот и недавняя смена кабинета министров в России произошла по этому сценарию. Почти все остались на своих местах. «Динамики», пользуясь словами их президента, не было, «роста» чего-то там тоже не произошло. А ушли — единицы.

Зато посмотрите, кто пришел. Посмотрели? Правда, сразу видно, что пришли сплошь новые лица и сплошь профессионалы? Чем, к примеру, не профи новый министр природных ресурсов? Автогонщик, каратист, комсомолец и даже где-то красавец. Да с таким послужным списком мы природу, мать вашу и нашу, одним ударом маваши-гери загоним в рамки цивилизации и приватизации.

Кстати, о ней, о приватизации. Вождеденной для всех руководителей, независимо от их уровня профессионализма. Почти весь март СМИ обсасывали проект нового Лесного кодекса. Замминистра экономического развития Циканов стал звездой страниц и экранов. И ведь отстоял-таки приватизацию лесов. А новоявленный каратист что-то не проявил энтузиазма в борьбе за народное достояние. Он в это время боролся с уходящей натурой — бывшим министром природы. Который, профессионально пользуясь последним днем в министерском кресле, успел наклепать печатей на разрешительные лицензии столько, сколько не наклепал за весь месяц перед отставкой.

Нет, в том, что касается их личного достояния, они умеют быть профессионалами. А о народном добре... Кстати, почему народ до сих пор не это, как бы помягче-то, не приватизи... Ну, в общем, пора ему конкретных хозяев иметь. Кто-то же должен в их частном лесу сторожем быть, грибы-ягоды охранять, просеки рубить, шлагбаумы ставить.

Одно страшно: а вдруг главком ВМФ и вправду знает о том, что где-то рванет? А вдруг и новый-старый начальник Госатомнадзора, говоря о недостатках в атомном ведомстве, не пиарит себя, а тоже правду-матку режет? Может, раньше им что-то мешало говорить об этом? Недостаток профессионализма, к примеру. А тут их переназначили. И профессионализм этот тут же обнаружился — стал, как флюс, выпирать, выпирать... Того и гляди, лопнет-взорвется. Апрель на дворе, как ни крути...

Григорий Пасько
Главный редактор

Виктор Терешкин
Зам. главного редактора

Рашид Алимов
Ответственный секретарь

Варвара Борисова
Выпускающий редактор

Владимир Петров
Дизайн и верстка

Дарья Сафронова
Корректор

Иван Павлов
Юрист

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Людмила Алексеева
Московская Хельсинкская группа

Святослав Забелин
Социально-экологический союз

Александр Никитин
Экологический Правозащитный
Центр «Беллона»

Алексей Симонов
Фонд защиты гласности

Александр Ткаченко
Русский ПЕН-Клуб

Эрнст Черный
Коалиция «Экология
и права человека»

Алексей Яблоков
Центр экологической
политики России

Учредитель и издатель:
Санкт-Петербургская
общественная организация
Экологический Правозащитный
Центр «Беллона»
bellona@ecopravo.info
www.bellona.org

Адрес редакции и издателя:
191028, Санкт-Петербург, а/я 258
Телефон: (812) 327-29-43
Эл. почта редакции:
ecopravo@ecopravo.info
Сайт журнала: www.ecopravo.info

Издание зарегистрировано
в Министерстве по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций РФ
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-14909 от 20 марта 2003 г.

Распространяется
бесплатно по заявкам,
адресованным в редакцию.
Тираж 1000 экз.

НЕЙТРАЛИТЕТ ПРЕЗИДЕНТА И ОПАСНОЕ МОЛЧАНИЕ ОБЩЕСТВА

Анна Ставицкая

юрист
Москва

Эрнст Черный

Общественный комитет защиты ученых
Москва
ernstchern@yandex.ru

Фон

Седьмого апреля московский городской суд приговорил Игоря Сутягина к 15 годам заключения в лагере строгого режима. Быстротекущее время уже оттеснило на задний план этот судебный процесс. Поэтому многие толком и не знают, не только когда началось это дело, но и суть вынесенного Сутягину приговора. Который, вопреки всем законам страны, оказался к тому же еще и секретным.

Сейчас самое время поговорить о причинах, порождающих такие дела, и о роли спецслужб в судьбах российских ученых.

Рутинным явлением стала фабрикация ФСБ дел с тяжкими обвинениями в государственной измене и разглашении государственной тайны. За последние годы на основании таких обвинений пострадали многие — эколог Александр Никитин, журналисты Григорий Пасько, Константин Стерлегин, Константин Бахарев, профессора Виктор Акуличев, Владимир Соيفер, Анатолий Бабкин, ученый и дипломат Валентин Моисеев, ученые Валентин Данилов, Игорь Сутягин, Владимир Щуров, Юрий Хворостов, изобретатель Валерий Ковальчук, адвокат Михаил Трепашкин. Не забудем и про предпринимателей Михаила Ходорковского и Виктора Калядина. Было еще странное дело Джона Тоббина, начатое с обвинения в шпионаже, а затем перекавалифицированное в торговлю наркотиками. Совсем уж темным, с точки зрения доказательств и логики, было дело американца Эдмонда Поупа, получившего 20 лет и затем помилованного.

Большинство «шпионских» дел возникло в 1998-1999 годах, когда Владимир Путин поднялся на вершины государственной власти: заместитель главы администрации президента РФ и руководитель Главного контрольного управления, директор ФСБ, председатель правительства и, наконец, президент.

При этом Путин всегда активно поддерживал позицию ФСБ. Вот его слова из интервью «Комсомольской правде» (8 июля 1999 года): «К сожалению, зарубежные спецслужбы, помимо дипломатического прикрытия, очень активно используют в своей работе различные экологические и общественные организации.» Заметим, что это прямое указание на поиск шпионов в среде общественных организаций!

Говоря об Обухове, Пасько, Моисееве, Никитине, Путин заметил: «Да, вокруг этих персонажей по-прежнему много шума. Но я считаю, в данных случаях наше ведомство поступает, исходя из государственных интересов... Работаем, как говорится, только по факту. К слову, дело

На снимке: жена Игоря Сутягина

Фото: Виктор Терешкин

Моисеева — из разряда как раз таких случаев. И неважно, на какую разведку он работал — южно- или северокорейскую.»

Задолго до судебного решения Владимир Путин взял на себя ответственность за внесудебное обвинение Моисеева в шпионаже, публично заявляя, что он работал на иностранную разведку. Это — фактически прямое указание обвинителям и суду.

Поэтому Владимир Путин не имеет права говорить, что все это происходит за его спиной. В одном из своих интервью начальник УФСБ по Калужской области прямо заявлял журналистам: «Не скрываем, у каждого сотрудника калужского Управления такие результаты (арест Сутягина - прим. авт.) вызывают чувство гордости и удовлетворения, тем более, что о них докладывалось президенту Российской Федерации.» Значит, знал и о Сутягине!

Конечно же, президент не может не знать, что в ФСБ идет соревнование за призовые места в системе. Начальник УФСБ по Приморскому краю генерал-майор Валерий Жилиев (интервью «Завтра России» №99, 20.12.01, г. Владивосток) говорил: «Наше управление всегда было в пятерке лучших в стране, и мы не собираемся уступать свои позиции». Для попадания в эту «пятерку» только в одном НИИ РАН Владивостока потребовалось привлечь к ответственности за разглашение государственной тайны

сразу четверых ученых!

А вот директор ФСБ Николай Патрушев (интервью «Комсомольской правде» 19 декабря 2000 г.) заявлял: «В октябре 1999 года был задержан сотрудник Института США и Канады РАН Сулягин. В ходе расследования вскрыты факты шпионской деятельности, его связи с американским гражданином Джошуа Хендлером, специалистом по ядерной безопасности, находящимся сейчас в США. Предварительно установлено, что Хендлер получал от Сулягина секретную информацию о вооруженных силах России и передавал ее разведорганам США. К сожалению, некоторые журналисты, не зная об этом, в публикациях показывают Сулягина как честного и мужественного гражданина, выступающего за демократические свободы».

Это было сказано задолго до суда над Сулягиным и вопреки уже тогда известным фактам. Слова Патрушева были чистым вымыслом, напоминающим времена НКВД. Даже следствие ФСБ по делу Сулягина не обвиняло его в передаче информации Хендлеру. А Патрушев обвинил. Исходя из чего можно считать, что он является одним из организаторов «дела» Сулягина.

А как прикажете понимать формулу, сконструированную лично президентом для уголовного преследования лиц, общающихся с иностранцами? Вот слова Владимира Путина: «Прежде всего, присоединяюсь к Евгению Максимовичу Примакову по поводу замечания в адрес членов правительства, в том числе и министра иностранных дел. Если министр иностранных дел будет замечен в том, что он вне рамок своих служебных обязанностей поддерживает контакты с представителями иностранных государств, то он, так же как и любые другие члены правительства, депутаты Государственной Думы, руководители фракций, так же как и все другие граждане Российской Федерации, будет подвергнут определенным процедурам в соответствии с уголовным законом. И должен сказать, что те последние мероприятия, которые проводятся в Федеральной Службе Безопасности, говорят нам о том, что это вполне возможно.» (Из выступления 19 апреля 2000 года в Госдуме.)

Под последними мероприятиями подразумевалось преследование Григория Пасько, ряда ученых, включая и Игоря Сулягина. Действительно, если посмотреть на все эти уголовные дела с позиции Владимира Путина, то получается, что Никитина судили за общение с норвежцами, Бабкина — с американцами, Пасько — с японцами, Соффера — с разными иностранцами, Щурова, Хворостова, Данилова — с китайцами. Сулягин (как сотрудник института США и Канады) и Моисеев (как сотрудник МИДа) постоянно общались с различными иностранцами.

Проговорился Владимир Путин в своем выступлении. Это пока лишь желаемое. Тем не менее, несмотря на то, что в демократической России XXI века пока нет законов об уголовной ответственности за общение с иностранца-

ми, уголовное преследование за общение с ними уже возможно! Это президент признал лично. Ну а фабулу обвинения ФСБ уж как-нибудь придумает: хочешь — шпионаж, а хочешь — разглашение государственной тайны.

В это же время стало возможным и вынесение не предусмотренных никакими законами секретных приговоров! Глупость обвинения и судебного приговора пытаются скрыть за ширмой секретности. В 2003 году было вынесено три секретных приговора: в Перми по делу журналистов Константина Стерлегина, Константина Бахарева, во Владивостоке по делу Владимира Щурова и в Якутске по делу группы сотрудников милиции.

Процесс, обратный гласности, идет полным ходом — секретная оперативная работа, секретное следствие, секретное обвинительное заключение, секретный судебный процесс, а теперь еще и секретный приговор.

Впрочем, в стране, где руководитель Федеральной Службы Безопасности Николай Патрушев без стеснения признается, что «мы не отказались от своего прошлого» (Комсомольская правда, 19 декабря 2000 г.), возможно все. Это означает, что ФСБ так и осталась спецслужбой тоталитарного государства. Происходящие в стране инквизиторские процессы убеждают нас в справедливости такой оценки. Ученые, экологи, журналисты оказались гораздо более легкой добычей, чем террористы, фашисты, коррупционеры и настоящие шпионы.

Заказное следствие и несправедливый суд

Игорь Вячеславович Сулягин был задержан 27 октября 1999 года, когда сотрудники Управления ФСБ по Калужской области пригласили его (перед этим начав обыск в квартире) в отдел ФСБ города Обнинска. Как они объяснили — для «беседы» в связи с уголовным делом, возбужденным по факту публикации книги «Стратегическое ядерное вооружение России». В этой книге (Москва, ИздАТ, 1998) Сулягин в соавторстве написал 2 из 8 глав. Покинуть отдел ФСБ Игорь уже не смог, он был фактически задержан без оформления необходимых процессуальных документов. Сотрудники ФСБ, правда, теперь утверждают, что Сулягин сам просил дать ему возможность ночевать не дома, а в отделе ФСБ, опасаясь давления со стороны супруги. В ночь на 30 октября Сулягина привезли в Калугу и уже там объявили об аресте по подозрению в государственной измене. Между тем, с 27 октября по 30 октября 1999 года, в период незаконного задержания, Сулягина интенсивно допрашивали.

После года следствия, осенью 2000 года, Сулягину было предъявлено обвинение, состоящее из 38 пунктов. Исследовав их, Калужский областной суд 26 декабря 2001 года постановил, что ни сам суд, ни обвиняемый из представленного следствием обвинительного заключения не имеют возможности достоверно знать, в чем обвиняется Сулягин. Кроме того, в ходе судебного заседания было установлено: проведенные по

На снимке: дочери Игоря Сулягина

Фото: Виктор Терешкин

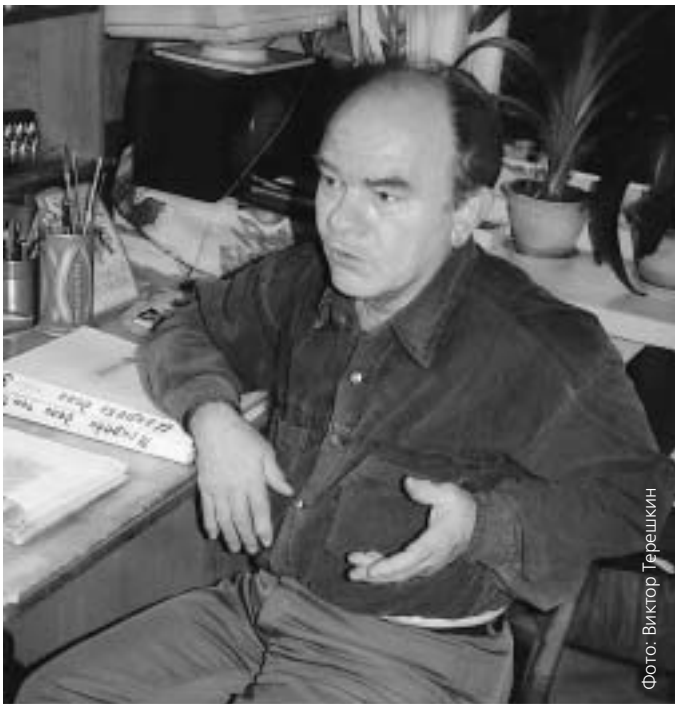

Фото: Виктор Герешкин

На снимке: отец Игоря

делу экспертизы степени секретности были получены с нарушениями процессуального кодекса. Из показаний экспертов, проводивших эти экспертизы, стало ясно, что они признали государственной тайной не те сведения, о которых Сулягин рассказывал иностранцам, а которые, как считают эксперты, Сулягин мог знать. А еще эксперты признавали секретными сведения, полностью полученные из открытых источников. Суд также признал, что все обвинения, предъявленные Сулягину, носят неконкретный характер, а в ходе предварительного следствия были допущены существенные нарушения права Сулягина на защиту.

При таких обстоятельствах суд должен был вынести оправдательный приговор. Однако суд пошел по пути наименьшего сопротивления и направил уголовное дело в отношении Сулягина на дополнительное расследование.

Защита Сулягина убеждена, что, направив дело для производства дополнительного расследования, суд фактически отказал Сулягину в правосудии, т.е. вместо восстановления нарушенных законных прав и интересов Сулягина путем вынесения оправдательного приговора суд подменил понятие неполноты произведенного предварительного следствия понятием существенного нарушения норм уголовно-процессуального права. Прикрываясь нарушением права на защиту, суд дал органам предварительного следствия еще одну попытку обвинить Сулягина.

Очевидно, что если бы суд действительно был обеспокоен нарушением прав И.В. Сулягина и имел желание эти нарушения устранить, то в первую очередь принял бы решение об изменении ему меры пресечения.

Однако суд оставил Сулягина под стражей. Более того, суд имитировал восстановление нарушенных прав Сулягина за его же счет, т.е. с помощью продления сроков содержания его под стражей в условиях, приравненных цивилизованными странами к пыточным, на неопределенный период времени.

Повторное предварительное расследование было начато 08.04.2002 года, а 29.07.2002 года Сулягину было предъявлено обвинение уже только по **5 пунктам. В 33(!)**

остальных случаях само следствие признало отсутствие в его действиях состава преступления. Согласитесь, странно — всего за полгода до этого за те же самые «преступления», изложенные в 33 пунктах, обвинение требовало для Сулягина тюремного заключения!

Суть последнего обвинения состоит в том, что Сулягин якобы собирал из различных (в том числе и закрытых) источников сведения, составляющие государственную тайну. И передал их представителям военной разведки США. Сведения, содержащиеся в обзорах по 5 темам, в ходе дополнительного расследования были в июле 2002 года признаны государственной тайной. Причем, по утверждению проводивших исследование экспертов 8-го Управления Генерального Штаба, часть этих сведений (какая — не уточняется) не могла, по их мнению, быть получена из открытых источников, что и стало основанием для обвинения.

При этом, еще в феврале — августе 2000 года, на этапе «первого» следствия, эксперты, исследуя 4 из этих же 5 тем, **обнаружили те открытые источники**, откуда почерпнуты соответствующие сведения (**эти источники Сулягин и представил следствию**), и установили, что никаких секретов в этих сведениях нет. Примечательно, что в 2000 году следствие с такими выводами согласилось. Заметим, что возможности лично дать экспертам пояснения Сулягин был лишен.

Обвинение в том, что английские бизнесмены, с которыми Сулягин общался, являются представителями военной разведки США, основано **только на предположительных** выводах экспертов научно-исследовательского центра ФСБ, т.е. экспертов, которые принадлежат к тому же ведомству, которое выдвинуло обвинение против Сулягина. Никаких иных доказательств в деле по этому поводу нет.

Следует обратить внимание, что Сулягину многократно отказывали в изменении меры пресечения по самым абсурдным доводам. Так **04.10.2002 г.** Московский городской суд согласился с доводом **следствия** о том, что в случае освобождения из-под стражи Сулягин может воспользоваться открытой ему консульством Италии визой на срок **с 28.10 по 18.11.1999 г.**, чтобы скрыться от следствия и суда за границу. Это в 2002 году и при том, что все документы находятся у следствия! Заметим, что на протяжении всего производства по делу срок содержания Сулягина под стражей многократно продлевался без **законных оснований**.

При этом, обвинением либо совсем не предъявляются доказательства необходимости содержания Сулягина под стражей, либо предъявляются недостоверные сведения. Однако суд принимает любые необоснованные доводы обвинения и отклоняет доводы защиты, не приводя никаких аргументов.

Суд присяжных

По окончании предварительного расследования Сулягин подал ходатайство о рассмотрении его дела в составе судьи и присяжных заседателей. Постановлением судьи от 29 сентября 2003 года уголовное дело по обвинению Сулягина было назначено к рассмотрению в составе судьи и коллегии из 12 присяжных заседателей. Таким образом, Сулягин реализовал свое право в выборе состава суда. Который, по его мнению, в условиях российской действительности мог быть наиболее объективным и беспристрастным.

3 ноября 2003 года началось рассмотрение уголовного дела по обвинению Сулягина И.В. в совершении пре-

ступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ (государственная измена), с участием присяжных заседателей. 5 ноября 2003 года по просьбе обвинения (в связи с необходимостью представления доказательств) в судебном заседании был объявлен перерыв до 11 ноября. 11 ноября (в связи с неявкой свидетелей обвинения) судебное разбирательство было отложено до 18 ноября. А когда этот срок наступил, вновь был объявлен перерыв до 25 ноября. В связи с «необходимостью» медицинского обследования Сутягина. Но об этом ни Сутягин, ни его защита не ходатайствовали!

Но 25 ноября Сутягин снова не был доставлен в суд. На этот раз якобы в связи с объявлением карантина в Лефортовском изоляторе ФСБ. На этот раз судья П. Штундер вынес постановление об объявлении перерыва в судебном заседании на неопределенное время, **без указания даты** возобновления процесса. Ни Сутягин, ни его защитники не были уведомлены о причине объявления карантина.

Спустя короткое время был получен ответ на запрос адвокатов из следственного изолятора, из которого стало ясно, что «оснований для срочного освидетельствования Сутягина И.В. не имеется». 05.12.2003 года администрация изолятора устно сообщила Сутягину, что карантин снят. Выходит, все отсрочки были не более чем манипуляциями следствия ФСБ. 6 декабря, даже с учетом всех переносов, появились возможности для беспрепятственного рассмотрения дела. Сутягин и его защита неоднократно обращались с заявлениями и ходатайствами о продолжении судебного разбирательства к председательствующему по делу судье Штундеру, к председателю Московского городского суда, председателю комиссии по правам человека при президенте РФ и уполномоченному по правам человека в РФ. Ответом было молчание.

Только 16 февраля 2004 года дата слушания была назначена — 15 марта. При этом уголовное дело по обвинению Сутягина передали на рассмотрение судье М. Комаровой, известной тем, что в Мосгорсуде она рассматривает практически все дела, возбужденные ФСБ. Причина смены судьи осталась «судебной» тайной.

Вместе с судьей была заменена и первая коллегия присяжных заседателей, состав которой, очевидно, не удовлетворял представителей власти, заинтересованных в обвинении Сутягина.

Уже в ходе судебного разбирательства судьей Комаровой многократно нарушался принцип равноправия сторон, открыто поддерживалась сторона обвинения. Дискриминация защиты была нормой процесса. В связи с чем защита Сутягина несколько раз заявляла отвод председательствующей, но все заявленные отводы были отклонены.

5 апреля 2004 года присяжные вынесли вердикт, единогласно признав Игоря Сутягина виновным в шпионаже. Необходимо отметить, что вопросы присяжным были составлены не в соответствии с тем обвинением, которое вменялось в вину Сутягину. Защита заявляла ходатайство о приведении вопросов в соответствие с предъявленным обвинением, однако это ходатайство было отклонено. И среди вопросов так и не прозвучал важнейший — передавал ли Сутягин **секретные** сведения и собирал ли он их из **закрытых** источников. А именно **в этом** и состоит суть обвинения.

Сегодня вызывает обеспокоенные сомнения состав и независимость присяжных. Иначе зачем было распускать первую коллегия и заменять ее новой. Под сомнениями лежат вполне серьезные основания: принципиальные различия в социальном положении присяжных. Кроме

На снимке: мама Игоря

того, нельзя исключить, что на коллегия присяжных могло быть оказано давление. Ну а приговор был уже делом техники и прилежания судьи М. Комаровой.

Построено на лжи

Продолжавшееся четыре с половиной года позорное для цивилизованной страны преследование ученого завершилось вынесением ему несправедливого, беспрецедентного по бездоказательности, бесстыдству и жестокости приговора: 15 лет заключения в колонии строгого режима.

Инквизиторский судебный процесс в очередной раз доказал, что российская судебная система находится в полной зависимости от исполнительной власти и от ФСБ. Закон к судебным решениям, принимаемым по делам, инициированным ФСБ, не имеет никакого отношения. Несмотря на разговоры о правовом государстве, все «судебные» решения, связанные с делами, инициированными ФСБ, принимаются на Лубянской площади, а сами судебные процессы проводятся по сценарию чекистов. Судьи уже давно смирились с тем, что они являются марионетками в руках лубянских сценаристов и режиссеров судебных шпионских спектаклей. Даже введение судов присяжных оказалось ловкой имитацией. Имитацией правосудия и справедливости. Таким, по крайней мере, был суд над Игорем Сутягиным.

СУТЯГИН – ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Григорий Пасько
Москва
oskor@istel.ru

Собственно, это было ясно давно. Просто у России пока нет своих уполномоченных организаций, которым дано право признавать того или иного узника нынешнего режима политическим заключенным.

Более того, Сутягин далеко не единственный, кто может именоваться политическим заключенным. Можно назвать следующие фамилии потенциальных обладателей этого статуса: Ходорковский, Трепашкин, Лебедев, Пичутин...

На заседании «круглого стола», который под названием «Дело Сутягина. Проблемы общественной поддержки» прошел на днях в Москве, выступили адвокаты осужденного за государственную измену ученого —

Анна Ставицкая и Владимир Васильцов. Они рассказали присутствовавшим на встрече журналистам и правозащитникам о том, как проходил отбор присяжных заседателей и судебное заседание под председательством судьи Московского городского суда Марины Комаровой. Выяснилось, что из трех десятков произвольно выбранных кандидатов в присяжные сразу же взяли самоотвод около десяти человек. Пятеро честно признались, что они сами или их родственники имеют отношение к ФСБ.

Из рассказанного адвокатами стали очевидны те детали, о которых общественность ранее не знала. К примеру, о том, как именно проходила экспертиза материалов, которые были вменены Сутягину как секретные. На самом деле эксперты были из ФСБ или родственных ей ведомств. Открытые источники, которые предоставили суду адвокаты, практически не исследовались экспертами. Независимое экспертное заключение в судебном заседании даже не рассматривалось, и по ходатайству государственных обвинителей было признано судьей Комаровой недопустимым доказательством, не рассматривалось оно и присяжными заседателями.

На сегодняшний день ситуация такова: основная жалоба на приговор суда еще не написана и в Верховный суд РФ не направлена, поскольку не изготовлен протокол суда. Только после изучения протокола и написания замечаний к нему адвокаты направят жалобу (предварительная уже направлена). Работа адвокатов усложнена тем, что все дело, как и протокол суда, имеет гриф «особой важности».

Здесь я бы сделал «лирическое» отступление. Дело в том, что грифы секретности присваиваются следователями ФСБ произвольно и специально для того, чтобы сделать условия защиты по делу максимально сложными. На самом деле секретами там и не пахнет. Причем убедиться в этом может даже неподготовленный человек. Вот, к примеру, что вменялось Сутягину. По мнению следствия, он передал иностранной разведке следующие данные: 1. Варианты состава стратегических ядерных сил РФ на период до 2007 года. 2. Боевые возможности модернизированного МИГ-29. 3. Возможные направления развития отечественных управляемых ракет. 4. Состав и состояние системы предупреждения о ракетном нападении. 5. Сведения по теме «Министерству обороны не удалось в полном объеме реализовать планы по созданию соединений постоянной готовности».

Краткий анализ этих, с позволения сказать, «секретных» сведений дает возможность утверждать следующее: состав и состояние системы предупреждения в обязательном порядке должны заявляться Россией США на взаимных началах. Не говоря уж о том, что о каждом пуске своих ракет Россия заранее уведомляет США с предоставлением всех телеметрических данных. Более того, здесь я хотел бы обратить внимание на то, что ФСБ неоднократно

На снимке: Эрнст Черный, Анна Ставицкая и Людмила Алексеева во время пресс-конференции

Фото: Григорий Пасько

уже своим произвольным засекречиванием данных, изложенных в договорах СНВ-1 и СНВ-2, демонстрировала неприятие международных соглашений Российской Федерации. То есть, ФСБ, по сути, проводит политику противодействия внешней политике государства. При желании, это можно квалифицировать как государственную измену.

По эпизоду «Министерству обороны не удалось...» можно сказать следующее — если секретить все, что не удалось путинско-ивановскому Министерству обороны, то несекретной окажется одна фраза: «У России есть Министерство обороны.»

1. «Варианты состава...». Ключевое слово «варианты». Согласно толковому словарю Ожегова, это разночтение в тексте. Риторический вопрос: могут ли в нормальном государстве разночтения являться сведениями, составляющими гостайну?

2. «Возможные направления...». Ключевое слово «возможные», то есть те, которые могут произойти. А могут и не произойти. Иными словами, предположение названо тайной. А это абсурд.

3. «Боевые возможности модернизированного МИГ-29». Я не знал, что Сутягин был летчиком-испытателем. Потому что о фактических возможностях модернизированного самолета лучше летчика никто знать не может, даже конструктор. К слову, конструктор этого самолета показал, что сведения, вмененные Сутягину как секретные, на самом деле таковыми не являются. Однако суд не принял эти показания во внимание.

Обращает на себя внимание и хронология так называемых преступных эпизодов. 15-17 сентября 1998 года, 15 января 1999 года, 27 марта 1999 года, 20 мая 1999 года, 14 июля 1999 года... Только перечисление этих дат дает повод для вывода: либо ФСБ, зная о противоправной деятельности гражданина, всякий раз давала ему возможность передавать секретные сведения, не предпринимая попыток их пресечь и тем самым совершая преступление в виде соучастия в совершении государственной измены, либо все это стало ФСБ известно от самого Сутягина, который честно рассказал следствию все, что знал, не подозревая, что за невинные действия его осудят.

По мнению адвоката Васильцова, судьба Сутягина была предрешена теми неудачами, которые потерпела ФСБ во всех предыдущих «шпионских» делах.

Выступившие члены Независимого экспертного бюро Мара Полякова и Владимир Миронов говорили о тех фактах, которые явно свидетельствуют о нарушении законов со стороны судей. Очевидно, что судьи в так называемых шпионских процессах просто выполняют заказ, а не исполняют профессиональный долг судьи.

На заседание «круглого стола» пришли также и родители Игоря Сутягина. Они рассказали, что буквально несколько часов назад побывали на свидании с Игорем. Он чувствует себя нормально. Считает, что адвокаты его работали очень хорошо. Просит писать ему письма, потому что не хватает нормального общения. В конце заседания адвокат Васильцов зачитал обращение Сутягина.

Обращаясь ко всем присутствующим, правозащитник Людмила Алексеева, руководитель Московской Хельсинкской группы, сказала: «Мы сделаем все, чтобы несправедливый приговор в отношении Игоря Сутягина был отменен».

Обращение И.Сутягина:

"Иисус Христос был тоже невинен, а его все же распяли"

Прежде всего, я хочу искренне поблагодарить всех тех людей, знакомых и совершенно незнакомых, которые не поверили объявленному мне приговору и своими словами, телефонными звонками, письмами поддержали моих близких в самые трудные для них минуты. Я низко кланяюсь вам, люди, за вашу честность и доброту!

И еще я хочу в последний раз подвести итог тому, что произошло за период с 27 декабря 2001 года, когда Калужский областной суд вернул мое дело обратно следствию, признав, что даже после годичного разбирательства так и не может достоверно и точно понять, в чем же меня обвиняют. Итог этот двояк — произошли две главные вещи.

В июле 2002-го следователь ФСБ записал в постановлении о прекращении уголовного дела в отношении меня: «Передача кому бы то ни было сведений,

составляющих государственную тайну, если эти сведения были ранее преданы огласке через публикации в печатных изданиях, то есть стали достоянием посторонних лиц, не является преступлением.»

Так как ни одного даже полужакрытого источника суду обвинители так и не смогли предъявить, в апреле 2004-го судья Марина Комарова написала приговор, в котором именем Российской Федерации установлено, что я не пользовался никакими закрытыми источниками, то есть все то, что было мною собрано, было ранее предано огласке через публикации в печатных изданиях, но теперь за эти действия, не являющиеся преступлением, мне дали 15 лет строгого режима. При этом все 9 заключений экспертов Минобороны, которые подтверждают, что в собранных мной сведениях вообще нет никаких тайн, Марина Комарова упрямо и избирательно не позволяла изучить присяжным и отказалась учитывать сама. Скажите, почему мне кажется, что Верховный суд России тоже не захочет их учесть?

Думаю, нет секрета в том, зачем меня так демонстративно жестоко и нелепо несправедливо осудили. Просто для спасения ложно поднятого престижа одной из бесчисленных федеральных служб понадобилось показать отправки в лагерь невинного человека, неудачно оказавшегося крайним в череде «назначенных шпионами», — и вот меня послушно признали виновным в совершении даже и таких действий, в которых меня вообще никто не обвинял, и на полтора десятилетия послали за них в царство теней. Вдумайтесь — полтора десятилетия лагерей за действия, которые совершенно официально не являются преступлением!

Мне вспоминается Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка». Вы помните, Швейка в Праге арестовали за убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево? Войдя в камеру, Швейк среди шести таких же, как он сам, убийц эрцгерцога увидел взъерошенного человека. Далее — цитата с 19-ой страницы 1-го тома книги Гашека:

"— Я не виновен, я не виновен, - кричал взъерошенный человек.

Швейк резонно заметил ему:

— Иисус Христос был тоже невинен, а его все же распяли. Нигде никогда никто не интересовался судьбой невинного человека".

Как ни горько, но в основном это действительно так. Однако еще горше для меня другое: еще менее, чем судьба невинного человека, интересует кого-то судьба невинно ввергнутой в горе и разлуку семьи невинного человека. Я очень мало рассчитываю уже на правду и справедливость грубо наступившей на меня государственной машины со всеми ее ветвями и поэтому обращаюсь к людям, которым, быть может, еще не все равно: на протяжении очень-очень долгих лет мне не позволяют беречь и заботиться о двух моих дочерях, Оксане и Насте, о моей любимой, о моих совсем немолодых и не очень здоровых родителях. И, хотя мне очень просто просить о чем-то кого-то, я все же прошу вас: пожалуйста, если вы в силах сделать это, хотя бы немного помогите моей семье выжить и не погибнуть за эти годы, когда я своей свободой, а моя семья ценой своего горя будем оплачивать спасение лица одной из многочисленных федеральных служб России. Я все-таки верю во всех нас, люди!»

ОГОНЬ СКОРБИ И НАДЕЖДЫ

Варвара Борисова
Санкт-Петербург
varvara@ecopravo.info

Фото: Варвара Борисова

Накануне годовщины Чернобыльской катастрофы на Малой Конюшенной улице, в центре Петербурга, встала шеренга людей. Активисты антиядерного движения из России, Франции, Германии, Финляндии, Швеции и Норвегии почтили минутой молчания память жертв чернобыльской катастрофы. А еще участники акции протестовали против продления срока работы старых и потому чрезвычайно опасных реакторов Ленинградской атомной станции.

Официального разрешения на митинг, которого добивались организаторы, так и не было получено, участники стояли без транспарантов, молча. Прижимая ладонь ко рту в знак того, что им запретили говорить. В руках они держали горящие свечи. «Это огонь нашей скорби и нашей надежды», — сказал Олег Бодров, руководитель организации «Зелёный мир», распо-

ложенной в Сосновом Бору. Там же, где и Ленинградская АЭС.

Владимир Антонов, глава администрации Центрального района Санкт-Петербурга, отказал в разрешении на проведение акции: «Планируемое место проведения пикета никак не связано с целью пикетирования». А ведь в 80 км от города находятся Ленинградская АЭС и крупнейшее хранилище ядерных отходов, содержащее радиоактивность 40-50 Чернобылей... Если мы не будем говорить об опасности, которую оно в себе несёт, — кто сделает это за нас?

Почти пятьдесят организаций из двадцати европейских стран в День Памяти Чернобыля, 26 апреля 2004 года, начинают Европейскую кампанию по сбору миллиона подписей против использования атомной энергии. Они поставили своей целью сделать это не более чем за год. Часть представителей от этих организаций приехала в Петербург с целью содействовать развитию этой кампании в России.

Улла Клотзер из финской организации «Женщины против атомной энергии» сказала: «Если Россия хочет называть себя демократической страной, мы должны получить разрешение на протест в Сосновом Бору и в Петербурге».

ЭП

Фото: Варвара Борисова

ТИХООКЕАНСКИЙ «ЧЕРНОБЫЛЬ»

Если бы об этой катастрофе вовремя узнали специалисты — не было бы кошмара Чернобыля

Виктор Терешкин

Санкт-Петербург

vic@ecopravo.info

Многие из нас неосознанно тоскуют по застойным временам. И эта тоска то и дело прорывается вздохами — а помните, как дружно все ходили на демонстрации, какие песни пели? Главное — цены, вы помните, какие низкие были цены? И был единый, сильный Союз. И все его боялись, потому что наша армия, наш флот, наши ракеты и подводные лодки... Было больше порядка, коммунисты умели управлять громадной империей. И всегда там, наверху, решали, что нам знать положено, а чего мы не должны узнать никогда. История катастрофы подводной лодки К-431 — о том, как такой порядок поддерживался. Какой ценой мы за него платили и платим.

Перезарядка

Атомную подводную лодку (АПЛ) К-431 675-го проекта называли подводным авианосцем, потому что она несла на борту восемь самолетов-снарядов (так во время ее проектирования в СССР называли крылатые ракеты), которые могли нести ядерные боеголовки. Ещё на борту были торпеды — обычные и ядерные. К-431 входила в четвертую флотилию АПЛ Тихоокеанского флота, которой командовал контр-адмирал Виктор Михайлович Храмов. В начале августа 1985 года лодку поставили на перезарядку активных зон реакторов на завод СРЗ-35 в бухте Чажма.

Операция была обычной, рутинной, перезарядку проводили офицеры специальной базы технического обеспечения. До июня 85-го базы были подчинены техническому управлению ТОФ. Но начальник Главного технического управления ВМФ адмирал Новиков развил бешеную активность, чтобы все базы по ремонту реакторов и перегрузке активных зон были переведены в состав флотилий, на территории которых они находились.

И неизбежно встает вопрос — зачем адмиралу этот маневр понадобился? Что, он не знал, что строевые офицеры, конечно же, проходили в училищах курс ядерной физики, но в тонкостях запуска и отладки реактора разбираются поверхностно? Что основная их задача — лодку содержать, экипаж учить, в походы ходить, вражеские субмарины отслеживать? Знал все это Новиков, отлично знал. Понадобилась ему эта рокировка, чтобы уйти от ответственности.

Ещё в начале 50-ых, когда в СССР было принято реше-

Однотипная К - 431 атомная подводная лодка проекта 675 (Эхо II по классификации НАТО)

ние строить атомный подводный флот, была задумана и построена инфраструктура для него. Но могильники для твердых и жидких отходов к 80-ым годам стали разрушаться, а деньги, выделенные на их ремонт, уходили неизвестно куда. Дал течь могильник в бухте Андреева на Северном флоте, радиоактивная вода потекла в бухту Большая Лопатка. Аварию засек американский спутник-шпион, высокие чины госдепа, посоветовавшись, решили известить МИД СССР — у вас крупная авария. Вот так Северный флот получил извещение о ЧП!

Могильники в бухте Сысоева (это самая южная бухта около Находки, дальше через море — Япония) были не только переполнены, но еще и стали сползать по склону. Лопнул фундамент могильника для отработанных тепло-выделяющих элементов (ТВЭЛ), началась утечка — такая же, как на Северном флоте. В бухте Сысоева был подземный завод для переработки жидких радиоактивных отходов. Но все это сложнейшее сооружение было запущено, не ремонтировалось и восстановлению не подлежало. И за все это безобразие нужно было отвечать, а отвечать должен был именно начальник Технического

управления ВМФ адмирал Новиков. Чтобы уйти от ответственности, нужны были стрелочники. Поэтому Новиков и добился того, чтобы базы ремонта и перезарядки активных зон были сброшены на плечи командующих флотилий. Потек могильник, случилась авария — где виновник? Командующий флотилии! Он не досмотрел, не учел, не сделал. Ату его!

Очковтирательство

К-431 поставили у причальной стенки завода, рядом с другими лодками, подогнали плавмастерскую, вскрыли реакторный отсек, поставили над ним домик из силумина, и перегрузочная команда из 11 человек приступила к работе. Это были опытные офицеры, капитаны II-III рангов, капитан-лейтенанты, которые перегрузили не один десяток реакторов. Без всяких проблем команда обработала один реактор, перегрузила и второй — кормовой. Оставалось провести его гидравлическую проверку — соединить с соответствующей системой, дать давление в 36 атмосфер. Дали. И кормовой реактор этой проверки не выдержал, он потек уже при 12 атмосферах.

Негерметичность реактора — чрезвычайное происшествие, о нем офицеры обязаны были доложить по команде до Москвы, в Главное техническое управление. На устранение этой неисправности должен был дать разрешение адмирал Новиков, предварительно доложив самому Главкому. По инструкциям, положениям и уставам, каждая строчка которых была написана на основании трагического опыта, кровью была оплачена, надо было немедленно доложить.

А они не доложили. Потому что им уже было ясно — внутри реактора оставлен электрод. А за это придется отвечать. Отвечать, конечно же, не хотелось. Вот они и решили все сделать по-тихому, в субботу прийти на лодку, поднять плавкраном крышку, достать электрод — и все шито-крыто. По команде доложили, что перегрузку закончили, в субботу проведут гидравлические испытания.

Взрыв

Пришел этот страшный день — суббота, 9 августа 1985 года. Они уже никогда не расскажут, с легким ли сердцем шли на завод, томило ли их предчувствие смерти. Это были опытные офицеры. Парадокс в том, что когда люди начинают на «ты» разговаривать с нейтронами, у них притупляется чувство страха.

Когда загружается свежим топливом активная зона, в нее помещают все элементы управления: стержни аварийной защиты, основную компенсирующую решетку, приборы и датчики. Идея у офицеров была простая: поднять крышку реактора так, чтобы электрод можно было достать, а цепная реакция при этом не началась. Так нашкодивший мальчишка, съев часть варенья в банке, доликает туда воды, не догадываясь, что начнется брожение и мама все равно о проказе догадается. В той «банке» было не варенье, а свежее ядерное топливо. Они знали, что если крановщик ошибётся и поднимет крышку на несколько сантиметров выше — грянет взрыв, начнется цепная реакция.

Наверняка они проводили расчеты, чертили схемы. Только в этих выкладках они не учли главного: подводная лодка и плавкран — не жестко закрепленная система, от любой волны и лодку, и кран может качнуть.

Крышка дрогнула и поползла вверх. Одиннадцать обреченных на смерть офицеров не знали, что вместе с крышкой поползла вверх из зоны и компенсирующая решетка — её заклинило. Достаточно было малейшей

случайности, чтобы грянул взрыв. И она не заставила себя долго ждать. На полном ходу, с флотским форсом в бухту влетел торпедолов из соседнего дивизиона. Его командир наплевал на запрещающие сигналы, которые висели на брандвахте у входа в бухту. Кран качнуло, стрела пошла вверх, и компенсирующая решетка была выдернута на критический уровень. В 12 часов 5 минут рванул мощнейший взрыв. Цепная реакция прошла за доли секунды. Потом комиссия посчитала — все произошло за 0,7 секунды. Очевидцы рассказывают, что раздался страшной силы удар, крышка реактора весом в 20 тонн взлетела в воздух. Одиннадцать человек перегрузочной команды просто испарились. Позже на берегу бухты нашли руку, оторванную по локоть, и ногу, оторванную по бедро. Они были белого цвета, словно вываренные в атомном огне. На пальце руки было обручальное кольцо, по нему и установили, что в момент взрыва излучение достигало нескольких тысяч рентген в час.

Испарились не только люди, но и силуминовый домик. Взлетевшая крышка рухнула прямо в реактор и повредила не только его, но и корпус из особо прочной стали толщиной в 20 миллиметров. Ниже ватерлинии в нем образовалась трещина, и вода хлынула в реакторный отсек. Все ядерное топливо, не сгоревшее во время цепной реакции, было выброшено в воздух в виде высокорadioактивных частиц. Они упали на воду бухты, накрыли ремонтный завод и часть поселка. Завыли сирены тревоги, и все, кто был на лодках, в цехах завода рванулись прочь, спасая свои жизни...

Вспоминает вице-адмирал Храмов:

— Я в этот день возвращался из Москвы, был на сборах у Главкома. В 15 часов наш самолет сел на аэродроме под Владивостоком, и тут же бежит дежурный офицер:

— Командующего четвертой флотилии контр-адмирала Храмова к телефону!

Сердце у меня сжалось, бегом к телефону, мне докладывают:

— В Чажме произошел тепловой взрыв реактора!

Я чуть успокоился: думаю, тепловой взрыв — это не самое страшное, это не катастрофа. Конечно, могло кого-то обварить. Прыгнул в машину и рванул туда. Только в 16.30 доехали. Бегу на завод — нигде никого. Никого, ни одной живой души нет и на подводных лодках. И вдруг вижу — навстречу спешит капитан-лейтенант, дежурный по К-42. К сожалению, не помню его фамилии. Этот удивительный человек, настоящий герой, не бросил службу, не убежал, как все. Он один метался по территории завода, потому что аварийная лодка стала тонуть, корма осела, нос задрался. Глубина у пирса там — 15 метров, осадка лодки — 7. Если бы К-431 ушла на дно, вся радиоактивная зараза и по сегодняшний день лежала бы на дне бухты.

Но как спасти погружающуюся махину водоизмещением под шесть тысяч тонн вдвоем? И тут мы увидели, что к лодке спешит буксир, причем не военный, а гражданский. Его привел простой мужик, не заканчивал он военных училищ, просто понял, что в огне брода нет. Мы с капитан-лейтенантом схватили с пожарного щита топоры и стали рубить швартовые концы, кабели питания, воздуховоды вентсистем — все, что связывало лодку с берегом. Подхватили ее буксиром под уздцы и потащили к отмели, главное было — посадить на мель, не дать утонуть. Запомнился мне еще мой заместитель по электро-механической части Надточий. Он во главе аварийной партии высадился на К-431, когда мы ее тащили к отмели. Им удалось прорваться в кормовые отсеки. Они пытались

запустить главный осушительный насос, чтобы откачивать воду. Электричества на лодке не было, с берега притащили кабель и все выкачивали, выкачивали воду, не давая лодке уйти кормой на глубину.

Потом надо было убрать плавмастерскую на рейд, все лодки, стоявшие рядом, растолкать к другим пирсам. Обязательно надо установить фамилии того капитан-лейтенанта и храбреца с буксира, это были настоящие герои.

Какие там были уровни гамма-излучения? В тот момент я был начальником, ответственным за все. И мне было уже все равно, сколько рентген я хватаю! Через несколько часов, уже к вечеру, капитан II ранга Полуян, заместитель начальника службы радиационной безопасности, организовал замеры. Полезли с приборами в реакторный отсек, где уже работали аварийные партии из состава моей флотилии. Стали замерять радиационную обстановку на причалах. Цифры были колоссальные, ведь были выброшены частицы топлива, они светили по 400 рентген в час. А нужно было спускаться в «светящуюся» лодку за автоматами, все они были радиоактивными, потом пришлось радистам спускаться и демонтировать спецаппаратуру секретной связи. Участвовала вся флотилия. А август выдался жаркий, люди работали в спецащите, черных таких костюмах. И падали в обмороки от тепловых ударов. Тогда пригнали пожарные машины и пожарные, получая дозы, охлаждали моряков, которые все шли и шли работать в радиоактивное пекло.

Ситуацией на акватории занималась Приморская флотилия и химические службы флота, были задействованы целые химические полки. Я руководил аварийными работами на К-431, а командование флота организовало работы на заводе и в зоне следа. Снимали асфальт, грунт, от цехов остались только столбы, потом к ним крепили новые бетонные плиты. Светились не только эти стены, но и пирсы, крыши цехов, облучились и рабочие, и жители поселка. И, насколько я знаю, лишь немногие потом получили документы, дающие право на льготы. Основная масса облученных Чажмы не получила никаких документов, это значит, они ничем не смогут доказать, что пострадали от этой аварии.

Расследование

Правительство СССР об аварии ничего не узнало. Вся информация осела в недрах Тихоокеанского флота. Так утверждает вице-адмирал Храмцов. Опять режимом сверхсекретности прикрывали флотские начальники свои погоны, теплые места, на которых пригрелись. Ведь если доложить всю правду о катастрофе в Чажме — надо будет отвечать.

На основании чего сделал свой вывод о сокрытии информации Храмцов? Председателем комиссии по разбору аварии был назначен адмирал Новиков, начальник главного Техупра ВМФ. Он-то и сделал вывод: во всем случившемся виноват контр-адмирал Храмцов. Он за неполных два месяца, на которые техническая база вошла в состав четвертой флотилии, должен был навести идеальный порядок, все исправить, проверить и доложить. Стрелочник был найден.

Парткомиссия ТОФ тут же объявила контр-адмиралу строгий выговор с занесением в учетную карточку, а Новиков написал проект о снятии Храмцова с должности и назначении с понижением. Проект был согласован с командованием ТОФ. Оставалось только согласовать приказ у начальников Главного и Генерального Штабов Министерства обороны. Новиков положил проект при-

каза на стол начальнику Генштаба маршалу Ахромееву. Тот прочитал проект и спросил: «Подождите, а с каких это пор командармы стали отвечать за котлы? Их же техники должны блюсти, это же сугубо технический вопрос. А кто у вас в ВМФ начальник Главного технического управления? Вы? Так почему же вы Храмцова подставляете? Вы себя в этот приказ впишите, обозначьте, что вы виновник! А Храмцов пусть в походы ходит, пусть стреляет, обеспечивает боевую готовность флотилии и безопасность родины».

А дальше Ахромеев спросил у побледневшего адмирала Новикова о том, сколько ему лет. А Новикову уже давно было пора идти на пенсию. И маршал посоветовал ему написать об этом рапорт.

Контр-адмиралу Храмцову объявили неполное служебное соответствие, и он остался на своем месте. Потом он доказал, что в ЧП виновен не был, взыскание с него сняли, сняли строгий выговор. Он получил звезды вице-адмирала, еще пару лет прокомандовал флотилией и ушел в Военно-Морскую Академию.

Из К-431 вырезали взорвавшийся реактор, долго вели работы по дезактивации. Останки реактора поместили в спешно построенный саркофаг из бетона, остальные могильники пришлось вскрывать бульдозерами, чтобы поместить огромные объемы грязного грунта, асфальта, бетона, одежды. Понадобились огромные деньги, чтобы построить новый могильник. Авария стала толчком для того, чтобы их начали строить. А про жидкие радиоактивные отходы опять «забыли». Их по-прежнему заливали в баки на специальных судах, потом разбавляли чистой морской водой и вывозили в море — оно все стерпит.

К-431 стоит и сейчас на основной базе флотилии — в бухте Павловского у нулевого пирса, который уже до того был «грязным». До сих пор эта лодка «светит» и загрязняет акваторию. Ее надо разрезать и захоронить, но никто такого решения не принимает. В России ждут утилизации больше ста атомных подводных лодок, когда еще дойдет очередь до К-431!

Чажму засекретили. И тогда грянул Чернобыль

Я спросил у Виктора Михайловича Храмцова:

— Если бы всему ВМФ и Министерству обороны рассказали всю правду о катастрофе в Чажме, о том, чего стоило ее ликвидировать, это могло бы стать каким-то уроком, могло предотвратить Чернобыльскую катастрофу?

— Это принципиальный вопрос. Ведь авария на К-431 произошла из-за недисциплинированности и авантюризма самих специалистов — перегрузчиков реактора. А на Чернобыльской АЭС кто виновен в катастрофе? Те же самые «великие специалисты», которые возомнили, что с реактором можно делать все что угодно, отключая все системы защиты. Правда о катастрофе в Чажме нужна была не только всему Военно-Морскому Флоту СССР и его Вооруженным Силам. Это было важно для всей страны и планеты. Дали бы информацию для всех специалистов Минатома, наверное, и на Чернобыльской АЭС трижды подумали, прежде чем начинать свой трагический эксперимент. Минатом, возможно, принял бы мощные меры профилактики. Но ведь до сих пор об аварии в Чажме нет никакой информации. До сих пор все скрыто под завесой государственной тайны.

ЗОНА

Наталья Манзунова

Челябинск

edelveis@telecom.ozersk.ru

Как все советские школьники и студенты, я много лет изучала английский язык сначала в школе, затем в институте, даже сдавала кандидатский минимум. Помню, меня тогда сильно раздражало, что почти каждое слово имеет несколько вариантов перевода и не знаешь, какой лучше употребить.

Недавно общалась с одним американским журналистом. Одна из тем, которая его интересовала, — как живут люди в закрытых территориальных образованиях (ЗАТО), бывших «почтовых ящиках», — городах, у которых не было названия, а был только номер. В одном из таких городов я и родилась. Теперь он называется Озерск.

Журналист спросил:

— А как вы сами называете свой город?

Я машинально ответила:

— Зона.

И только сейчас заметила, что в нашем родном языке тоже много слов, которые имеют совсем различные значения. К такому слову относится и слово «зона». Зона отдыха. Зона — место содержания преступников. Зона — так до сих пор называют свой родной «закрытый» город проживающие в нем жители.

А еще зона — это 30-километровая полоса отчуждения, которую очертили на скорую руку после аварии на Чернобыльской АЭС.

Тогда мало кто знал, что это не первая радиационная авария. И чем она грозит человеку, растениям и животным. Почти никто не знал и о существовании на Урале Опытной Научно-исследовательской Станции ПО «Маяк» (ОНИС), работы которой были засекречены многие годы. После аварии на радиохимическом комбинате «Маяк» в 1957 году образовался так называемый Восточно-Уральский радиоактивный след. Он представлял собой полосу шириной 4-6 км и протяженностью около 100 км. На его территории оказались деревни, пашни, огороды, леса, поля, озера со своей флорой и фауной, загрязненные в той или иной степени радионуклидами. Около 45 лет сотрудники ОНИС в условиях строгой секретности проводили целый комплекс исследовательских работ. Костяк работающих составили сотрудники с высоким уровнем знаний и квалификации. А еще энтузиазма и какой-то доли фанатизма, позволившими им работать в небольшой, изолированной от мира научной организации и достигнуть при этом таких результатов, которые на поверку оказались на уровне мировых. Опытная станция явилась своего рода alma mater советской радиологии. До чернобыльской аварии территория следа представляла единственную в мире экспериментальную площадку, где в натуральных условиях можно было проводить любые радиэкологические эксперименты и наблюдения.

Приказ — в Чернобыль!

Не удивительно, что уже 4 мая 1986 года большая часть сотрудников и лаборантов улетела в Чернобыль для изучения обстановки после катастрофы на ЧАЭС. По приказу должны были ехать женщины старше 30 лет и все мужчины. В течение всего года работники ОНИС летали из одной Зоны в другую, но уже никто не соблюдал возрастные ограничения. Мы смеялись, что свободны от Зоны только в воздухе. С 1987 года в Чернобыльской Зоне стали создавать постоянные организации. Около двух десятков специалистов Опытной станции были переведены на постоянную работу в Припять, где они организовали отдел рекультивации и дезактивации природных объектов ПО «Комбинат». Они проработали там от одного до 10 лет. Необходимо было оценить масштаб аварии, определить степень загрязнения природных объектов радионуклидами, разработать технологии по их снижению и применить их на практике. Я оказалась в числе этих специалистов, и мои перелеты из Зоны в Зону вахтовым методом продолжались четыре с половиной года.

Казалось, что произошла нейтронная война

В Припяти для лаборатории и отдела отдали тепличное хозяйство, расположенное почти на окраине города, и стоящий рядом детский сад. Теплицы были гидропонные, построенные по голландской технологии, но их до аварии не успели сдать в эксплуатацию. Там мы и проводили наши эксперименты, отработывали технологии выращивания «чистой» овощной и цветочной продукции в сильно загрязненных радионуклидами условиях и методики по снижению их концентраций.

В детском саду должны были расположиться радиохимические лаборатории и кабинеты научных сотрудников. Я пошла посмотреть, что там за обстановка, что можно оставить для рабочих нужд, а что вывезти на могильник. Моя нервная система, еще не адаптированная к тем условиям, пережила первый мощный стресс. Сначала поразила роскошь детского сада — оказалось, что он принадлежал атомной станции. В комнатах на полу лежали китайские двусторонние и очень красивые ковры. Спальные комнаты оформлены так, что шторы и покрывала на кроватках были из одного материала, в каждой группе своей расцветки. Стояла мертвая тишина. Она на самом деле была мертвая. Казалось, что прошла нейтронная война. Людей не стало, а все вещи оставались на своих местах. В рядочек стояли малюсенькие тувельки, в туалете — горшочки. В вестибюле в шкафчиках лежала сменная одежда. На стене — фотографии детей, которые в этот день дежурили по группе. Их симпатичные мордашки улыбались. Промелькнула мысль: «Где они сейчас и что с ними?» В одной клетке — усохший труп ежика. Казалось, что лежит одна колючая шкурка. В другой — перья от умершей птички. В огромные окна светит летнее солнце, а ощущение такое, что попал в нереальность и тебе все это снится.

В одной спальне на детской кроватке лежала живая собака. Видимо, она жила при детском саде до аварии и ко-

На снимке: детский сад в Припяти

го-то из детей любила больше других. На его кровати и расположилась, так как остальные были не тронуты, а на этой покрывало было очень грязное и смятое. Она еле сползла со своего места и подошла ко мне. Я ужаснулась ее виду. Нижняя часть лап была лишена шерсти, голое мясо кровоточило. Из рта тонкой струйкой непрерывно текла слюна. Глаза были мутные. Я даже не поняла, видит ли она что-либо. У нее был внешний бета-ожог, так как она уже год ходила по радиационно-загрязненной почве и растительности. А внутренний ожог был от того, что ела «грязных» грызунов.

Когда мы еще раз заходили в садик, то нашли ее на той же кровати. Она исчезла только тогда, когда мы вывезли все вещи на могильник. Мы оставили себе несколько столов и ковры. Их мы резали и стелили на пол при входе в здание после корыта с дезинфицирующим раствором для мытья обуви, чтобы не растаскивать радиационную грязь. Выбирая столы для сотрудников, я взялась за столешницу одного из них и закричала от страшной боли, пронзившей мой большой палец. Воды в садике не было, я стала плевать на него и тереть об одежду. Потом он опух, долго болел, стал сине-сиреневого цвета. Вскоре с него слезла кожа. Видно, получила радиационный ожог, схватившись за «горячую» частицу.

Какую дозу получили — не узнаем до самой смерти

Детские одеяльца мы резали и шили из них зимой шарфы, шапки, варежки и жилетки. Все это мы надева-

ли поверх спецодежды для тепла, чтобы ее сильно не загрязнять радионуклидами, когда ехали в лес собирать пробы снега, деревьев, кустарника. На ноги сверху еще надевали пластиковые бахилы, которые сами шили из пленки. Лаборантов ведь не хватало. Все сотрудники ездили по Зоне за пробами почвы, растительности.

Однажды зимой мы почти все поехали в лес. С нами была машина, у которой поднималась люлька, в которую садился сотрудник. Он сбрасывал вниз шишки с сосны, начиная с верхушки. На нас сыпался снег, а мы собирали и сортировали шишки по пакетам. Вернулись на базу — и тут началось. Страшно заболела голова, появилась сильная слабость, головокружение, тошнота. Так было почти после всех выездов по территории 30-километровой Зоны.

Надо сказать, что с дозиметрическими приборами было тяжело. Так называемых «карандашей», которые показывают внешнюю дозу радиации на данный период, я за все четыре с половиной года в глаза не видела. А что показывали кассеты, которые выдавали на вахту, мы не знали. Они были рассчитаны на небольшую внешнюю дозу. А если доза оказывалась значительно выше, то не было понятно — насколько. Да и те данные от нас скрывали. Поэтому мы не знали, в каких радиационных полях работали. Сейчас известно, что основной вклад в дозу

вносило именно внутреннее поступление радионуклидов. Но, думаю, сколько мы взяли, не узнаем до самой смерти.

Я много раз сама измеряла поверхностное загрязнение территории теплиц и лабораторий. Делала карты съема. Требовала приезда работников отдела радиационной безопасности, чтобы они их подтвердили. Я хотела сделать расчет, сколько надо находиться людям на том или ином рабочем месте. Из отдела приезжали, замеряли. Но карты таинственным образом исчезали. Я делала новые в двух экземплярах. Снова вызывала дозиметристов и медиков. Требовала разовые дозиметрические «карандаши», чтобы можно было оценить суточный вклад. Но кончилось все тем, что меня пообещали уволить по статье, если еще буду «возникать». Мне пришлось все теплицы промерить и самые грязные места завалить битыми цветочными горшками. На трубах отопления мелом ставить метки, в каких местах нельзя стоять.

Плачущие автобусы

Рабочие теплиц были, в основном, эвакуированы из Припяти, Чернобыля и соседних деревень. Их увезли из своих домов и квартир фактически без вещей. Они не знали о дальнейшей судьбе своей собственности и хотели работать поближе к бывшему дому. Ежедневно они ехали на работу из Чернобыля, где жили в общежитиях, в Припять. Ехали мимо своих домов. С какой тоской они смотрели в окна своих квартир, в которые уже никогда не смогут вернуться. На балконах стояли велосипеды, уже год висело на веревках белье, занавески трепетали

в открытых форточках. Дома были под сигнализацией, чтобы избежать мародерства. Целый год не было решения, что же с этим добром делать. Отключили свет, воду, отопление. Когда мы ехали по Припяти, опять возникло ощущение нейтронной войны. Людей, птиц, животных нет. А все неживое осталось.

Сама 30-километровая Зона имела несколько внутренних зон. В 30-километровую вошли города Припять, Чернобыль и большое количество деревень. Все это было огорожено первым рядом колючки. Несколько КПП. Мы жили в Чернобыле, там нас сажали на «чистые» автобусы и везли в Припять. При выезде из Чернобыля стоял первый милиционный пост. В салон заходил милиционер. Мы дружно поднимали пропуски. Он проходил по автобусу — проверял, нет ли «чужих». Мы ехали дальше до пересадки на ПУСО (пункт санитарной обработки) в Лелеве. Там пересаживались в «грязные» автобусы. Одни ехали на ЧАЭС, другие в Припять. Припять была обтянута вторым кольцом колючей проволоки под напряжением. Снова КПП и проверка пропусков и автобуса. Третье кольцо ограждало квартал в середине Припяти, который был чуть «чище» остальных.

Осенью 1987 года было окончательно решено, что никто в Зону жить не вернется. Большой вклад в это внесли и наши специалисты. Они сделали подробные карты радиационного загрязнения территории Зоны. Было решено захоронить все деревни и все вещи из домов Чернобыля и Припяти. Из наших лаборантов составили команды, которые ходили по домам и описывали все имущество в квартирах.

С каждой командой ходил человек из органов или милиционер. Они собирали деньги, документы, драгоценности. Все описывалось и пломбировалось. Хорошие шубы, ковры резали ножами. Хрусталь сметали с полок на пол и били. Это чтобы мародеры не вывезли за Зону и не продали. Авария произошла накануне праздника 1 Мая. Жители города затарили свои холодильники по полной программе. За год все это протухло. Стоял страшный смрад. При спешной эвакуации кто-то не закрыл кран с водой. За год снег и дождь попадали в открытые окна и форточки. Некоторые квартиры сильно промокли, обои свисали клочьями. Было очень тяжело ходить по квартирам и физически, и морально. Заходишь в чужую квартиру, представляешь, как жили ее бывшие хозяева, видишь брошенные дорогие их сердцу вещи, семейные реликвии, фотографии. Сердце щемит! Иногда нервная система не выдерживала, наворачивались слезы. Увидишь детскую кроватку, пеленки, игрушки... В одной общезнании побывали мародеры, что-то искали. В одной комнате весь пол был засыпан фотографиями. Я хотела зайти, но не смогла поставить ногу на чье-то фотолицо.

Квартиры в Припяти переписывались дважды. За нашей командой шли дозиметристы. Они измеряли загрязнение теле- и радиоаппаратуры, холодильников, других бытовых приборов. На относительно «чистые» мелом ставили отметки. Некоторые жители до аварии купили новые гарнитуры и прочее, но не успели распаковать. То, что имело отметку дозиметристов, попадало в магазин под названием «Радуга». Потом холодильники, телевизоры, плитки и прочее отдавали нам в общежития для пользования.

После дозиметристов в квартиры заходили солдаты. Они заворачивали вещи в одеяла, покрывала и выбрасывали в окна. Под ними уже стояли грузовые машины. Мы едем на работу мимо этих домов каждый день и видим, как из окон летят холодильники, телевизоры, тюки с вещами. Стоит мертвая тишина в автобусе. Такая тишина

бывает, когда опускают гроб с покойником. Вдруг кто-то из сидящих в автобусе вскрикнет и зарыдает, показывая на свою квартиру, увидев, как летят вниз его вещи. Или взглянув на открытые окна уже пустой, а еще недавно такой родной квартиры. Многие женщины заплачут, мужчины отвернутся. Так и едем до работы в плачущем автобусе. В квартире моей припятской подруги за край балкона зацепился матрац. Так он и висел печально не один год. Когда все квартиры были вычищены, дома стояли как мертвые каменные изваяния с пустыми глазницами окон. Ночью Припять не освещалась, едешь поздно с работы, как по кладбищу.

Птицы вернулись в радиоактивные леса

У нас работало много женщин, которых эвакуировали после аварии. Они рассказывали о тех тяжелых днях. Столько трагичных историй, хоть книгу пиши! Одна из них жила в Чернобыле в своем доме у реки. Разрешали брать с собой при эвакуации только те вещи, которые легко отмыть от радиационной пыли. Много ли на себе унесешь? Они с мужем сложили скарб в лодку. Зарубили корову, положили ее мясо в погреб в огороде, открыли дверцу, чтобы их любимый пес был сыт какое-то время. Сели в лодку с мотором и поплыли. Пес прыгнул в воду и поплыл за ними, жалобно лая. Хозяйка зарыдала, кричала ему, чтобы вернулся. Но он плыл следом, пока силы не оставили его.

Домашних животных, оставленных хозяевами весной 1986 года, расстреливали солдаты и хоронили на скотомогильнике. Многие животные были привязаны или заперты в сараях. В деревнях стоял сплошной лай, мычание, блеяние, мяуканье. Куры и утки бегали по улицам. Те животные, которые убежали, потом одичали. Собаки скрестились с волками. Многие дикие животные были больны бешенством. Были случаи нападения бешеных лис и собак на людей. Однажды мы с начальством возвращались из Припяти в Чернобыль на двух легковых машинах уже по темноте. Маленький «Запорожец» был забит битком и еле ехал. Вдруг фары осветили большого кабана на дороге. Не успел водитель затормозить, как зверь разбежался и столкнулся с нами лоб в лоб. Кабан кувыркком скатился с дороги, а мы, испуганные высыпали из машины. Весь радиатор у машины был разбит. Стали ждать «Жигули» директора, выехавшего чуть позже нас. Оказалось, что кабан очухался, увидел следующую машину, которая раздражала его горящими фарами, и помчался на нее. Распорол клыками крыло со стороны водителя.

Известно, что птицы после зимы возвращаются на свои старые места, а журавли — в свои родные гнезда. В ту весну птицы вернулись в уже радиоактивные леса. Многие погибли, другие вывели слабое потомство и вместе с ними больные птенцы не смогли осенью улететь в теплые края. В 1987 году птиц в Зоне не было совсем. А весной 1988-го мы ехали в Припять на работу. Стоял чудесный солнечный день. Водитель остановил автобус недалеко от теплиц, показывая в сторону рукой. Мы увидели на зеленой полянке стоявшего журавля. Выскочили из автобуса, стали обниматься, смеяться и плакать одновременно. Птицы возвращаются, значит, возвращается в Зону жизнь!

Помню в ту весну тоскливую картину: журавль сидел на бетонном столбе, держащем колючую проволоку, и смотрел туда, где была его деревня и его гнездо, куда он прилетал ежегодно. А ее не было. Захоронили все дома в могильник, засыпали землей, оградили колючей проволокой.

Последние «жители» Припяти

За все годы работы в Чернобыльской Зоне мы почти каждый день сталкивались с тем, что разрушало нервную систему сильнее радиации. Организм из-за инстинкта самосохранения потом просто «отключился» и не реагировал ни на что.

В 1988 году я перешла на должность ведущего инженера в специальное предприятие «Комплекс», которое занималось работами по захоронению, следило за могильниками и скважинами, по которым смотрели, не пошли ли радионуклиды по подземным течениям в реку Припять. Однажды мне в Припять позвонил профессор одного Казанского НИИ Копейкин, попросил найти для него какую-нибудь емкость с ручками. Они хотели собирать воду, вытекающую из высокоактивного могильника. Приехавшие с Копейкиным ученые искали и испытывали различные сорбенты, которые хорошо задерживают радионуклиды. Для этого надо привозить от могильника радиоактивную воду, но не в чем. Я позвонила в отдел охраны, попросила снять сигнализацию с больницы. Мы с профессором залезли в окно первого этажа, так как дверь была закрыта на замок, стали искать емкость. На одном этаже я увидела обыкновенный бидон, в котором в деревнях перевозят молоко. Позвала профессора. Открыла бидон и увидела четыре мумии маленьких детей. Они были коричневого, почти шоколадного цвета. Ручки и ножки согнуты, глаза закрыты. Наверное, перед эвакуацией каким-то беременным женщинам на последних месяцах стало плохо, им сделали кесарево сечение. А малышей положили, надеюсь, уже мертвыми, в бидон и в суете забыли. Профессор посмотрел в бидон, ему стало дурно, а я продолжала рассматривать детей. Профессор Копейкин потом удивился, что я женщина, а так спокойно смотрю на такое. К этому времени я уже мало на что реагировала, повидав столько, что никакая нервная система не выдержит. Но это мне потом аукнулось посттравма-

тическим синдромом. Профессор зашел в операционную на этом же этаже. В одном боксе он нашел еще несколько зародышей.

Мы ушли из больницы, но на другой день профессор позвонил снова, так как кроме этого бидона ничего подходящего не нашел, и попросил помочь забрать его. У меня почему-то в мыслях возникла картинка, что мумии детей надо будет достать из бидона и куда-то деть. Я отказалась это делать, послав с ним нашего шофера. Позже узнала, что они вдвоем вырыли около больницы маленькую могилку и захоронили всех из бидона и бокса, положив на поверхность валявшийся недалеко металлический лист — для памяти. Это были последние «жители» города Припять. А на другом этаже больницы, где располагалось ранее детское отделение, на одной маленькой кровати лежала мертвая собака. Та самая собака, которая жила в детском саду. Когда мы заняли садик, она пришла в детское отделение в больницу, чтобы умереть на детской кровати. Видно, она раньше очень любила детей! Но за год ее труп не разложился, а тоже мумифицировался. Она умерла с поднятой и чуть повернутой назад головой. В такой позе и застыла. Видно, сильнейший радиационный фон способствовал гибели разлагающихся органику микроорганизмов, поэтому физическое тело не разлагалось, а превращалось в мумию. В научных книгах писали, что и в центре египетских пирамид аккумуляровалась радиационная энергия космоса. Это способствовало долгому сохранению мумий.

Как-то вечером в Чернобыле мы сидели в одной компании. Некоторые из мужчин ранее жили в Припяти. Они рассказывали, как их привлекли к работам по эвакуации населения. Всех уже вывезли. Они напоследок зашли в морг, там лежал труп старого человека. Я помню, что они его оттуда забрали, а вот где похоронили — не помню. Не знаю, успел ли он мумифицироваться. Позже я по радио услышала, как одна женщина рассказывала, что перед эвакуацией из Припяти у нее умер отец. Она просила откликнуться тех, кто знает, где его захоронили. А я не могла вспомнить, кто в той компании расспрашивал об этом случае.

Ликвидация ликвидаторов

Те, кого так или иначе затронула чернобыльская катастрофа, в последнее время с горечью наблюдают, как идет наступление на льготы, установленные базовым Чернобыльским Законом. Кому выгодно объявить мифом последствия чернобыльской аварии, принесшей людям столько бед? На руку это тем, кто хотел бы укрепить бюджет страны за счет полного истребления ликвидаторов аварии и прекращения финансирования работ по преодолению последствий чернобыльской катастрофы. Министр Починок был инициатором многочисленных решений, ущемляющих социальные права ликвидаторов. Его позиция — экономить и экономить на больных людях, которые 18 лет назад отдали все свои силы и здоровье. Намечалось убрать из Закона статьи, которые не обеспечиваются финансами. Если сейчас чернобылец может подать в суд и с помощью него получить полагающееся, то при ликвидации самих статей из закона мы лишаемся и этого своего конституционного права. МЧС, спустя 16 лет после аварии, объявило о смене ликвидаторских удостоверений якобы с благородной целью — очистить ряды от липовых ликвидаторов. Для этого необходимо было предоставить командировочное удостоверение или документ о повышенной зарплате. Но командировочные удостоверения хранятся 15 лет. Да и не у всех они и были в той суматохе. Или неправильно

На снимке: чернобыльский мусор

оформлялись. Некоторые командированные в Чернобыль не доезжали до города, жили далеко за Зоной, а им поставили штампы их сотрудники в организациях, которые располагались в самой Зоне. Другие, наоборот, работали непосредственно в Зоне, а штамп им поставили в организации, которая располагалась, например, в Киеве. Были и такие, которые просто купили удостоверения. Они и сейчас смогут купить новые.

Группе сотрудников бывшей ОНИС пришлось тяжелее всего. Опытная станция сейчас расформирована, командировочные не сохранилась. Никакой повышенной зарплаты нам не давали. Считалось, что работа в чернобыльской Зоне — это обычная работа, как и в Челябинской Зоне. Процесс доказательство того, что ты ликвидатор последствий аварии 1986 года, превратился в длительную и унижительную процедуру. Для некоторых сотрудников все попытки оказались безуспешными. В то время никто не заботился о правильном оформлении бумаг, надо было срочно и много работать.

Как тяжело сейчас 50 тысячам инвалидов-чернобыльцев доказывать, что их заболевания связаны именно с работами по ликвидации последствий аварии. Экспертные советы имеют приказ связывать с такими работами только те заболевания, которые есть в утвержденном правительством списке. Но там только раковые заболевания, и то не все разновидности. Многие медицинские и научные институты уже давно установили, что лидирующие заболевания чернобыльцев — это психо-неврологические, а как следствие — сердечно-сосудистые. И вслед за ними остальные. Вот и уходят чернобыльские инвалиды на пенсию далеко не в пенсионном возрасте и получают мизерную пенсию. Что же законодательство? Оно узаконило такой способ рассчитывать пенсию по инвалидности, что ликвидатор, который был в Зоне несколько дней, может пересчитать заработок за весь месяц по этой повышенной зарплате. А те, кто там работал много лет, получают на порядок меньше. А кто был в Зоне несколько дней? Большие начальники — штатские и военные, некоторые артисты. Изначально основной Закон был составлен так, чтобы все льготы могли получить только особо приближенные лица. В том числе квартиры, путевки, страховки, пенсии. А когда у них уже было все, то для остальных с тех пор стали льготы урезать.

Что мы видим сейчас? Свертывание чернобыльского движения. Убрали налоговые льготы. Организации лишились материальной поддержки. Чем платить за офис, за телефон, за работу активистам, юристам? Спонсоры отказывают в поддержке, у них нет своей заинтересованности. Действующие организации погрязли в судебных делах. Суд стал уже их вторым домом. Это отвлечает от решения социальных программ. А что делать, если фиксированные суммы на питание и компенсацию за утрату здоровья уже четвертый год не индексируются?

Почти свернута программа обеспечения жильем. Компенсацию за путевку выдают фиксированной суммой в 8000 рублей, а не средней стоимостью путевки по региону. Но если даже ликвидатором выигран суд по выплате задолженности, это не значит, что будет получена сразу вся сумма. В Минтруда говорят, мол, неизвестно, какие суммы будут выиграны в течение года. И они не закладывают их в бюджет текущего года (заметьте, что бюджет принят профицитным, значит, деньги есть). Если выиграл суд в январе, то деньги, возможно, выдадут на следующий год. А за индексацию недополученных сумм надо снова судиться. В министерстве говорят, мол, вы у нас замучаетесь бегать по судам. Комитет по социальной защите, на который возложили всю ответственность за выполнение Закона, превратился в комитет по социальному препятствию.

Помните, как в те постчернобыльские дни страну обошел документальный фильм, когда показывали улыбающихся шахтеров, только что вылезших из-под взорвавшегося блока? Мир тогда застыл в ожидании — прожжет ли раскаленная масса дно поврежденного реактора, уйдут ли миллионы кюри радиоактивного вещества в грунтовые воды? Это была бы

новая мировая катастрофа! Тогда наши шахтеры совершили подвиг и в кратчайший срок подвели бетонную подушку под реактор. Смотрю фильм — улыбаются с экрана те, кого уже нет с нами, — и ужасаюсь: «Кто же вас, дорогие ребятки, послал на такую работу без средств радиационной защиты? Понимаете ли вы, что совершаете подвиг и спасаете людей всей планеты, а сами скоро будете умирать в муках? А в СМИ постоянно будут распространять информацию, что ликвидаторы только и занимаются тем, что преследуют свои шкурные интересы. Что им бы только побольше выбить для себя денег!»

Значит, когда государству необходимо было любой ценой ликвидировать аварию, на это добровольно-принудительно посылали сотни тысяч людей, используя их в качестве биороботов, не представляя информации об угрозе их здоровью и жизни. Теперь необходимо все представить не как подвиг, а даже всячески очернить оставшихся в живых. Зачем? Во имя чего? Да потому, что Минатом стремится строить новые АЭС. Получать огромные, многомиллионные прибыли. И надо убеждать россиян, что реакторы совершенно безопасны в эксплуатации. Поэтому Минатом молчит о том, сколько на самом деле каждая АЭС производит опаснейших радиоактивных отходов. Поэтому Минатом умалчивает о состоянии старых АЭС, выработавших свой срок. Потому что если их закрывать, захоранивать, денег на строительство новых блоков уже не будет. В Минатоме либо молчат, либо лгут.

Но если будем молчать мы, выжившие после той катастрофы, все, кто понимает, чем грозит эта безумная атомная гонка, то наша Земля вскоре может оказаться огромной безжизненной радиоактивной Зоной.

ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ НЕ ЛЮБЯТ: ОНИ НАПОМИНАЮТ О БЕДЕ

Эдуард Мейлах
Челябинск
eco@green.urc.ac.ru

Наш разговор с заместителем председателя челябинской городской организации «Инвалиды Чернобыля» Александром Хлобыстиным состоялся накануне печальной даты — очередной годовщины аварии на Чернобыльской атомной станции.

Ликвидаторы атомных аварий, принесшие свое здоровье на алтарь государства и его бездумной атомной политики, теперь оказались никому не нужны. Они головная боль для аппарата власти. Государство отвернулось не только от чернобыльцев, но и от тех, кто создавал ядерный щит державы. Ветераны подразделений особого риска, чернобыльцы и малолетние ликвидаторы аварии на химкомбинате «Маяк» в равной степени чувствуют себя брошенными. Они вынуждены судиться с государством — не ради нищенских пособий, а чтобы восстановить справедливость, напомнить, что они еще живы и могут за себя постоять.

Тянуло назад, в Чернобыль

— В зоне Чернобыля я оказался, выполняя «священный долг советского гражданина», — рассказывает Александр. — К тому времени я окончил Челябинский Политехнический Институт, получив военную специальность ракетчика, и отработал положенные три года по распределению. После этого меня призвали офицером на действительную военную службу: авария произошла в апреле, а в армию меня забрали в сентябре.

Я приехал по предписанию в Киев. Город в то время был почти пустой — видимо, многие испугались и разъехались. В тот же день меня направили в Чернобыль, и ночью мы уже вышли на работу.

— А в чем она состояла?

— Тогда была одна задача — закрыть разрушенный четвертый блок станции. Поэтому мы выполняли строительные работы, укладывали бетон в ограждающие конструкции, монтировали металлоконструкции саркофага.

У нас, офицеров, в подчинении были «партизаны». Так мы называли резервистов — тех, кто уже прошел службу в армии и был призван «для совершенствования воинской подготовки». Это они бегали по крыше взорвавшегося блока, скидывали оттуда спекшиеся после пожара куски рубероида.

— Могли ли вы отказаться, не поехать? Знали ли об опасности работы в чернобыльской зоне?

— Выбора никто не имел — ни кадровые офицеры, ни резервисты, ни командировочные. Кто знал, куда ехал, тот знал. Объясняли намеками. Лучше всего ситуацию представляли специалисты Минсредмаша. Но когда я уже был на месте, никаких вопросов не оставалось — там уже все знали, что работа сопряжена с облучением.

— Было страшно?

— Первые смены — очень. Поначалу мы по станции передвигались бегом и прыжками. Смена длилась 6 часов, а на самой площадке мы были по 40 секунд, по полторы минуты... Выбежал, что-то сделал — дырку заткнул или пальцем показал, куда бетон лить, — и бегом назад.

— Был ли дозиметрический контроль?

— Да, норма была один рентген в день. Как набрал свою дозу, как тогда говорили — «сгорел», сидишь, отдыхаешь, ждешь окончания смены.

— Часто вспоминаете то время?

— Да сейчас столько уже воды утекло, все эмоции сгладились, а мелкие детали забылись. А поначалу, как только из Чернобыля вернулся, тянуло назад. Это как наркотик.

Сколько слышал, что солдат тянет назад, на войну, никогда не верил. А тут у самого была настоящая ломка, долго привыкал к нормальной жизни без каждодневного риска.

Футбол с соцзащитой

— Какие сейчас проблемы у чернобыльцев, у их организаций?

— Конечно, проблемы со здоровьем. И проблемы с законодательством. Из этих проблем вытекают все остальные. Сначала, конечно, льготы были декларированы большие, но о них практически никто не знал. И сейчас еще кое-кто не знает. Особенно те, кто живет в маленьких городах и деревнях. Там дефицит информации.

Затем пошли поправки в «чернобыльский» закон, которые тем или иным образом уменьшали социальные гарантии ликвидаторам. Тенденция, причем, такая наметилась: закон пытаются размыть, растащить его нормы по другим законам.

К тому же за исполнение закона отвечают несколько ведомств: фонд социального страхования, казначейство, соцзащита... Изменения в закон вносятся в среднем раз в год.

— Можно ли добиться восстановления в правах, минув «чернобыльский» закон, по более общим законам о компенсации вреда?

— В 1997 году было первое постановление Конституционного суда по изменениям в этом законе. В нем признавалось, что граждане имеют право обратиться в суд по гражданскому иску с требованием возместить вред здоровью. Однако до сих пор таким делам очень проти-

вятся все — и органы социальной защиты, и суды.

— **Я знаю, что ваша организация активно отстаивает в судах права ликвидаторов.**

— Мы ушли от исков от имени организации. Выступаем в суде как представители, а чаще — даем информацию, помогаем составить исковое заявление, консультируем как на стадии подачи иска, так и в ходе судебного процесса. Помогаем собрать документы.

— **Какова тематика этих исков, какие права чаще всего нарушаются?**

— В основном — возмещение вреда здоровью, другие выплаты не платят, выдают не в том объеме, не индексируют. Индексация сейчас — самый большой вопрос.

Конституционный суд от 19 июня 2002 года постановил, что граждане могут самостоятельно обращаться в суд с требованием проиндексировать выплаты. И органы соцзащиты вздохнули с облегчением, тут же перестав индексировать компенсации чернобыльцам. Хочешь — обращайся в суд, добивайся правды.

— **То есть, фактически, государство вынуждает граждан судиться с ним?**

— Да, совершенно верно. Но это не самая большая проблема. Главное, что получить отсуженные деньги подчас сложнее, чем выиграть суд.

— **Иными словами — социальная защита не спешит исполнять судебные решения?**

— По крайней мере, в тех случаях, когда эти решения не в ее пользу. Причем не только органы соцзащиты. Чиновники очень любят перекладывать ответственность друг на друга. Соцзащита обычно отправляет инвалида в

Минтруд, а Минтруд — обратно в органы соцзащиты. И начинается футбол. Потом, когда в конце концов выясняется, кому отвечать, нам заявляют: «Нет денег!». Хотя Страсбургский суд по делу одного из ликвидаторов Чернобыльской аварии Бурдова постановил, что отсутствие денег у государства не является основанием для неисполнения его обязательств. Также как любого другого должника не освобождают от его обязательств, если он не платежеспособен.

— **Как практически происходит исполнение судебных решений?**

— Скажем, добился я индексации возмещения вреда здоровью. Иду с исполнительным листом в главное управление социальной защиты. Там либо говорят, что решение суда исполнят, либо — что чаще всего и происходит — советуют отдать исполнительный лист судебным приставам. А у приставов много дел. Потом начинаются разговоры, что, мол, надо сделать заявку, денег в бюджете не предусмотрено... Начинается долгая песня про любовь. Составляется заявка, она не принимается вначале областным

управлением, потом она согласовывается с Минтрудом.

А Минтруд, не довольствуясь законодательством о судебном производстве, издал собственные постановления о том, как исполнять такие судебные решения.

Судебные приставы общаются с государственными органами ласково, всячески входят в их положение — не с обычными же гражданами имеют дело.

— **Как скоро удается получить деньги по выигранным в суде делам?**

— В лучшем случае уходит не менее полугода, чтобы решение начало исполняться. Хотя по закону срок исполнения в принудительном порядке не должен превышать 2 месяцев.

Новый Чернобыль возможен

— **Как живут сейчас организации, объединяющие ликвидаторов аварии на ЧАЭС?**

— Имевшиеся у нас раньше налоговые льготы теперь отменены. Это еще один способ задушить наши организации, оставить каждого один на один с государственной машиной. Раньше с нами было выгодно сотрудничать бизнес-структурам. Конечно, они имели большую часть пирога, но какие-то крохи перепали и нашим организациям. Сейчас нет и этого.

Причем это проблема не только чернобыльцев, а всех инвалидских организаций.

— **Чиновники с высоких трибун много говорят о милосердии, помощи нуждающимся...**

— В конце прошлого года на день инвалидов состоялась встреча инвалидских организаций с президентом. По те-

левизору показали — Путин сделал гневное лицо, обещал разобраться, почему бюджет экономится за счет инвалидов. Но с тех пор так ничего и не изменилось.

— **Зато, насколько я знаю, недавно депутаты обсуждали очередные поправки к «чернобыльскому» закону.**

— Подчас мы не успеваем уследить за изменениями в законодательстве, которые происходят просто стремительно. Недавно в Госдуме очередные поправки в этот закон прошли третье чтение. Эти изменения в случае их окончательного принятия «тянут» на Конституционный суд.

Причем, так как закон о пострадавших при аварии на «Маяке» — отсылочный (он обращается к нормам «чернобыльского»), эти поправки затронут очень многих жителей Челябинской области. Но что интересно, когда я смотрел стенограмму вторых и третьих слушаний по этим поправкам, ни одной знакомой фамилии челябинских депутатов я не увидел. Почему они не выступили, когда обсуждались такие важные для жителей области законы?

— **Нет ли чувства, что вы идете по бесконечному кругу исков, в то время как правила игры постоянно меняют, не спрашивая вашего мнения?**

— Да, нас вынуждают идти путем бесконечных судебных исков. То есть нам говорят: «Право вы имеете, а вот теперь докажите, что можете им воспользоваться. А пока вы подтверждаете это право, мы внесем новые изменения в закон.»

— **Почему так происходит?**

— Мне кажется, Кремль выстраивал, выстраивал вертикаль власти, и эта вертикаль теперь стала единым столбом без ветвей. Прямым полированным шестом, по которому граждане постоянно скатываются вниз — задержаться не за что. Выиграл суд, пока добился исполнения решения — надо уже все начинать сначала.

— **А если снова взорвется АЭС и Родина призовет — поедете?**

— Я бы точно не поехал. А молодых заберут — и не спросят.

— **Вы считаете, что ситуация с тех пор не изменилась и риск новой катастрофы столь же велик?**

— Уверенности, что подобная катастрофа не повторится, у меня нет. Ситуация не изменилась ни в чем. Может быть, стало больше информации. Но отношение к людям такое же, если не хуже.

Постскриптум. Дозовые нагрузки на ликвидаторов ЧАЭС в 1986 году в среднем составили 0,17 Грей, однако для многих лиц отсутствуют индивидуальные данные об их облучении. Дополнительное радиационное воздействие привело к значительному увеличению числа хромосомных нарушений. У ликвидаторов отмечается существенное увеличение частоты и тяжести течения болезней нервной системы, органов кровообращения, дыхания и пищеварения, психоневрологических расстройств. Для тех, кто подвергся дополнительному облучению, характерны размытые симптомы и множественные патологии — так называемая полиморбидность.

(По данным ученых научно-исследовательского клинического института радиационной медицины и эндокринологии Минздрава Республики Белоруссия А.И. Близнюка, С.Б. Мельнова, Т.В. Шиманца, С.С. Корытько и др.)

ПИШУТ, ЧТО...

Саркофаг над саркофагом

Европейский Банк Реконструкции и Развития объявил тендер на строительство нового безопасного конфайнмента (саркофага) над четвертым энергоблоком Чернобыльской АЭС.

Как указывается в сообщении, опубликованном на сайте ЕБРР, новое укрытие в форме арки высотой в 100 метров и расстоянием между опорами 250 метров будет собрано в безопасной зоне возле энергоблока №4 и затем воздвигнуто над старым укрытием, построенным в 1986 году над разрушенным реактором.

Такой способ возведения нового укрытия направлен на минимизацию радиационного воздействия на строителей.

Новое укрытие разработано для обеспечения герметичности реактора на срок не менее ста лет и будет оснащено оборудованием для проведения работ, которые потребуются в будущем. Завершение строительства запланировано на 2008 год.

В Киеве прошли переговоры между председателем Ассамблеи доноров чернобыльского фонда «Укрытие» Хансом Бликсом и президентом Украины Леонидом Кучмой. «Встреча, в которой участвовали послы различных стран-доноров и представители ЕБРР, была проведена для обсуждения некоторых проблем реализации проекта «Укрытие», — говорится в сообщении ЕБРР.

Проект «Укрытие» финансируется через одноименный чернобыльский фонд, которым управляет ЕБРР. Правительства двадцати восьми стран-доноров обязались выделить фонду более 700 миллионов евро.

Кроме того, страны «большой семерки» планируют собрать дополнительные средства для завершения проекта. Он включает в себя мероприятия по стабилизации существующего «саркофага», внедрение интегрированной системы мониторинга радиационной обстановки, структурной целостности и сейсмической активности, а также значительные инвестиции на программы по обращению с РАО, развитию инфраструктуры площадки, обеспечению радиационной безопасности.

ЕБРР уже начал прием заявок на участие в тендере на строительство нового конфайнмента, разместив тендерные условия на своем сайте.

Грибочки со стронцием

Шесть безработных женщин наладили в одном из сел Житомирской области подпольный цех по изготовлению консервированных соков и маринованных грибов. Продукцию собирали в заброшенных садах чернобыльской зоны отселения. Все «витамины», по заключению экспертизы, были «разбавлены» радиоактивными элементами.

Марина Корец, газета «Труд», 31 марта

Владимир Грачев: «Мы можем завезти ОЯТ, переработать. Без ущерба для людей»

В начале интервью я попросил Владимира Грачева рассказать немного о себе. В ответ на это Владимир Александрович предложил мне свою книгу с романтическим названием «Теория и практика личного успеха»: там, на последней странице обложки, был указан трудовой и политический путь председателя комитета по экологии Госдумы, члена политического совета партии «Единая Россия», члена Российской Академии Наук...

Фото: Григорий Пасько

Из автобиографической справки:

«...Родился в 1942 году в деревне Тайманиха Ивановской области. С отличием закончил ивановский индустриальный техникум по специальности «теплотехника».

...Работая на Пензенском компрессорном заводе, активно занимался изобретательской и рационализаторской работой.

С 1980 года избирается на должность завкафедрой «Машины и технология литейного производства».

Автор свыше 190 изобретений, более 450 публикаций, в том числе 8 монографий, 4-х учебников для вузов, 15 учебных пособий.

В 1990 году избран народным депутатом РФ, а затем членом Верховного Совета России...

С 1994 по 1999 гг. работал руководителем аппарата Комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии и активно занимался законодательной деятельностью.

В 1999 г. избран депутатом Госдумы от избирательного блока «Единство-Медведь»...

...Участвует в разработке 30 законопроектов. Впервые за все созывы Госдумы разработана и принята «Природоохранная конституция» — Федеральный закон «Об охране окружающей среды», что позволяет рационально сочетать охрану окружающей среды с рациональным природопользованием и эффективным ведением всех отраслей народного хозяйства».

Реплика по поводу книги:

«Много книг вышло еще. Ну, в общем, все понятно. В этой книге я делаю как бы такую попытку осмысления жизни, успехов своих собственных и успехов других людей. Как стать богатым, например, и так далее... Про Дерипаску, например, пишу: все, что он имеет, он добыл или отнял сам — волчьей хваткой, хитростью, наглостью и тем, что умел выживать до конца своих конкурентов. Это цитата. Я не сам так его, я ссылаюсь...».

О том, чего удалось добиться Комитету по экологии в период работы Думы третьего созыва (1999–2003 гг.):

— Удалось поддержать достаточно высокий уровень экологического законодательства. Удалось принять закон об охране окружающей среды в новой редакции. Я считаю это серьезным достижением в тех условиях, которые были. Такие вещи, как оценка воздействия на окружающую среду, стандартизация, сертификация, экологический аудит, экологическое страхование и многие другие институты природоохранного права, введены этим законом. Поэтому этот закон, мне кажется, достаточно прогрессивный. Это удача номер один.

Удача номер два — нам удалось доказать необходимость отдельного природоохранного органа, не зависящего от управленческих органов. В том, что в административной реформе служба экологического контроля стала отдельной, мы считаем, есть заслуга и нашего комитета.

О неудачах в законотворчестве:

К неудачам предыдущего созыва можно отнести то, что, к сожалению, не удалось реализовать очень многие планы совместно с правительством по очень многим законотворческим инициативам. Что я имею в виду? В планах предыдущего министерства и комитета по экологии Госдумы было много законопроектов, которые касались реализации экологической доктрины — был специально разработан правительственный план, который с МПР вместе утвердили два комитета. В нем были законы об экологизации автотранспорта. В Москве экологическая обстановка почему тяжелая? Потому, что из 1900 тысяч тонн, выделяемых в атмосферу, 1800 тысяч выделяет автотранспорт.

Неудачей следует считать то, что не удалось принять закон о плате за негативное воздействие на окружающую среду. Несмотря на то, что я предложил такой закон, что правительство одобрило его. К сожалению, не удалось

найти общий язык с министерством, которое возглавлял Артюхов.

Сейчас, мне кажется, мы все это наверстаем. Я познакомился с новым министром Юрием Трутневым. Мы в очень хороших отношениях. Больше того, после встречи со мной, где я говорил какие-то вещи, на заседании правительства он озвучил то же, что говорил мне. Понимаете, у него слова не расходятся с делом. Я надеюсь, что так и будет продолжаться и возглавляемое им министерство даст новый динамический толчок, в том числе и в вопросах экологического законодательства.

А законодательство это необходимо совершенствовать, особенно с точки зрения реализации доктрины, урегулирования главных природоохранных сфер, будем так говорить: воздух, вода, почва. А до этого нужно принять Лесной кодекс, Водный кодекс и закон о недрах.

О Лесном кодексе

— Мы подробно обсуждали его. У нас есть ответственные за каждый кодекс. За Лесной отвечает моя заместитель Марина Яковлевна Лебедева, за Водный — Косариков Александр Николаевич. У нас очень демократично проходят обсуждения. Мы всегда выступали за восстановление Госкомэкологии, за создание отдельного контрольного органа, несмотря на то, что придерживались пропрезидентской позиции. По этому вопросу я неоднократно выступал.

По Лесному кодексу мы свою позицию высказали и на заседании правительства, и на парламентских слушаниях. Я считаю, что Лесной кодекс — это больше экологический закон, чем закон хозяйственного свойства. Леса — это основа сохранения чистоты воздушного бассейна. Я считаю, что западные страны, страны Западной и Восточной Европы, обязаны России. Если взять трансграничный перенос, то в нашу сторону вредных веществ от них поступает больше в 2–2,5 раза. У них антропогенная нагрузка на природную среду гораздо выше.

О Киотском протоколе

— На данном этапе, когда США, Индия и Китай не хотят его подписывать, а Западная Европа усиленно пытается нам его навязать, с научной точки зрения его ратификация малоэффективна, а с экономической — нецелесообразна.

Я вообще-то сторонник Киотского протокола. Любой эколог должен быть сторонником того, что способствует улучшению экологической ситуации. Киотский протокол способствует уменьшению выделения газов, которые могут оказать антропогенное воздействие на окружающую среду.

Но как ученый я скажу, что на самом деле никакого воздействия те пределы, которые могут повлиять, не окажут. Если, к примеру, не будем сжигать уголь. Сжигание его наносит больший вред, чем атомные электростанции. С добычей угля добывается из недр и радиация. Добыча угля связана с повышенной радиоактивностью. Люди должны изобрести альтернативные источники энергии. Например, из воды. Фактор пресной воды, скажем, слабо учитывается. Каждый день на каждого человека выпадает одна тысяча тонн воды. Это глобальный фактор.

Ближайшие планы

Нужно принять в обязательном порядке Лесной кодекс. Кстати, я не думаю, что он будет принят сходу. У меня и у моих коллег есть к нему серьезные претензии. Второе

— Водный кодекс. Далее — закон о недрах и огромный блок технических регламентов. Только по радиационной безопасности их планируется принять 17 штук. По экологической безопасности, по безопасности пищевых продуктов, по санитарно-эпидемиологическому благополучию населения, по питьевой воде... Я доволен тем, что технические регламенты будут утверждаться законами. Я даже не сразу понял и выступал сначала против. Но потом стало ясно, что принятие нормативов по питьевой воде, по радиационной безопасности и других, влияющих в конечном итоге на конституционное право человека, право на жизнь, должно быть закреплено законами.

Сейчас идет обсуждение регламентов на комитете, по общественной линии — есть такой союз потребителей, союз участников потребительского рынка, в других комитетах Госдумы... Я только против того, чтобы эти обсуждения были заказухой со стороны каких-то сил. Например, санитарно-эпидемиологические нормы может лоббировать союз пивоваров — чтобы что-то им не перекрыли. Здесь я всегда занимаю позицию санитарного врача. Я только один пример привел, а их может быть много. Поэтому важно не допустить, чтобы принятые регламенты были выражением чьих-то корпоративных интересов в ущерб населению.

Например, подход к регламентам по питьевой воде может быть таким: главное в питьевой воде — безопасность для населения, а какое давление, кто владелец крана и трубопровода — это вторичные вопросы. С принятием технического регламента отпадет необходимость в принятии закона о питьевой воде.

О плате за ущерб природе

Далее — я думаю, что очень важным будет принятие закона о плате за негативное воздействие на окружающую среду. В планах правительства это есть. Мной закон подан уже давно, он, правда, пока не получил положительной оценки правительства, но я надеюсь, что мы найдем общий язык по этому вопросу.

Также будем настаивать на принятии закона об экологизации автотранспорта. Но он тоже с принятием технических регламентов может «уйти». Мы придем к необходимым стандартам Евро-3 и Евро-4. А сейчас даже стандарт Евро-2 не везде соблюдается. Я недавно был на нефтеперерабатывающем заводе в Капотне — вот где экологическая помойка! Причем речь идет не о загрязнении воздуха — главное, там идет загрязнение почвы. А Москва-река рядом. Да и по воздуху... Они поставили эту трубу с семью трубами распыла пара — это пыль в глаза. Одному богу известно, что там выбрасывается. А ведь это столица страны! Ладно бы бензин они делали хорошего качества, так нет же! Мэр Москвы Лужков декларирует вынос вредных предприятий за пределы Москвы. Это правильно. Я считаю, что Капотненский НПЗ и коксогазовый завод в Видном должны быть вынесены за пределы Москвы и Московской области. Потому что здесь очень высокая плотность населения. Здесь, в мегаполисе, надо бороться за экологию.

О сотрудничестве с экологами

У меня никаких предпочтений нет, я готов сотрудничать со всеми: с вами, с Гринпис... Я за то, чтобы вести диалог со всеми. И ни от одного слова не отказываюсь, которые вам в коридоре говорил. (О том, что некоторые экологические организации, получающие зарубежные гранты, очерняют нашу родину — прим. Г.П.) Я готов к любому диалогу.

О позиции «Яблока»

По многим экологическим проблемам позиция Российской демократической партии «Яблоко» для меня неприемлема. У нас принципиально разная точка зрения по вопросу о ввозе отработавшего ядерного топлива. Моя точка зрения известна — я за ввоз. Но по многим другим вопросам у нас с «яблочниками» мнение совпадало. К примеру, по проекту закона об использовании этилированного бензина.

О ввозе отработавшего ядерного топлива

Здесь работает синдром испуга после Чернобыля. Серьезная авария, серьезные последствия, серьезные опасения на этот счет... Я был в Японии на атомной электростанции, на заводе по хранению и переработке ядерного топлива. Японцы испуганы больше всех. Но у них нет другого выхода, как эксплуатировать 55 реакторов. И они не боятся. Построили завод в Рокесе, и население проголосовало за строительство этого завода.

У нас есть технологии, секретные в том числе. Я знаком и с секретной частью, и с несекретной. Мы можем и завезти, и переработать ОЯТ без ущерба и для людей, и для окружающей среды. Я повторяю: мы можем и завезти, и переработать, и хранить большое количество ОЯТ, ничего не возвращая, без ущерба для страны. Это — будущее сырье. ОЯТ содержит уран-238, уран-235, по сумме двух оксидов это 95 процентов, содержит плутоний — 1,5 процента. Отходами их трудно назвать. Если их разделить, то каждый — полезный элемент...

Очень политизированный вопрос. И противники ввоза все понимают. Но 99 процентов населения на всякий случай опасаются. Синдром Чернобыля, синдром опасности.

Моя позиция основана на глубоком научном анализе. 200 тысяч тонн ОЯТ, которые есть в мире, могут быть утилизированы в любой стране. Но это надо делать только в той стране, где можно обеспечить безопасность хранения от угрозы терроризма. Из 32 стран могут обеспечить такое хранение только Россия и США. Ну, еще Франция и Англия. Но если разместить во Франции, то нам не будет выгодно. Нам спокойней будет, если на острове Врангеля разместить.

И России, и США надо договориться по ОЯТ: где, сколько и чего будет лежать. ОЯТ — это ценное сырье будущего. Это руда. Никто не знает, что мы изобретем. Может быть, опять сырьем станет уран. А может — и не станет. Ну, опять разместить его в горных породах.

О состоянии атомной отрасли

Я считаю, что атомная отрасль в надежных руках. От состояния неустойчивости она перешла к состоянию стабильности. Минэнерго, слава богу, реформировался так, что все сохранено. Агентство по атомной энергии будет функционировать, я уверен, нормально. Сохранен Госатомнадзор, чему я очень рад. Руководство очень компетентное: и Румянцев, и Малышев — очень компетентные люди — сохранились.

Мне довелось бывать на многих станциях — эксплуатация на высоком уровне.

Проблему выслуживших свой срок реакторов АЭС будем решать, ничего страшного в этом нет. Ведь решают же такие проблемы в Германии, Италии. Надо, конечно, экономическую основу подводить более мощную. В

Германии создан очень мощный фонд на реконструкцию... У нас средства тоже заложены — они внутри Росэнергоатома, внутрикорпоративно. Я сторонник создания мощного фонда для решения этой проблемы.

Постскриптум:

К сожалению, время, отведенное на беседу, быстро закончилось. Владимир Александрович собрался на какое-то важное заседание. Впрочем, мы договорились, что наши встречи продолжатся. Думаю, что рассказ о них, как и об этой, будет полезным не только читателям журнала и его электронной версии. Интересно ведь знать: кто вершит судьбы страны.

Записал Григорий Пасько

Из книги В. Грачева «Теория и практика личного успеха». Тираж 5000 экземпляров. Отпечатано в г. Можайск, 2002 год:

«Недавно на моем юбилее выступил В.В. Жириновский. Он поздравил меня с юбилеем и высказал два пожелания: 1. Чтобы комитет по экологии и сама экология стали главными в нашей жизни. 2. Чтобы я использовал свой поставленный голос как Божий дар для достижения политических успехов. Я был очень благодарен ему за эти пожелания».

«Имидж, харизма — основа продвижения политика и руководителя. Здесь много ярких примеров, и прежде всего — безвременно ушедший от нас А.И. Лебедь, облагающий неиссякаемым источником юмора В.С. Черномырдун, совершенно оригинальный В.В. Жириновский и, конечно же, В.В. Путин — вроде бы и без харизмы (у нас это слово после Б.Н. Ельцина приобрело какой-то определенный смысл, который к В.В. Путину не подходит), но с обаянием и умением привлечь на свою сторону всех людей — «от мала до велика». Такого рейтинга, как у него, нет ни у одного политика в стране».

«...Я вспомнил давний случай, который произошел со мной в Одессе в 1962 году. Я подбежал к остановке троллейбуса, который еще стоял на остановке, но двери только что закрылись. Я резким движением раздвинул двери и проник (иначе не скажешь) в салон. Один пожилой одессит, видимо, умудренный жизненным опытом, сказал: «Этот-таки далеко пойдет».

«Я очень ценю усилия Главного санитарного врача страны Г.Г. Онищенко за его борьбу с рекламой пива... Потом уже против этой рекламы высказался наш президент В.В. Путин, но как-то мягко высказался. Он вообще все как-то мягко делает. Борется с коррупцией, но как-то мягко, критикует Правительство М.М. Касьянова, ничего не делаящее для укрепления нашей экономики..., но тоже как-то мягко».

В.В. Путин — прекрасный пример для нас всех во многом: в образе жизни, в активной жизненной позиции (кроме одного элемента — жесткости ему не хватает), ярчайший пример счастливого случая оказаться в нужное время в нужном месте».

«Давайте же все стремиться к успеху! Успех каждого — это наш общий успех. Это наша ежедневно счастливая жизнь — наше счастливое будущее уже сегодня».

«Опасно далек Грачев от объективности...»

Алексей Яблоков

Президент Центра экологической политики России
Москва
ecopolicy@ecopolicy.ru

Всякий, кто начинает всерьез заниматься экологией, в конце концов приходит к тем же заключениям, которые сделали и другие — нужно разделять управление природными ресурсами и государственный контроль. Нужна плата за загрязнение среды и использование природных ресурсов. Для улучшения экологической ситуации в городах нужно бороться с автотранспортным загрязнением и так далее. В этом отношении председатель думского комитета по экологии В.А. Грачев — не исключение. За четыре предыдущих

года он тщательно ознакомился со многими экологическими проблемами. По некоторым вопросам его взгляды теперь стали заметно ближе к позиции большинства экологов. В то же время, к деятельности комитета по экологии Госдумы пока приходится относиться с большим скепсисом. Некоторые причины этого будут ясны из приводимых ниже четырех комментариев к тексту интервью В.А. Грачева, с которым я ознакомился по просьбе редакции.

1. Главным успехом четырехлетней работы В.А. Грачев считает то, что «удалось поддержать достаточно высокий уровень экологического законодательства». И апеллирует при этом к принятой в 2000 году новой редакции закона об охране окружающей среды. В этом законе, действительно, дано несколько важных определений. Но концептуально новый закон существенно беднее закона 1991 года.

2. Нельзя согласиться и с «удачей номер два» — как определяет ее председатель комитета — созданием в марте 2004 года службы экологического контроля. Назвать Федеральную службу по надзору в сфере экологии и природопользования самостоятельной и независимой ну никак нельзя! По соответствующему постановлению правительства эта служба «находится в ведении Министерства природных ресурсов» и поэтому никак не может считаться независимой. А закон требует отделения контроля в области охраны природы от управления природными ресурсами. Получается, что комитет по экологии сквозь пальцы смотрит на прямое нарушение законодательства в своей сфере, выдает желаемое за действительное.

3. В.А. Грачев хорошо сказал в интервью, определяя Лесной кодекс: «Это больше экологический закон, чем закон хозяйственного свойства». Очень скоро можно будет проверить, насколько его слова соответствуют делам: им предстоит обсуждать правительственную редакцию Лесного кодекса, которая дружно критикуется всеми экологами. Сомнения в искренности намерений проф. Грачева в области экологизации Лесного кодекса существуют потому, что он не возражал против принятия (в последние часы работы прошлой Думы) страшной для охраны природы поправки в старый Лесной кодекс. Поправка, которая вызвала буквально бурю возмущения в обществе — только в «Комсомольскую правду» пришли письма с более чем 20 тысячами подписей против этой поправки.

4. Подавляющее большинство российских экологов не согласится с мнением В.А. Грачева, одобряющего ввоз в Россию иностранного отработавшего ядерного топлива. В мире не существует безопасных способов хранения и переработки ОЯТ. Говорить обратное — не критически воспроизводить заявления атомщиков. За частоклолом слов о высоких технологиях и безопасности переработки ОЯТ скрывается продолжающееся на «Маяке», Сибирском химическом комбинате, Горно-химическом комбинате, в НИИАР и других местах масштабное радиоактивное загрязнение среды. И напрасно ссылается В.А. Грачев на некие секретные разработки — по российскому законодательству в обеспечении радиационной безопасности населения не может быть никаких секретов.

Опасно далек председатель комитета по экологии от объективности, когда утверждает, что атомная отрасль безопасна и стабильна. Как могут быть безопасными дряхлеющие АЭС при все большем распространении наркомании и ВИЧ-инфекции среди их персонала? О какой стабильности может идти речь, если пристанционные хранилища переполнены тысячами тонн ОЯТ и неизвестно, куда его девать и как надежно обеспечить ядерно-радиационную безопасность? Впрочем, атомная индустрия не первый раз ставит свои собственные интересы выше интересов страны. Ведь именно с помощью наших атомщиков ядерная угроза вплотную придвинулась к границам России: Северная Корея создала у нас под боком атомное оружие, Иран опасно продвинулся по пути создания своей атомной бомбы, да и могучий Китай стал все более усиливать свой ядерный потенциал.

Не могу с полным доверием отнестись к хорошим словам В.А. Грачева о сотрудничестве с неправительственными экологами. В недалеком прошлом председатель запретил сотрудникам Комитета знакомить нас с готовящимися проектами законов! Вот такое у нас было «сотрудничество» ...

При всем скепсисе в отношении эффективности работы Комитета по экологии Госдумы по решению экологических проблем и неверии в то, что решение этих проблем является приоритетом в деятельности его председателя, мы обречены на взаимодействие. Другой вопрос — насколько эффективным оно окажется.

ГАЗОВЫЙ АД

Анализ экологической катастрофы в приазовских плавнях

Андрей Рудомаха

Координатор
Независимой Экологической Вахты
по Северному Кавказу
ies@hotmail.ru

Приазовские плавни — моя «историческая родина». Отец родом из станицы Петровской, расположенной неподалеку от хутора Прорвенский, где недавно произошла экологическая катастрофа. Редкая казачья фамилия Рудомаха довольно распространена в этих краях. Но самому мне жить там не пришлось, если не считать один год жизни в младенческом возрасте. И я не знаю своими глазами и душой природу тех мест. И хотя уже 17 лет занимаюсь природоохранной деятельностью, очень долго

проблемы спасения уникальной экосистемы Приазовских плавней были вне моего внимания. Но судьба распорядилась так, что мне пришлось «вернуться» на эту свою «историческую родину».

Впервые я и мои единомышленники обратили внимание на острейшие экологические проблемы Приазовских плавней в 2001 году. Тогда мы вели тяжелейшую кампанию протеста против строительства газопровода «Голубой Поток». И увидев, что есть те, кто не боится всесильного и сросшегося с государством «Газпрома», к нам обратились казаки из Славянска-на-Кубани. Они просили помочь в пресечении экологического беспредела, который творили в плавнях газпромовские дочерние компании.

Мы выехали в Славянск-на-Кубани, встретились с казаками, поехали в плавни. Я был поражен тем, что на территории федерального заказника «Приазовский», на территории водно-болотных угодий международного значения, охраняемых Рамсарской конвенцией, стояли многочисленные вышки и всюду велись разведочные работы. Казаки были не одиноки в своем протесте против уничтожения плавней. Славянская межрайонная прокуратура, которой руководил в тот период Сергей Еремин, пыталась обуздать этих экологических варваров, проводила проверки, издавала предписания о приостановлении деятельности. Но даже прокуратуру «Газпром» игнорировал.

По разным причинам мы не смогли тогда серьезно заняться этой проблемой, Сергея Еремина перевели в Краснодар, активность казаков тоже снизилась, и «Газпром» спокойно, при полной поддержке властей, продолжал «осваивать» плавни.

Когда грянул гром

Авария на разведочной скважине №5 Восточно-Прорвенского газоконденсатного месторождения случилась глубокой ночью с 17-го на 18 февраля. В это время на скважине находилась бригада буровиков «Кубань-бургаза» в составе двенадцати человек. И трое специалистов из института «СевКавНИПИгаз». Авария произошла не внезапно — в это время на скважине меняли штудер. Именно во время этих работ произошла разгерметизация фонтанной арматуры, и газ с оглушительным ревом вырвался в атмосферу. Лишь по счастливой случайности вышка и буровики не превратились в огромный факел. Буровики спешно покинули окутанную газовым облаком буровую...

Случись эта катастрофа на каком-нибудь отдаленном участке плавней, где поблизости не живут люди, вполне возможно, широкая общественность о ней никогда бы не узнала. Скрыть эту катастрофу помешали жители хутора Прорвенский, по которым она ударила со всей силой. Ведь газовики в нарушение всех правовых норм пробурили скважину всего в 500 метрах от хутора.

Жители хутора проснулись ночью от гула, сотрясавшего дома. Дребезжали стекла, тряслись стены, ходуном ходила мебель. К счастью, газовое облако, накрывшее хутор, не взорвалось. Потому что при той кубатуре газа, которая вырвалась из скважины, взрыв был бы ужасающей силы, а хутор вместе с его жителями просто смело бы с лица земли. Спасатели прибыли только утром. Представьте себе ужас людей, ожидающих каждую секунду взрыва и мучительной смерти. Началась полная эвакуация населения хутора. Многие жители были в таком состоянии, что даже неспециалист мог определить — у них острое отравление газом. Но врачи диагноз «отравление» никому из пострадавших не поставили. Говорили: все симптомы — от нервного стресса. Это стало первым проявлением согласованной политики властей и «Газпрома». Политики, направленной на то, чтобы обмануть всех относительно последствий этой аварии и убедить — «ничего страшного не произошло». В этих же целях через несколько дней после аварии жителей вернули в хутор.

Но выброс газа продолжался, и жить там было совершенно невозможно. Тогда же открыли школу, чтобы показать «полную нормализацию жизни» в бедствующем хуторе. Зона аварии была оцеплена милицией и службой охраны Газпрома — никого из посторонних туда не пускали, чтобы (не дай бог!) творящееся не зафиксировали какие-либо независимые экологи, журналисты, ученые. Все въезжающие в зону машины тщательно обыскивались. Чтоб не провезли в багажнике какого-нибудь настырного писаку.

Газовики безуспешно пытались заглушить скважину. Но все их попытки были безуспешными. Это — яркий показатель полной неготовности «Газпрома» к ликвидации такого рода аварий. Через несколько дней после возвращения жителей в хутор, ночью 26 февраля, факел, зажженный газовиками на месте выброса и выдаваемый ими за серьезное достижение работ по ликвидации аварии, погас. Вновь возникла острая угроза жизни и

На снимке: погибшая рыба покрылась липкой эмульсией

здоровью местных жителей в результате газоконденсатного загрязнения воздуха. И началась повторная эвакуация. Показавшая со всей наглядностью неуклюжесть попыток «Газпрома» и властей имитировать «полную нормализацию жизни в зоне аварии». Территория хутора, заросшие тростником плавни были покрыты толстым слоем желтой эмульсии твердых фракций углеводородов. На поверхности водоемов эмульсия принимала вид желтой пены толщиной до одного метра.

Мы вымираем

Случившееся несчастье послужило толчком для невиданного подъема гражданского самосознания жителей Прорвенского. Они поняли, что время молчать прошло, и направили обращение на имя губернатора Краснодарского края.

«Мы, нижеподписавшиеся жители хутора Прорвенский Славянского района, несколько дней назад стали жертвами экологической катастрофы, произошедшей в результате аварии на газовой скважине. Мы вымираем, оплачивая своим здоровьем и жизнями благополучие всемогущего монополиста».

Жители потребовали:

- прекратить разработки нефти и газа на территории хутора, вынести газовые скважины на безопасное расстояние или отселить людей в другое безопасное место, предоставив жилье;

- обследовать население хутора врачами-невропатологами, эндокринологами, онкологами;

- провести независимую экспертизу воздуха, воды и почвы;

- возместить материальный и моральный ущерб, понесенный жителями хутора в результате экологического загрязнения местности.

За этим последовали публикации в прессе. Круг замалчивания этой аварии был разомкнут.

На фоне трагедии жителей хутора об ущербе, нанесенном природе плавней, говорилось мало. Его пока никто не считал, но нет сомнения, что он колоссален. Аварийная скважина расположена среди крайне уязвимых природных объектов. Она стоит прямо на дамбе, отделяющей ерик Терноватый от Погорелова пруда. Этот ерик является магистральным водотоком, связывающим различные лиманы плавней. Погорелов пруд (в прошлом лиман Погорелов) — один из основных водоемов Черноерковского нерестово-выростного хозяйства. Совсем рядом со скважиной — берег лимана Горький, который является зоной покоя заказника, куда входят самые ценные и уязвимые его участки. Худшее в природоохранном отношении место для размещения скважины просто трудно придумать. Но у газовиков совершенно другое мышление и выбор места определялся другими критериями — «как нам удобнее подойти к газосносному горизонту».

Нет хутора — нет проблем

Мне так и не удалось добраться до места аварии. Дальше Славянска-на-Кубани уехать не получилось — застрял в официальных инстанциях, выясняя детали катастрофы.

В прокуратуре мне дали ознакомиться с опросом местных жителей, переживших аварию. Я долго читал эти написанные от руки листки. Их было много, больше 40. Среди них не было ни одного с уверениями, что ничего страшного во время аварии не случилось. Пономарев Василий Федорович: «Жене стало плохо. И с дочерью сильно плохо было. Ее увезли в больницу, и она там лежала в станице Петровской. Я тоже обращался к врачу с повышением давления и тошнотой. Жена в эти дни только и живет на медикаментах...» Викула Антонина Яковлевна: «На улице был сильный запах газа. У меня началась рвота и поднялось давление. Я несколько раз обращалась к врачу, а моего мужа забирала скорая, так как ему стало очень плохо...» Колесник Людмила Алексеевна: «У меня поднялось давление, возникла тошнота. Дом и весь двор покрыты липкой смесью серого цвета. Птица и животные пока живы, но что будет дальше — не знаю...»

Славянская прокуратура ведет проверку по факту аварии. Благодаря этому мне удалось ознакомиться с документами, из которых стало понятно, почему же оказалось возможным размещение чрезвычайно опасного объекта на территории федерального заказника и водно-болотных угодий международного значения. Эти документы дали мне ответ и на вопрос, почему государственные органы так рьяно вместе с «Газпромом» пытаются скрыть масштабы катастрофы.

Как оказалось, различные государственные органы, «не замечая» правовых неувязок, согласовали размещение разведочной скважины в заказнике, в недопустимой близости от хутора Прорвенский.

Одной из точек отсчета этой истории является тот факт, что 31 мая 2001 года компания «Кубаньгазпром», заказчик аварийной скважины №5, получила лицензию № КРД 11544 НР на право пользования недрами в пределах Прибрежно-Новотитаровского участка общей площадью 4272 квадратных километра. Согласно этой лицензии «Кубаньгазпром» имеет право вести разведку и добычу газа и нефти практически на всей территории заказника «Приазовский». Главное управление природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР РФ по Краснодарскому краю, которое является основным государственным органом, ответственным за обеспечение охраны водно-болотных угодий международного значения на территории Краснодарского края, не имело права ЗАКОННО выдать эту лицензию. А Управление Северо-Кавказского округа Госгортехнадзора — ее утвердить. И, тем не менее, они это сделали.

6 ноября 2002 года Каневское газопромысловое управление «Кубаньгазпрома» просит Администрацию города Славянска и Славянского района выдать разрешение на размещение той самой скважины №5 «Восточно-Прибрежная» возле хутора Прорвенский.

20 января 2003 года был составлен акт выбора земельного участка под скважину № 5 «Восточно-Прибрежная». В этом акте есть один чрезвычайно важный момент. Комиссия, в которую входили представители различных государственных организаций, рекомендует к утверждению размещение скважины по варианту №2, при котором она будет расположена на расстоянии одного километра от хутора Прорвенский. Комиссия, согласно этому акту, посчитала неприемлемым более предпочтительное для «Кубаньгазпрома» размещение скважины по варианту №1, при котором расстояние от нее до хутора будет 700 метров, «из-за более близкого расположения скважины к населенному пункту». Тем не менее, скважина была размещена именно по варианту №1, расстояние от скважины до хутора при котором, на самом деле, оказалось

еще меньше.

18 февраля 2003 года отвод земельного участка под скважину №5 «Восточно-Прибрежная» был согласован Центром госсанэпиднадзора в Краснодарском крае. Письмо ярко иллюстрирует отношение этой конторы к соблюдению требований по установлению санитарно-защитных зон опасных объектов. Это их сфера ГОСУДАРСТВЕННОЙ ответственности. Согласно «Санитарным правилам и нормам» (СанПиН), разделу «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов», санитарно-защитная зона от населенных пунктов до «предприятий по добыче природного газа» должна быть не менее одного километра. В согласовании Центра госсанэпиднадзора по Краснодарскому краю от 18 февраля нет ни слова о СанПиНе, хотя это основной документ, которым центр был ОБЯЗАН руководствоваться при своем согласовании. Вместо этого Центр госсанэпиднадзора в письме определяет: «На основании расчетов рассеивания предлагается принять расчетную санитарно-защитную зону для скважины по разным направлениям от 442 до 635 метров.» И еще: «На основании расчетов предельно-допустимой концентрации загрязняющих веществ на границе жилой зоны (т.е. хутора Прорвенский) не установлено.» В письме указывается, что расстояние от хутора Прорвенский до скважины — 700 метров. Согласовав таким вот интересным образом размещение скважины в недопустимой близости от хутора Прорвенский, краевой Центр госсанэпиднадзора пошел на грубейшее нарушение закона.

После этого прошла государственная экологическая экспертиза места площадки под скважину, проведенная Главным управлением природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР РФ по Краснодарскому краю. Выдавшая, разумеется, положительное экспертное заключение.

А тем временем, весной 2003 года, несмотря на то, что официальные согласования по строительству этой скважины еще только начались, компания «Кубаньбургаз» приступила к работам по обустройству скважины. Летом 2003 года началось ее бурение. А согласование «будущих строительных работ» шло своим бумажным чередом, совершенно отделенным от реального положения дел.

25 июня 2003 года Управление Северо-Кавказского округа Госгортехнадзора выдало «Кубаньгазпрому» горноотводной акт к лицензии на пользование недрами в границах Восточно-Прибрежного месторождения, а 8 июля согласовало рабочий проект на строительство разведочной скважины №5. Тогда же, в июле 2003 года, это управление утвердило экспертизу промышленной безопасности по данному проекту, выполненную ООО «Стройэксперт». Эта экспертиза также, разумеется, была положительной. Качество ее исполнения можно проиллюстрировать одним очень характерным примером. Эксперт, готовивший заключение, вообще не отразил в нем наличие в природе такого населенного пункта, как хутор Прорвенский. Цитата из заключения, касающаяся расположения скважины относительно населенных пунктов: «Жилые поселки находятся от скважины на расстоянии не менее 2,5 километров (станция Черноерковская и хутор Верхний).» Видимо, не замечая факта наличия хутора Прорвенский как такового, было проще экспертировать «безопасность» скважины. Нет хутора — нет проблем. Бумага все стерпит. Очевидно, никто не мог предполагать, что эта «внутренняя» информация станет когда-либо известна ушлым «зеленым».

19 сентября 2003 года Администрация города Славянск

и Славянского района издала Постановление №1943, которым предоставила участок под скважину №5 в аренду.

Только 17 декабря 2003 года, когда бурение скважины глубиной более трех километров уже заканчивалось, подоспело заключение государственной экологической экспертизы по рабочему проекту «Строительство разведочной скважины №5 на площади «Восточно-Прибрежная», которую проводило Главное управление природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР РФ по Краснодарскому краю. Виртуальное блуждание расположения скважины на местности в этом заключении продолжилось. В нем скважина на бумаге «оказалась» на расстоянии уже одного километра от Прорвенского. Благодаря такому маневру в этом заключении СанПиН уже не был забыт, как это было в согласовании Центра госсанэпиднадзора. На его основании в заключении экспертизы утверждается, что «в пределах санитарно-защитной зоны селитебные территории отсутствуют».

К этой экспертизе есть масса других претензий. Вообще ее вряд ли можно назвать «государственной», уж тем более — «экологической». Совершенно не отражен в ней тот факт, что скважина будет расположена на территории водно-болотных угодий международного значения, что режим этих угодий и режим заказника «Приазовский» не допускают ведение на их территории такого рода деятельности. Воздействие скважины на окружающую среду описано очень неполно. О животном и растительном мире полный молчок — и это на природной территории, охраняемой международной конвенцией в силу своей уникальности именно по этим параметрам! Ущерб животному миру посчитан смехотворный — 133 тысячи рублей, а по растительному миру и того сделать не удосужились. Нет никаких расчетов на случай аварийных ситуаций.

Однако в заключение просочились и весьма любопытные детали. Многого стоит такое, например, откровение, что при реализации проекта жители хутора будут испытывать на себе воздействие целого ряда загрязняющих веществ выше допустимой нормы. По оксиду азота — 5,6 ПДК, по фторидам — 3,4 ПДК, по бензапирену — 2,7 ПДК, по оксидам марганца — 2,8 ПДК. В тексте заключения очень много рекомендаций, что должен сделать заказчик проекта «до начала работ». В то время как эти самые работы шли уже полным ходом, о чем всем было прекрасно известно.

Вся эта история является ярким свидетельством широко распространенной российской практики «беззакония в законе», когда «рука руку моет» — рука государственная руку корпоративную. И эта практика продолжается и сейчас, после аварии.

Как людям жить там дальше?

Сейчас, после того, как авария на скважине случилась и катастрофа нанесла людям и природе колоссальный ущерб, экспертизу относительно ущерба и причин, приведших к катастрофе, готовят Управление природных ресурсов, краевой Центр госсанэпиднадзора и Управление Северо-Кавказского округа Госгортехнадзора. Те самые организации, при содействии которых стало возможным незаконное размещение скважины на особо охраняемой природной территории возле населенного пункта. Стоит ли от них ожидать, что они назовут в числе виновных себя и что посчитанные ими ущербы будут близки к реальным?

После заглушки скважины прошел уже месяц. Никако-

го «благополучия» и того, что «не произошло ничего страшного», жители Прорвенского пока не видят. Очень многие хуторяне болеют, продолжает умирать рыба, птица, домашние животные. Прорвенцы боятся сажать огороды, ловить рыбу. Ведь все отравлено. Чем еще аукнется им потребление отравленных овощей и рыбы? Покрывающая все окрестности углеводородная эмульсия, в которой кроме парафинов содержится чуть ли не вся таблица Менделеева, с наступлением весны и потеплением начинает все сильнее испаряться, заражая воздух. Ведь этой липкой смесью остались покрыты все плавни, с которых смыть или собрать ее просто невозможно. Не очищены до конца водоемы. В качестве компенсации каждому жителю хутора выдали по три тысячи рублей — по две тысячи от администрации края и по тысяче от «Газпрома». Компенсации эти для людей, утративших благоприятную среду обитания, просто смехотворны. Представители «Газпрома» (как жест великой благотворительности) преподносят свое обещание подвести к хутору газ. Наверное, рассчитывают, что хуторяне в ответ перестанут жаловаться и вообще прижмут языки. «Газпром» так нигде и не объяснил этот парадокс: почему в Славянском районе газ уже несколько десятилетий добывается, как говорят сами газовики, из-за незначительных объемов исключительно «для местных потребностей», но люди в Прорвенском и многих других населенных пунктах района живут без газа. Обеспечить десятками чадающих факелами вышек, выбросами при авариях — это пожалуйста. А подать по трубам местным жителям то, что ценою их здоровья добывается у них под ногами, — для этого надо довести людей до белого каления, когда они уже на грани партизанской войны с убивающей их землю газодобычей.

На самом деле мы белые и очень пушистые!

Экологический беспредел «Газпрома», согласованный с государственными структурами, его лицемерная политика в отношении местного населения получили широкое освещение в СМИ. Имидж «Газпрома» как «социально ответственной компании» резко пошатнулся. Необходимость хоть как-то восстановить этот имидж побудила его руководство провести пресс-конференцию и другие PR-акции — наподобие участия газпромовских чиновников в демонстративном субботнике на территории хутора Прорвенский 27 марта.

На пресс-конференции в Краснодаре было оглашено, что «Газпром» закончил первый этап ликвидации последствий аварии. Первый заместитель начальника Департамента по добыче газа, газового конденсата, нефти ОАО «Газпром» Борис Никитин подчеркнул, что — по результатам экспертизы — авария носила техногенный характер, не связанный с ошибками буровиков. Никто не виноват, виновата сама природа. Однако, несмотря на то, что виноват не «Газпром», а подлая и коварная природа, «ОАО «Газпром» и его дочерние общества считают своим долгом продолжить весь комплекс плановых мероприятий по оказанию помощи жителям хутора Прорвенский в преодолении последствий аварии». Вот на какой высоте находится социальная ответственность «Газпрома»!

На пресс-конференции неспособность «Газпрома» в течение критически долгого времени заглушить аварийную скважину была трансформирована в проявление высокой готовности компании к таким ЧП. Вскользь было сказано о том, что скважина была расположена на территории водно-болотных угодий МЕЖДУНАРОДНОГО значения, охраняемых МЕЖДУНАРОДНОЙ Рамсарской конвенцией. Несведущие люди из формулировок «Газ-

прома» вообще не поймут того факта, что эта территория подпадает под действие международного законодательства. И, разумеется, ни слова не сказано на пресс-конференции о нарушении Рамсарской конвенции. Умолчали начальники из «Газпрома» и о грубом нарушении режима федерального заказника «Приазовский». Прямой ложью было утверждение, что «не зафиксировано случаев гибели домашних или диких животных, а также рыб и земноводных в плавнях вокруг скважины». Такие случаи множественны.

В браваурных реляциях «Газпрома» не было сказано ни слова о том, что значительная часть загрязненных территорий приходится на плавневую зону, покрытую тростниковыми зарослями, где убрать выпавшую углеводородную эмульсию невозможно. Как на этой территории «Газпром» собирается «ликвидировать последствия аварии»? Нет ни слова об ущербе диким птицам и рыбному хозяйству, а ведь основное природоохранное значение плавней как водно-болотных угодий международного значения в том, что они являются районом массового гнездования птиц, а также нереста осетровых. Ничего не сказано о том, что нанесенный экосистемам плавней ущерб невосполним и критичен.

«Газпрому» проще «разбрасываться» судьбой земли и здоровьем жителей

Вся эта история чрезвычайно показательна и очень ярко свидетельствует о том, в каком «правовом» государстве мы живем и диктатура какого «закона» в нем правит. «Газпром» очень тесно связан с высшими эшелонами российской власти и во многом является олицетворением не частного капитала, а именно российской государственной власти. Глава Газпрома А. Мюллер — один из ближайших сподвижников Путина. Не потому ли так прогибаются совершенно однозначные требования законодательства и обязанные их блюсти государственные структуры перед «правом сильнейшего» и перед диктатурой газпромовских «преступных недропользователей в законе»? Нет, к сожалению, никакой надежды на это государство, на его защиту, и наивно ожидать, что бороться с правовым беспределом «Газпрома» будут те, кто обязан это делать в соответствии со своим государственным и должностным долгом.

Реальность такова, что только сами люди способны сделать это. И для тех мест, где экологический беспредел компаний и государства довел людей до полного отчаяния, есть шанс, что народными усилиями что-то все же можно изменить. Жителей Прорвенского «Газпрому» уже не обмануть и не купить. Пережив ад экологической катастрофы, увидев, до чего довела преступная деятельность «Газпрома» их некогда богатейший край, во что она превратила его чистые воды, воздух и землю, они не купятся на его подлости. Вопреки всем попыткам давления на них, жители Прорвенского подали в суд иск к «Газпрому», требуя, чтобы он возместил нанесенный им ущерб. Они создают общественную организацию в целях защиты окружающей среды приазовских плавней, которая является для них средой обитания. Это только первые шаги. Беспрепятственное «освоение» «Газпромом» Приазовских плавней закончилось. Началась борьба за полное прекращение экологически опасной деятельности компании на территории заказника «Приазовский» и водно-болотных угодий международного значения. Если грубое попрание законов со стороны «Газпрома» не будет остановлено, нет никаких гарантий, что газовый ад снова не вернется на эту землю.

ПИШУТ, ЧТО...

Сочинский парк всё-таки отстояли!

27 апреля 2004 года, Москва. Гринпис России одержал окончательную победу в суде по делу Сочинского национального парка. Кассационная коллегия Верховного суда РФ подтвердила незаконность части постановления Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2003 года №571 «О Сочинском общереспубликанском государственном природном заказнике», отклонив жалобу Правительства РФ.

Указанным постановлением Правительство РФ изъяло 33222 га земель Сочинского национального парка и предоставило их Сочинскому общереспубликанскому государственному Природному заказнику — территории, на которой уже много лет под видом регулирования численности животных организуются элитные охоты и отдых российских чиновников.

Постановление не прошло государственную экологическую экспертизу и было принято с нарушением многих федеральных законов.

Если бы Постановление не было частично отменено, уникальные природные комплексы Западного Кавказа могли бы в самые ближайшие сроки подвергнуться массовым вырубкам и отстрелу диких животных. Эту территорию можно было бы легко приватизировать и построить там коттеджи и базы отдыха.

«К чести нашего правосудия, Кассационная коллегия Верховного суда и Генеральная прокуратура (представитель которой снова поддержал в суде требование Гринпис) и на этот раз твердо встали на страже закона и российской природы, — говорит Михаил Крейндлин, представитель Гринпис. — Это дает основания надеяться, что у граждан России еще есть возможность добиваться реализации своих экологических прав законным путем».

Решение суда вступило в законную силу, все незаконно изъятые земли возвращены Сочинскому национальному парку.

Гринпис России

Аисты прилетели...

... И орнитологи России взялись за блокноты и ручки: началась поголовная перепись птиц. Специалисты по пернатым с помощью местных жителей должны пересчитать и записать всех залетевших в наши края аистов и места их гнездовий. По итогам исследований появится «аистиная карта». Орнитологи мира объявили 2004 год годом аиста.

В нашу страну этих птиц залетает не так много: аисты теплолюбивы. По данным Союза охраны птиц России, пять лет назад у нас их насчитали 4 тысячи пар. Возвращаются они только туда, откуда прилетели, на уже населенные места. Например, в Калужской области, где триста гнездовий, люди заметили, что в одно и то же гнездо аисты прилетают вот уже 30 лет. Селятся эти птицы поближе к людям, рядом с посёлками и деревнями, на водонапорных башнях, в разрушенных строениях, а если таковых нет, то на деревьях и столбах. Народ загодя подготовился к прилёту аистов. Гнезда подправили, столбы укрепили, а кто-то просто на крышу положил колесо от телеги. «Прилетел аист — и на душе тепло стало», — говорят в деревнях.

Маргарита Тимофеева, газета «Труд», 20 апреля.

АГИПКА ХОЧЕТ ЖИТЬ

Надежда Попова

Архангельск-Мурманск-Москва
popovanad@ng.ru

Даже девятилетние дети выходят на промысел на лед Белого моря с дубинками наперевес, чтобы «дать по мырке агипке» («мырка» — мордочка детеныша гренландского тюленя, «агипка» — его прозвище). Во время забоя белый лед под ногами у зверобоев становится красным от крови. Бельки кричат, как маленькие дети... Ведь бывает, что горе-охотник промахивается, и белек голосит как ребенок. Ученые настаивают на дальнейшем промысле гренландского тюленя: кроме вертолетов решено задействовать суда на воздушных подушках.

Похоже, наш цивилизованный мир поверил в сказку о том, что бельков — детенышей гренландского тюленя — оставили в покое на ценной залежке в самом горле Белого моря... Вертолеты с полными баками горючего нынче не взлетели, суда на воздушных подушках из порта приписки не вышли. Неужели экологи, наконец, могут праздновать победу? И традиционная охота — в этих местах на гренландского тюленя охотились и охотятся почти три столетия кряду — сыграла в ящик? Что

сегодня происходит на льдах Белого моря, где даже девятилетние дети выходят на промысел с дубинками наперевес, чтобы «дать по мырке агипке»?

Помимо архангельских зверобоев на лед должны выйти и мурманские «охотные» люди. Три года подряд не выходили, а теперь вот, после тщательных приготовлений, собрались снова бить белька и передерживать серку (подросших бельков) в специально сваренных для этого дела железных клетках. Эти клетки в деревне Чапома в начале этого года собирали всем колхозом. И зверобой надеются, что в ближайшее время клетки будут заполнены. На фермы по передержке серки в одной только Чапومه планируют забросить 9800 детенышей. В том, что и мурманские зверобой решили вернуться к традиционному промыслу, есть нежданная заслуга Европейского Союза, а именно — одной из его программ, так называемой ТАСИС (она направлена на помощь в экономическом и политическом развитии республикам бывшего Советского Союза). Именно на деньги ТАСИС и планируют мурманские зверобой новые набеги на тюленьи стада.

«По вопросу о тюленях беломорских»

«Санкт-Петербургские ведомости» в 322 номере за 1896 год развернули горячую дискуссию: бить или не бить гренландского тюленя? Или вообще оставить в покое? Ведь слишком много рыбы истребляют все увеличивающиеся тюленьи стада. Дискуссию на страницах газеты развернул некий Герман Гебель, тот самый, который в 1883 г. основал в Мурманске китобойную флотилию, а чуть позже возглавил в Архангельске губернское управление земледелия и госимущества. Господин Гебель призывал «к искоренению зла» в корне. А именно: «промышлять тюленей между льдами Белого моря — в единственном месте, где можно нанести им чувствитель-

ный удар». Призывы Германа Гебеля были услышаны: архангельский губернатор Александр Энгельгард специально поехал в столицу на заседание Императорского общества содействия мореходству, где рекомендовал русским промышленникам кончать с тюленями и «фрахтовать за неимением своих пригодных для промысла судов суда норвежские»...

Столько лет прошло, а покончить с тюленями не удалось, хотя каждый год на льдины Белого моря высаживаются сотни зверобоев и звероловов. Сегодня именно Россия и Норвегия — последние в Европе страны, которые не уступают давлению Международного фонда защиты животных и продолжают постыдную охоту на гренландского тюленя. Кстати, именно Международный фонд защиты животных сумел добиться от Европейского Союза полного запрета на импорт шкур белька. С тех пор, как Европейское экономическое сообщество запретило импорт шкур белька, мех берет только российская меховая промышленность. Что любопытно: ни в Архангельске, ни в Мурманске шкурки белька не обрабатывают, а отвозят аж в Самарскую область и в Татарстан, на меховую фабрику «Мелита». Но снежно-белые шкурки бельков добираются туда изрядно запачканными. На фабриках их безжалостно красят в черный или коричневый цвет. Вот так и получают те самые дешевые шапки из белька. Оптовая цена — 200 руб.

Этот зверобойный промысел в горле Белого моря, действительно, начал свой отсчет со времен царя Гороха, но до 1930 г. прошлого столетия поморы добывали только взрослого гренландского тюленя. Охота на бельков началась вместе с возведением Беломорканала: мясо белька шло в тюремный котел. Оно было единственным пропитанием для огромной армии заключенных, строивших Беломорканал. Белый мех скупали многочисленные меховые артели.

Сегодня заключенных бельками кормить перестали, но преступный промысел продолжается. Детенышей гренландского тюленя забивают тысячами... Квота в 1998 и 1999 гг. составляла 30 тысяч животных. В 2000-2003 гг. она удвоилась. На этот, 2004, год квота составила 53 тысячи животных. Бьют бельков баграми и дубинками по нежной доверчивой мордочке — это самое уязвимое у них место. Каждый человек, убивший белька, получает 1 доллар.

Сердце и язык вырезают тупым ножиком

Во время забоя белый лед под ногами у зверобоев становится красным от крови бельков. Они кричат, как маленькие дети... Ведь бывает, что горе-охотник промахивается, убить с одного удара не удастся. И белек голосит как ребенок. Окровавленные тушки сваливают горами.

Новорожденный белек весит 8-10 кг, а забивают их через несколько дней после рождения. Потом несчастных животных затаскивают в салоны вертолетов. Вертолеты везут убитых детенышей в поморские деревни, где их ждут специально оборудованные цеха, основательно отремонтированные в начале этого года.

Утопая по колено в крови, грузные мужики и тетки большими ножами разделяют пока еще снежно-белых детенышей. Но вот шкурка отделена от туловища. Ободранных бельков сваливают в огромные железные

кам, те их катают на своих машинах. Конечно, всего-то 500-700 метров — от заправки до разделочной, но зато сколько впечатлений!

- Будущие зверобои растут, — так рассуждают и родители, и их знакомые, и знакомые знакомых. — А зверобои сопли не глотают.

Страшная жизненная философия? Страшная... 9-10-летний ребенок без содрогания режет тельце новорожденного белька. И в вертолет «на прогулку» эти дети в заляпанных кровью курточках и пальтишках забирают-

чаны. Вокруг этих чанов наизготовку стоят поморские ребята с маленькими перочинными ножичками.

Их задача — вырезать бельковое сердце и отрезать маленький тюлений язык. И сердце, и язык белька слывут в этих местах деликатесами. Вертолетчики, которые перевозят умерщвленных детенышей гренландского тюленя в поморские деревни, домой, в Архангельск, с пустыми руками не возвращаются. Они везут тугие мешки, набитые сердцами и языками бельков.

Поморские ребята рады стараться: ведь за каждый полиэтиленовый мешочек, который они принесут летчи-

ся, забыв помыть руки после разделывания белька.

Вся кровавая свистопляска длится обычно дней десять. Именно за эти 10 дней и убивают 40-50 тысяч детенышей. Столько же освежевывают. Куда потом? Сваливают за забор. Или закапывают (недалече от места разделки). К грязи и вони тут все привычны. Так живут испокон веков. Так собираются жить дальше. И каждый год выходить на льды Белого моря, чтобы палками и баграми убивать новорожденных бельков. Вторая часть кровавой драмы происходит обычно в самих поморских деревнях, на так называемых фермах передержки.

Детки в клетке

Почему так торопятся зверобои в конце февраля-начале марта в это самое горло Белого моря? Новорожденные бельки свою снежно-белую шубку имеют в наличии только 7-10 дней, потом мех из белого превращается в серый. И бельков кличут уже иначе — серки. После того, как будет забито 40-50 тысяч животных, зверобои превращаются в звероловов: на вертолетах в деревни доставляют живых детенышей гренландского тюленя. Перевозят их гуртом, в сетках. Некоторые животные умирают прямо в чреве вертолета: не выдерживает маленькое тюленье сердце. Оно разрывается от страха. Обычно на передержку доставляют около 10 тысяч бельков. Клетки расставлены на обширной территории прямо под открытым небом. Срок «плена» — 2-3 недели. Именно за это время бельки превращаются в серков. И потом уже эту партию детенышей готовят к забойе...

Вспоминаются пронзительные строки Евгения Евтушенко, «Монолог голубого песка на аляскинской звероферме»: «Я голубой на звероферме серой, но цветом обреченный на убой, за непрогрызной проволочной сеткой не утешаюсь тем, что голубой... Гляжу с тоской на мой родной Дахау и знаю — никогда не убегу.... На звероферме, правда, перемены. Душили раньше попросту в мешках. Теперь нас убивают современно — электроток. Чисто как-никак. Гуманны будьте к служащим. Введите на звероферме должность палача...».

Бельки в клетках обычно молчат. Но если им делают больно, они совершенно отчетливо произносят: «Ма-а-ма». Их не кормят (считается, что должны жить за счет подкожного жира). Но известны случаи, когда детеныши или погибали от голода, или начинали есть друг друга.

Кстати, две страны активно поддерживают наших архангельских зверобоев — это Канада и Норвегия. Именно они и закупают мех серки на фермах по передержке.

— Мы в течение долгого времени занимались этой проблемой, — рассказывает Мария Воронцова, директор российского представительства Международного фонда защиты животных, — я сама бывала в поморских деревнях во время промысла на белька. Что сказать? Грустно и мерзко. Что мы все-таки сумели сделать? Сняли и показали три фильма о промысле белька. Разработали экономические альтернативы промыслу в виде развития малого бизнеса. Купили и передали оборудование для переработки и упаковки ягод, грибов поморским семьям, отказавшимся участвовать в охоте на детенышей гренландского тюленя. Профинансировали двухлетнее исследование, проведенное учеными МГУ в поморских деревнях. Но мы прекратили кампанию из-за невероятной пассивности жителей как Мурманской, так и Архангельской областей. Что еще? Мы пытались защищать детеныша гренландского тюленя с помощью депутатов Государственной Думы. Еще в 1999 г. Госдума рассмотрела и приняла в трех чтениях Закон о защите животных от жестокого обращения. Но тогдашний президент Борис Ельцин наложил на него вето. Отказное решение подписал и Владимир Путин. Случилось это 3 января 2000 г. С тех пор ничего не изменилось. Закон заветирован. Бельков продолжают истреблять.

Вот еще новость такого же рода. Впервые за много лет на проведение зверобойной кампании выделены дотации от государства. В областном бюджете (речь идет об Архангельской губернии) на нынешний год заложена сумма в 4 млн. 550 тыс. рублей именно на забой и передержку детенышей гренландского тюленя. Но деньги эти будут распределены между участниками зверобойной экспеди-

ции лишь ближе к лету. Таковы условия. Для сравнения: Норвегия выделяет по 12 млн. крон каждому судну, отправляющемуся на промысел гренландского тюленя. И важно то, что норвежские звероловы берут только взрослых тюленей. От охоты на бельков Норвегия (под давлением общественности) давно отказалась. Бельков умерщвляют лишь в России.

Ежегодно в зверобойной кампании в Архангельской области участвуют 300-350 человек. Готовиться начинают загодя. Вот и нынче и в Койде, и в Нижней Золотице давно отремонтировали и цеха, и столовую. Успели заменить даже часть устаревшего оборудования. Завезли уголь и дрова для маленьких местных гостиниц. И топливо для вертолетов в достатке имеется. Вот только две неприятные вещи омрачили приятные ожидания зверобоев-звероловов. Авиаотряд, базирующийся в местечке Васьково, поднял стоимость одного летного часа с 23 тыс. рублей до 27 тыс. рублей. А еще появилась заковыка в Налоговом кодексе РФ, утвержденная федеральным Законом №148-ФЗ от 11.11.2003 г. Эта самая заковыка обязывает отныне промысловика выплатить государству 350 руб. за одного добытого гренландского тюленя. В том же документе указано, что для градо- и поселкообразующих предприятий оплата будет составлять только 15% от налога. Но колхозники до сих пор не увидели этого списка со счастливыми.

Впрочем, разве дело в каких-то там бумажках? В поморских деревнях никто не думает оставлять охоту. Зверобойка — это образ жизни людей, населяющих эту часть российской территории. Они считали и считают, что бить зверя — у них в крови. И без этого промысла жизнь — не жизнь... Да и браконьерство никогда не считалось в этих краях преступлением. Море большое, море богатое. И рыбой, и зверем. И запасы эти неисчерпаемы. Так ли?

Тюленей хватит на всех

Ученые из СевПИНРО (северного отделения Полярного НИИ рыбного хозяйства и океанографии) не видят ничего зазорного в варварском истреблении детенышей гренландского тюленя.

— Зверя в этом году много, — рассказывает и.о. заведующего лабораторией морских млекопитающих СевПИНРО Александр Голиков, — зверь располагается совсем недалеко от деревни Нижняя Золотица, где и находится основная промысловая база. Это примерно 30 км от населенного пункта. Погода явно благоприятствует проведению промысла, и если вовремя начнется добыча серки, то неплохие шансы есть как раз у Нижней Золотицы.

Ученые СевПИНРО оценивают беломорскую популяцию гренландского тюленя в 2,5 млн. особей. И количество зверя — по данным СевПИНРО — с каждым годом растет. Значит, можно убивать дальше? И убивают. И если сегодня некоторые зверобои все еще выжидают — как там после добавки в Налоговый кодекс дела пойдут, то браконьер не дремлет. В этих краях у браконьера под рукой и собственные вертолеты, и маломерные суда. Причем браконьеров интересуют не только малыши. Шкуры бельков всегда с охотой, но втихую, приобретет норвежская сторона. Несколькими годами назад пограничники уже останавливали судно, под завязку груженое шкурками убитых бельков. Пароход держал курс к норвежским берегам.

Иной раз браконьер ведет себя совсем уж странно. Так, рядом с местечком Умба в Мурманской области зверобой как-то наткнулся на зверски умерщвленных взрослых

гренландских тюленей. У всех 400 животных были отрезаны лапы и головы. Ученые предположили, что браконьеры охотились за вилочковой железой тюленя (из нее получают очень ценный лекарственный препарат). Но кому и для чего понадобились тюленьи лапы? Ученые лишь предполагают, что и эта часть зверя была кому-то нужна для фармацевтических нужд. Интересно, что убийц тюленей так и не нашли. Известно было лишь одно: на свой кровавый промысел они прилетали на вертолете.

Сегодня мурманские зверобои всю осваивают суда на воздушной подушке. Ученые порекомендовали бить зверя прямо с корабля. Это же удобнее. И затрат гораздо меньше. Вертолет-то дорог нынче. Да и летчики постоянно стоимость летного часа поднимают.

А еще в Архангельске по инициативе Международного Совета по исследованию моря (IKES) недавно собрались ученые России, Дании, Норвегии и США на своего рода «круглый стол» по тюленьей проблеме. Ученые обсуждали животрепещущую тему «Рациональное использование запасов тюленя Северо-Восточной Атлантики». И пришли к выводу, что существенного ущерба зверобойный промысел тюленьим стадам не наносит. Бейте дальше, господа хорошие. Прямо по нежной мырке дубиной или багром.

P.S. В Архангельской области появились предприимчивые молодые люди, которые придумали совершенно новый вид бизнеса, а именно - экологическую программу "В гости к новорожденным тюленям". В этом году группа из 12 человек побывала на ценной залежке в самом начале марта (когда решался вопрос, быть или не быть зверобойке - 2004). Руководил экспедицией генеральный директор ООО "Живая природа", он же - президент АНСО (автономная некоммерческая спортивная организация) "Полярный Мир" Олег Продан. 3 дня путешествия для группы в 12 человек стоят 487 000 руб. (с одной высадкой на лед). Два полета стоят 614 000 руб. Желающие находятся.

Но в этом году зверобойка по объективным причинам была сорвана. Бизнесмен Продан возил туристов на ценные залежки Белого моря и раньше, скажем, в марте 2002 года (как раз, когда начиналась охота на детенышей гренландского тюленя). Выходит, каждый ищет в горле Белого моря развлечения по себе?

Есть группа энтузиастов, которые считают, что такого вида туризм может вытеснить зверобойку. Это чистой воды заблуждение: зверобойный промысел — он традиционный, и никогда поморы не станут мыть полы в гостинице или выступать в роли гида. Они родились охотниками. Охотниками и остаются.

Руководитель областного комитета по рыбному хозяйству Леонид Мелешко подтвердил, что нынешняя зверобойка была сорвана из-за неговорчивости авиаторов второго летного отряда (г. Архангельск), которым рыбколхозы оказались должны свыше 3 млн. руб. за зверобойку 2003г. И хотя были выписаны полетные задания, вертолеты 15 марта на небо не поднялись.

Детеныши гренландского тюленя были спасены. Но это сегодня. А завтра? Зверобойку никто не запрещал. Никто не отменял. Это факт.

ПИШУТ, ЧТО...

На ЛАЭС обсудили меры по защите государственной и коммерческой тайн

Совещание специалистов по защите государственной и коммерческой тайны прошло 20-22 апреля 2004 года на Ленинградской атомной станции (Ленобласть).

Как сообщает ЦИСО ЛАЭС через официальный сайт филиала концерна «Росэнергоатом», на совещании собрались руководители подразделений по защите государственной и коммерческой тайны других филиалов концерна. В совещании также участвовали представители самого концерна, Аварийно-технического центра, атомных российских станций (за исключением одной), а также строящихся АЭС — Башкирской и Костромской. Среди проектных организаций были ВНИИАЭС, «Атомтехэнерго», «Росэнергоатомпроект» и «Информзащита».

Во время работы совещания были заслушаны доклады руководителей соответствующих служб атомных станций России о состоянии работ по обеспечению сохранности сведений, составляющих государственную и коммерческую тайну. Выступления руководства и главных специалистов дирекции защиты информации «Росэнергоатома» были посвящены работе концерна в целом и его филиалов по обеспечению сохранности сведений, составляющих коммерческую тайну.

Отметим, что атомщики России и раньше не отличались «информационной открытостью», особенно в части прозрачности финансовых потоков. Теперь, похоже, ситуация и вовсе становится информационно закрытой.

ABNews.ru
агентство бизнес-новостей

На ядерном реакторе в США пропали детали радиоактивного стержня

На ядерном реакторе Vermont Yankee в американском штате Вермонт начат поиск двух потерявшихся элементов от топливного стержня, пишет «Газета.Ru».

Как сообщил представитель комиссии по ядерной регламентации Нейл Шихан, стержень был извлечен из реактора еще в 1979 году. В настоящее время реактор закрыт. По словам Шихана, скорее всего, элементы радиоактивного стержня потерялись на самом предприятии. Также не исключается возможность, что они могли быть отправлены вместе с отработанным ядерным топливом в хранилище в Южной Каролине или же на завод в штате Вашингтон.

Еще один вариант — элементы могли быть изъяты компанией General Electric, которая строила реактор. Все версии проверяются. На самом реакторе установлены камеры с дистанционным управлением. При этом Шихан отметил, что радиоактивные элементы опасны для жизни человека, который приблизится к ним без соответствующих средств защиты. Отработанное топливо из этих элементов также может быть использовано для производства «грязной бомбы».

ПИРАТЫ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Светлана Геллертова
Нижний Новгород
rekl@kurier.media.ru

В октябре 2003 года в местной газете «Биржа» появилось официальное сообщение, повергнувшее обитателей дома №19 по Верхне-Волжской набережной в шоковое состояние. В сообщении говорилось, что администрация Нижнего Новгорода рассматривает вопрос о передаче в аренду на 49 лет товариществу собственников жилья (ТСЖ) дома №19а земельного участка размером 720 квадратных метров. Было от чего прийти в недоумение: одно-

этажное строение №19а с придомовой территорией занимает всего 150 квадратных метров. Откуда возьмется почти в пять раз больше?!

Представитель ТСЖ господин Мамочкин встречался с жильцами девятнадцатого дома, причем настроен был благодушно и очень уверенно себя чувствовал: «Из администрации мне уже кивнули».

Он рассказал людям, что намеревается построить четырехэтажный жилой дом с мансардой; снесет несколько сараев, благоустроит двор, деревца посадит...

Но инициативные жители раздобыли в ГлавУАГе эскиз проекта. Картинка впечатляла: семиэтажное здание с подземным гаражом, которое наискось перегородит двор, превратив его в треугольный колодец. Света не будет ни во дворе, ни в квартирах. Не говоря уже о том, что приобрести квартиры в таком доме могут только весьма обеспеченные семьи, имеющие в своем распоряжении, как минимум, по одному автомобилю.

Нетрудно догадаться, во что превратится то, что еще останется от двора, окрестные улицы и набережная.

Владельцы дома №19а всегда пользовались своим прилегающим к дому участком: разводили кур, выращивали яблони, гуляли по траве. И не претендовали на двор соседней пятиэтажки, где расположены сараи, гаражи жильцов, построенные с разрешения администрации и зарегистрированные в БТИ. Какое же право имеют власти (которые «кинули») распоряжаться чужой собственностью? Кроме того, жители убеждены, что их «сталинский» дом 1938 года не выдержит соседства столь масштабной новостройки.

За примером далеко ходить не надо: соседний дом №38/2 по улице Минина (1956 года постройки) лопнул по углу во время строительства на другой стороне (!) улицы, когда на месте деревянных двухэтажных домиков

возводились кирпичные многоэтажки. После ремонта трещина снова появилась на том же месте. Здания научно-исследовательского института травматологии и ортопедии и Геронтологического центра, между которыми и располагаются дома 19-й и 19а, тоже прорезаны трещинами. В чем причина этих разрушений?

Наконец, вся Верхне-Волжская набережная — это зона возможных оползней. Генеральный директор ОАО «Противооползневые работы» («ПОР») Юрий Волков считает, что нагрузка дополнительными строениями верхней бровки склона категорически недопустима.

Весной прошлого года на совещании у мэра директор МУП «Инженерная защита города» Игорь Коваль доложил, что с 1994 года на Верхне-Волжской набережной произошло уже двенадцать оползневых деформаций. В 2002 году трещина длиной 25 метров образовалась около НИИТО. Из-за трещин и провалов склон может весь сползти в реку.

О каком же строительстве вообще может идти речь?! Можно было бы посоветовать людям не пороть горячку: ни один чиновник в здравом уме не разрешит строительство. Но это был бы плохой совет.

Строить нельзя, это очевидно. Но как же тогда «этажерка Сильвера», чудовищная многоэтажка, выросшая вместо одноэтажной пиццерии впритык к Дому архитектора? Выглядит этот монстр, как пират среди приличных людей, обезображивая историческое место. И располагается в нескольких метрах от кромки откоса.

Как же гигантский котлован возле гостиницы «Октябрьская»? В нем скапливаются талые воды, грозя уничтожением всему Волжскому откосу, почти у края которого он вырыт. Из-за этого под угрозой вырубки оказались столетние липы.

Да много чего нельзя по закону! Градостроительный кодекс запрещает ухудшать застройкой экологическую обстановку. Но дом №8 по улице Нестерова построен на месте уютного зеленого скверика. Люди протестовали, под бульдозеры бросались — бесполезно.

Строится шестиэтажный дом параллельно дому №6 по Верхне-Волжской набережной, который перекроет окна шестому, сузит его жизненное пространство.

На месте детских песочниц (ул. Минина, 22) выстроен огромный дом. Улица Минина, дома №№41 — 49 стали просто каменными джунглями, уродующими исторический центр.

«Мы перешли тот предел, за которым исторического Нижнего не останется, — считает депутат ОЗС Александр Сериков. — Многие здания, построенные за последние три года, не вписываются в сложившийся историко-архитектурный облик нашего города. Градостроительная политика, которая проводится сейчас, направлена на разрушение исторического центра».

Депутат считает, что власти идут на поводу у частных застройщиков, не предъявляя жестких требований к соблюдению законности.

Думается, дело не только в этом. От того же господина Мамочкина (ТСЖ дома №19а) люди слышали, что администрация получает в каждой новостройке 30 процентов

площадей (еще бы они не «кивнули»)!) В пирате «Сильвер» квадратный метр жилплощади стоит от полутора до двух тысяч долларов. Как распоряжаются этими метрами чиновники? Куда уходят деньги — огромные деньги?

Уж понятное дело — не на благоустройство города, не на сохранение его исторического лица, не на озеленение.

Немудрено, что жители дома №19 не получают ответов на свои вопросы. Администрация города не ответила ни на одно из восьми (!) писем (с октября прошлого года). Прямо какое-то «молчание волков». Которое, впрочем, прочитывается вполне недвусмысленно: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Начальник ДЕЗ Нижегородского района Ирина Манкина сообщила жильцам, что их дом легче разрушить, чем отремонтировать. Центр госсанэпиднадзора района тоже отозвался: заключение по выбору земельного участка под проектирование не выдавалось.

Большие надежды возлагались на МУП «Инженерная защита города» («ИЗГ»). Но оттуда пришел ответ парадоксальный: «МУП поддерживает обновление застройки в районе Верхне-Волжской набережной, чтобы за счет модернизации сетей водопровода и канализации сделать невозможными утечки из этих систем, тем самым уменьшая влияние техногенного фактора на оползневые процессы. Угрозы для застройки не существует».

Это как же? В марте 2003 года существовала, а в декабре, когда пришел ответ из ИЗГ, — уже нет? При том, что деньги на противооползневые работы не выделялись пять лет? И кто говорил о модернизации старых коммуникаций? Вряд ли ЖКХ найдет на нее средства. Наоборот, холм изроют, прокладывая новые трубы к новым домам, а старые так и будут подтекать, увеличивая «влияние техногенного фактора».

И что такое «обновление застройки»? Имеется в виду, что старые дома все-таки рухнут? Причины разрушения домов ИЗГ посоветовала искать в ошибках строительного производства и истечении срока службы конструкций или в оседании грунтов в основаниях зданий.

По санитарным нормам срок службы «сталинки» — 160 лет. Их строили качественно — никто тогда не решился бы на «строительные ошибки». И что, на оседание грунтов не повлияет соседство крупномасштабной новостройки?

Напрашивается совсем другой совет: бейте во все колокола, господа старожилы, объединяйтесь, изучайте законы и ищите правды в судах.

Кстати, жители дома №19 по Верхне-Волжской набережной уже создали общественную организацию «Волжский Откос» — для борьбы за свои права.

Потому что в нашем городе Жилищный, Градостроительный, Земельный кодексы не работают. Вместо расселения ветхих жилищ, которых в центре предостаточно, и строительства на их месте архитектурных произведений, способных украсить город, не вступающих в противоречие со старинной архитектурой, власти отдают под застройку скверы, дворы и детские площадки.

Еще бы, ведь жильцы домов, идущих под снос, по закону имеют право получить квартиры в строящихся рядом домах. Иметь-то имеют, да кто же их пустит в эти дорожные элитные квартиры? Бесплатно-то?

Идет пиратский захват земли. И даже откровенное присутствие криминала никого не беспокоит. На улице Нестерова сгорел дом №33. На его месте уже всюду идет строительство. О нем мне рассказала жительница соседнего — 35-го — дома Елена Куликова. Оба этих дома

были построены в 1926–28 годах как реализация тогдашней программы по строительству кооперативных домов для интеллигенции и инженерных работников. Люди, имеющие кое-какие деньги, на собственные средства улучшали свои жилищные условия. Потом, правда, власти дома отобрали, а жителей посажали. Но в 35-м доме живут все еще три семьи — потомки тех, кто его строил. Квартиры в доме хорошие: по сто квадратных метров, АГВ, ванна, туалет, горячая вода. Между их домом и сгоревшим — зеленый участок. А ель какая! Огромная, зеленая, разлапистая, ни веточки сухой. Просто чудо, что за дерево. Но, по словам Елены, участь дому уготована незавидная — не лучше, чем 33-му.

— Отчего он сгорел?

— Мы посылали запрос в управление городской пожарной службы, и нам ответили, что был поджог. Дом сгорел в августе, а в мае, как позже выяснилось, строительной фирме ЗАО «Жилстройресурс» власти отдали этот участок. После пожара, естественно, жителей расселили. А до этого никто не приходил и ничего не предлагал. Только после пожара вообще узнали, что дом пойдет под снос. Расселили их неплохо, но знакомые из этого дома рассказывали, что им сказали: будете выступать против строительства — квартиры отберем. Почему-то эти факты правоохранительные органы не взволновали. Там решили, наверное, что это совпадение — выделение участка и пожар.

Конечно, жильцам тридцать пятого страшно. Придомовой участок земли им в собственность не оформляют. Переезжать они не хотят, но если выбирать между переездом и пожаром... Тем более, что строить собираются в пяти метрах от их дома, который, при всей своей добротности, этой стройки может не выдержать. Не говоря уже о зеленом клочке земли. И ель... Знать бы, когда соберутся сотворить это гнусное дело — залезла бы на верхушку: посмейте срубить! Но это делается всегда тихой сапой, без предупреждения.

— Они говорят, что сделают замещение, — поясняет Елена. — Посадят сто деревьев в Печорах...

— Очень мило, и для вас, главное, полезно. До Печор отсюда — несколько километров.

— А детские и спортивные площадки собираются разместить на десятом этаже этого здания. Сто двадцать семь, кажется, квартир, которые приобретут люди далеко не бедные, имеющие привычку на машинах ездить. А парковка рассчитана на семь машин. Куда они денут остальные? Парк Дворца пионеров урежут? Или просто заедят колесами. Мы получим очень плотную застройку высотными домами и увеличение в несколько раз транспортного потока.

— А в соседних домах, тридцать седьмом и тридцать девятом, тоже хорошие квартиры?

— Там хуже. Дом №37 строился на одну семью, а живет двенадцать. Они обеими руками за снос и расселение. Но тридцать седьмой — исторический памятник. Там жил врач Петр Николаевич Михалкин (1862-1931), хирург. С 1909 по 1918 год возглавлял Нижегородскую губернскую больницу, создал хирургическое отделение земской больницы, оборудованное по последнему слову тогдашней техники. Напротив, через дорогу, — корпус Первой градской больницы, где он работал.

А жильцы — за снос. Понятно теперь, почему какая-то женщина закричала на меня из окна: «Пошла отсюда, нечего тут фотографировать!» Даже не разобралась, собственно: может, я прикидываю, как лучше бульдозер к ее дому подогнать?

В свое время администрацией не были определены по каждому жилому дому конкретные характеристики домовладения, не определены границы придомовых территорий. Не выполнено решение Нижегородского облсовета народных депутатов от 27.02.1992 года. И теперь чиновники ссылаются на... собственное невыполнение закона, отказывая в оформлении права собственности на земельный участок придомовой территории. «Ваши права не оформлены, стало быть, не нарушены». Если вы приватизировали свое жилье, то можете приватизировать землю под домом в районе отместка.

Все остальное, получается, принадлежит муниципалитету. И администрация может разрешить снести у вас во дворе все деревья, которые вы своими руками сажали и выращивали, детские песочницы и сараи. И построить многоэтажный дом. Думаете, преувеличиваю? Ничуть не бывало.

В районе улиц Студеной и Славянской снесли несколько десятков деревьев. Жители пытались их защищать — их просто отшвыривали от стволов и пилили, пилили. И сразу корчевали пни и заравнивали землю — как будто ничего тут и не было. Человек восемьдесят нагнали здоровых мужиков — силы были неравные. Тогда (осенью) удалось отстоять только столетний дуб.

Но в декабре и его спилили. Сразу после того, как застройщика известили, что оформляются документы на охрану этого дерева как памятника природы. Невозможно описать горе людей, относившихся к этому дубу как к близкому, родному живому существу. Он пережил три войны, и ни разу ни у кого не поднялась на него рука, хотя люди замерзали без дров в своих домах, где тогда было печное отопление.

Работы по строительству, кстати, так и не начались — администрация Нижегородского района под давлением

общественности и экологов отозвала разрешение на использование этого участка. Но дуба-то уже нет. Нет роскошного, здорового красавца. Берез нет. Голое место, обнесенное забором из металлических листов.

Да кто сказал, что место, где растут деревья и кусты, — свободное? Деревья — такие же жители города, как мы, они из последних сил очищают воздух от смога. Не рубить их надо, а беречь и охранять.

Какими деньгами можно измерить горе и обиду, унижение людей? А инфаркт, который получил пенсионер Карюков, когда новый дом вырос вплотную к его окнам? А другие инфаркты, о которых мы просто ничего не знаем?

И почему вопрос о застройке исторического центра города решает кучка чиновников? Они уйдут рано или поздно, а обезображенный город останется.

Вопросов множество. Ответ один: надо прекращать строительный беспредел в городе. Любыми методами и средствами.

Р.С. Как сами новоселы-нуждари собираются жить в своих элитных домах? Без деревьев, без зелени? Заставят квартиры пальмами в кадках? Центр города перестанет быть историческим, превратится в обычный современный микрорайон — только густо-густо застроенный. В окраинных-то, спальных районах попросторнее будет.

Р.Р.С. А ель уже срубили...

НАША РЕКЛАМА

ВНИМАНИЮ ОРГАНИЗАЦИЙ, СТАЛКИВАЮЩИХСЯ С ПРОБЛЕМАМИ ДОСТУПА К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ДРУГОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ:

Недавно в Санкт-Петербурге образован Институт Развития Свободы Информации — негосударственная некоммерческая организация, занимающаяся изучением правовых аспектов реализации права граждан на доступ к информации. Деятельность Института направлена на оказание правовой и организационной помощи в решении вопросов с доступом к информации. Институт заинтересован в установлении контактов с организациями, занимающимися поиском конкретной социально-значимой информации, с целью оказания им содействия.

Адрес Института для корреспонденции: 191028, Санкт-Петербург, а/я 258. Телефон: 812 327-29-43
E-mail: pavlov@sp.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ НЕКОММЕРЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

- подготовка документов для государственной регистрации общественных объединений и других некоммерческих организаций;
 - подготовка документов для государственной регистрации изменений и дополнений, внесенных в Устав общественных объединений и других некоммерческих организаций;
 - приведение учредительных документов общественных объединений и других некоммерческих организаций в соответствие с требованиями действующего законодательства;
 - юридическое сопровождение деятельности общественных объединений и других некоммерческих организаций;
- а также:
- консультации по вопросам фандрайзинга (поиск финансовой поддержки);
 - подготовка комплекта документов для обращения за финансовой поддержкой к потенциальным грантодателям.

Телефоны в Санкт-Петербурге:
(812) 327-29-43; 388-10-36

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА: МЫ ВЫГЛЯДИМ БЕЗУМНЫМИ ДИКАРЯМИ

Альберт Калашников

Экологический клуб «Улукиткан»
Благовещенск
raider01@rambler.ru

Начну с того, что о проблеме весенней охоты пишу не понаслышке. Мне приходилось участвовать в самых разных охотах, добывать животных в ходе научных экспедиций. Работал егерем в обществе охотников и рыболовов, инспектором заповедника. Сейчас — выпускник аграрного университета, факультета «биология-охотоведение». Поэтому знаю проблему «изнутри» и имею полное право представить ее на общественное обсуждение.

Каждого честного охотника и охотоведа волнует вопрос — до каких пор будет продолжаться бесхозяйственность, вседозволенность и непрофессионализм в охотничьей отрасли? Значит, это кому-то нужно, скажете вы — и не ошибетесь. С легкой руки чиновников проекты «Закона об охоте» уже второй десяток лет пылятся в загашниках Государственной Думы. За «период беззакония» исчезли десятки тысяч микро-популяций животных из-за чрезмерного и научно не обоснованного пресса охоты. В нашем Приморском крае только на восстановление численности амурского тигра WWF-Дальний Восток потратил около десятка миллионов американских долларов. А результатов — ноль. Что стало поводом для острот даже в высшей лиге «КВН». Потому что эту проблему нельзя решать без учета социально-экономических интересов местного населения.

Сам Департамент по охране и развитию охотничьих ресурсов после долгих блужданий из одной хозяйственной структуры в другую, наконец, приютился под «крышей» Министерства сельского хозяйства. И как следствие — полный абсурд: теперь даже это «картофельное министерство» имеет свой спецназ в виде региональных оперотрядов охотнадзора, которые из-за постоянных пертурбаций в законах стали представлять собой что-то промежуточное между зелеными бандами махновцев и отрядами матросов-балтийцев из ВЧК.

Одним из основополагающих принципов Конвенции о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 05.06.1992), ратифицированной Россией в 1995 году, является «обеспечение устойчивого существования и устойчивого использования животного мира». Где «устойчивое использование» означает использование компонентов биологического разнообразия таким образом и такими темпами, которые не приводят в долгосрочной перспективе к истощению биологического разнообразия. Тем самым сохраняя его способность удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений и отвечать их чаяниям.

Как Охотдепартаментом нарушается данный принцип в случае с весенней охотой, наглядно иллюстрирует статистика по Дальневосточному федеральному округу: с конца 60-х годов до 1998 года численность гусей сократилась в 10 раз. Из всех разновидностей весенних охот на пернатую дичь наиболее любима охотниками охота именно на гусей. Официально называется она «охотой на гусей из укрытия» и проводится не более 10 суток в пределах отдельно взятого охотничьего хозяйства. Как говорят чиновники, срок небольшой и вред от нее птицам минимальный. Но что из себя в действительности представляет весенняя охота?

Горячая встреча на родной земле

Табун белолобых гусей, сделав круг после многочасового перелета, стал снижаться на широкую песчаную отмель пограничной реки. Эта стая, как и многие другие, представляет собой годами складывавшуюся сложную социальную структуру, в которой роль каждой особи строго регламентирована. Ядро стаи составляют семейные пары с потомством: долговременная родительская опека (и даже сам факт присутствия родителей в стае) оказывает наиболее благоприятное влияние на судьбу молодых птиц, лишь в три года достигающих половозрелости. Особняком держатся «молодожены» — пары, сложившиеся на минувшей зимовке и еще не успевшие завести себе потомства. Наиболее уязвимы молодые гуси, оставшиеся без родителей. Они являют собой наиболее бесправную часть стаи, и среди них также существует своя иерархия. Но все вместе они единая стая.

Стая расположилась на ночлег, гуси из осиротевших выводков привычно образовали круг «часовых», им отводится роль сигнальщиков на случай приближения и нападения хищников. Стемнело. В это время с российского корабля пограничной стражи, расположившегося за островом, спускались на воду шлюпки. Мощный прожектор, периодически включаясь, вел гребцов и пассажиров неизвестно куда направлявшихся лодочнок. Когда шлюпки стали выходить из-за острова и оставалось несколько минут для того, чтобы течение вынесло их прямо на косу, где остались на ночевку гуси, боевой корабль на малом ходу стал выдвигаться параллельным курсом, следуя по главному фарватеру. Через какое-то время один из сидевших в шлюпке «гостей» отдал по радиации короткий приказ. Прожектор влупил ярким снопом света в упор, ослепив ничего не понимающих гусей. Гребцы, сидевшие в шлюпках, подняли по команде весла, а те, что были в камуфляжных костюмах, из пистолетных ружей расстреливали картечью сбившихся в беспорядочную кучу птиц.

В течение следующего дня поредевшая стая собралась вместе, а еще через день она попала под выстрелы сотрудников рыбоохотнадзора, имевших разрешение на «котловое питание». Еще через два дня была официально открыта весенняя охота, о чем гуси узнали по канонаде, разбудившей всю округу. С этой поры птицы метались, как обезумевшие, с одного поля на другое, с одного лимана на следующий. Теперь не проходило и дня, чтобы стая не теряла нескольких особей. Особенно тягостное впечатление производили крики одного из уцелевших гусей, который кружил над местом падения своей подруги. Снижаясь, он пронзительно звал лежавшую на земле

Каждому охотоведу — определитель с картинками

Проконтролировать процесс на обширнейшей, открытой для массовой охоты территории в весенний сезон не представляется возможным. А право на появление в охотничьих угодьях с оружием человек получает в обмен на умеренную плату, и никто не интересуется моральными принципами и знанием основ биологии так называемого охотника-спортсмена. Мне могут возразить — положение стабилизируется, Охотдепартамент вводит повидовое лицензирование дичи и ужесточает экзамены при получении охотничьего билета. И тогда из десятков видов водоплавающих птиц охотник будет со знанием дела отстреливать только те, которые разрешены законом.

Самое страшное, что все 13 видов гусей и казарок, встречающихся в России, имеют тенденцию снижения численности. Но не все охотничьи начальники с этим соглашаются. Лишь три вида: белолобый гусь, серый и гуменник не попали еще на страницы Красной книги Российской Федерации. А точно определить видовую принадлежность гусей, налетевших со скоростью 80 км в час на низкой высоте, да еще и в сумерках, не представляется возможным для неподготовленных охотников. Даже руководитель Охотдепартамента А.И. Саурин признает то, что не только охотники-любители, которых в стране насчитывается около 3 миллионов, но даже профессионалы, районные охотоведы не умеют отличать краснокнижные виды от «обычных». «Каждый российский районный охотовед в ближайшее время получит (бесплатно) современный определитель охотничьих и редких видов уток и гусей России,» — заявил Саурин со страниц «Российской охотничьей газеты» (10.03.2004).

Нонсенс! Если руководители районных служб охотнадзора не умеют без определителя различать эксплуатируемые виды птиц, то как тогда они могли все это время исполнять свои функции по учету и мониторингу водоплавающей дичи? Но, может быть, вопреки мнению общественности, встревоженной катастрофическим снижением численности водоплавающих птиц, все же есть какое-то рациональное зерно в проведении весенних охот?

Именно весной в угодьях сосредотачивается наибольшая масса любителей охоты. Именно тогда наступает полнейший хаос, когда стрельба идет во все живое. Ситуация вполне типичная для всех регионов нашей бескрайней страны. Практически под разными предлогами и под прикрытием всевозможных разрешений (или без оных) охота осуществляется круглый год. Животный мир дикой природы находится под постоянным прессом охоты. Но проблема именно в том, что весна — это период размножения для многих видов зверей и птиц, как эксплуатируемых со стороны охотников, так и не охотничьих видов. Весенняя охота — это охота на уничтожение. Механизмы компенсации в популяциях включаются в период размножения, а охота не дает этого сделать. Поэтому о рациональности весенней охоты, негативно влияющей на репродуктивный цикл животных, речь идти не может.

Не так давно в Канадской провинции Квебек был по-

гусыню. Наконец, поредевшая на три четверти всего за какие-то две недели стая встала на крыло и продолжила свой путь дальше на север. Большинство так и не найденных охотниками подранков попало в зубы лисам, енотовидным собакам. Обьедки достались воронам.

Многие из незадачливых охотников хоть и полностью опустошили свои патронташи, но так и вернулись домой без желанного трофея — далеко не всегда свинцовый заряд попадал в убойное для птицы место, зачастую лишь тяжело травмируя ее. Менее разборчивые, плюнув на закон, в последний день охоты отстреливали прямо из окон своих автомобилей бродивших по полевым дорогам фазанов. Видимо, чтобы хоть как-то реабилитировать свое звание охотников и компенсировать затраты на весеннюю охоту. Порой «счастливчикам» под прицел попадали и потревоженные выстрелами косули. Особенно непривередливые стрелки развлекались стрельбой по цаплям, журавлям, уже давно занесенным в Красную книгу, и аистам. Сколько же трагедий разыгралось в этот период в угодьях, открытых для весенней охоты!

ставлен научный эксперимент с применением радиолокаторов, имевший своей целью выявить роль весенней охоты в снижении численности популяций большого белого гуся. Вообще же в Северной Америке весенняя охота с 1913 года разрешена только для нужд коренного населения. Четкая система охраны, несмотря на обширную осеннюю охоту (американцы ежегодно добывают 15-17 миллионов уток и 3,1-3,4 миллиона гусей), привела к очень высокой численности водоплавающих птиц. Численность популяций белых гусей выросла за это время в 15 раз! И приближается к 10 миллионам. Размножившиеся гуси наносят там ощутимый вред сельскому хозяйству. Конгрессами США и Канады были приняты и одобрены радикальные меры по увеличению их добычи. До предела расширены сроки зимней охоты, сняты ограничения на сроки охоты в течение суток, отменены ежедневные квоты числа добываемых гусей. Разрешено применение ружей с 5-6 зарядами (обычное ограничение в Америке — три выстрела), применение манных птиц, подкормки и электронных манков. Однако эти меры не помогли. Тогда было принято решение об открытии весенней охоты, чтобы ограничить численность гусей в период, когда репродуктивные возможности популяции наиболее уязвимы. И ВСЕГО ЗА ДВА СЕЗОНА ВЕСЕННЕЙ ОХОТЫ УДАЛОСЬ ОСТАНОВИТЬ РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ большого белого гуся в Канаде!

Если учесть тот факт, что гуси и казарки являются видами-моногамами, то есть сохраняют супружескую верность на протяжении всей жизни, и потеря одного из супругов оборачивается, как правило, скорой гибелью уцелевшего, то весенняя охота, в процессе которой разрешается отстрел как самцов, так и самок гусей, несомненно, должна быть признана на законодательном уровне нерациональной, а в характерных для России условиях снижения численности популяций запрещена как вид охоты.

Недавно мне по электронной почте пришло интересное письмо от Александра Выговского, президента Некоммерческого Партнерства «Служба Экологической Реставрации», вот что он пишет: «Я в своё время работал егерем и районным охотоведом, затем — орнитологом, так что профессионально представляю особенности проблемы. Не знаю, как у вас, но в европейской части России (благодаря бесконечной весенней пальбе) крупные перелётные птицы начали облетать регион с запада. В то же время в Нидерландах, Норвегии весенний перелёт превратился в национальный праздник. Отменяются занятия в школах — родители с детьми покупают специально подготовленные необмолоченные снопики, пакеты с запаренным зерном, едут на машинах и автобусах на берега фьордов и озёр, стелют солому на лёд и ставят картонные кормушки с пропаренным зерном. Представьте — те самые казарки, которые у нас шарахаются от людей, как чёрт от ладана, там берут корм из рук детей. Мы, русские, на этом фоне выглядим безумными дикарями».

Запутались в цифрах и фактах

С этого места, дорогой читатель, перейдем от общего к частному: весенней охоте в моей родной Амурской области как типичному для многих регионов примеру.

Вначале был губернатор. Письмо руководителю экологического клуба «Улукиткан» Н.В. Калининой: «Уважаемая Наталья Владимировна! На Ваше обращение в Администрацию Амурской области по запрету весенней охоты на водоплавающую птицу сообщая, что специалистами Амурохотуправления с 1997 года ведется

мониторинг водоплавающих птиц, и даже при несовершенстве методик учета тенденция к увеличению или снижению численности вида будет явно просматриваться». Другими словами — не стоит беспокоиться, все под контролем!

Затем мне на глаза попался нужный документ: резолюция I-го совещания рабочей группы по гусеобразным Северной Евразии «Проблемы изучения и охраны гусеобразных птиц восточной Европы и северной Азии». 25-27 января 2001 года, Москва, Биологический факультет МГУ... 6 пункт: «Совещание с тревогой отмечает, что при общем росте численности гусей в мире катастрофически снижается численность практически всех видов гусей и ряда видов уток, обитающих в восточной Азии, особенно популяций, зимующих в Китае. Необходимо принять срочные меры по координации и наращиванию международных усилий для предотвращения угрозы исчезновения пискульки, сухоноса, восточного тундрового и таежного гуменников, клокута, касатки и ряда других водоплавающих».

Насколько был авторитетным данный форум ученых для того, чтобы всерьез воспринимать столь алармистское заявление? «В работе совещания приняли участие декан биологического факультета МГУ М.В. Гусев, заместитель руководителя Департамента охраны окружающей среды и экологической безопасности Министерства природных ресурсов РФ В.Ю. Ильешенко, глава Отдела сельского хозяйства посольства Королевства Нидерландов Ян Яап Хоофт, начальник Департамента охраны и рационального использования охотничьих животных МСХ РФ Б.В. Лякин, президент Союза охраны птиц России В.Е. Флинт, представитель Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» Н.А. Курилов, глава Российского офиса «Wetlands International» О.Ю. Анисимова. Помимо российских докладчиков и докладчиков из стран СНГ, в совещании приняли участие ученые из Японии, Нидерландов, Финляндии, Великобритании, Германии.»

Так кто же, наконец, определит, снижается ли численность водоплавающих птиц у нас в дальневосточном регионе или, наоборот, находится в стабильном состоянии, и кто будет определять? Ученые-орнитологи мирового уровня или начальник Амурохотуправления господин Телков (экс-секретарь райкома КПСС)?

Свет на происходящее проливает другой документ — письмо от начальника Департамента по охране и развитию охотничьих ресурсов А.И. Саурина. В нем чиновник вынужден официально согласиться с тем, что численность птиц снижается, но выдвигает свою версию событий: «Сокращение численности популяций большинства охотничьих видов гусей, отмечающееся в последние несколько десятилетий, связано, прежде всего, с промыслом водоплавающих птиц на зимовках в Китае. Именно там лежит ключ к сохранению воспроизводящегося в России, по существу, российского ресурса, а не в закрытии весенней охоты в восточных регионах России».

Согласно международному праву, перелетные птицы являются международным ресурсом, и в таком случае логичней было бы не декларировать право на охоту, а заключить Конвенцию между Россией и Китаем, строго регламентирующую добычу водоплавающих. Никаких попыток заключить такой договор предпринято не было.

Год назад, 17 марта 2003 года, заместитель начальника ГУПР по Амурской области А.А. Воропаева писала на имя руководителя клуба «Улукиткан»: «ГУПР по Амурской области поддерживает Вашу инициативу и считает возможным присоединение Амурской области к введению на ее территории моратория на весенний отстрел водопла-

вающей дичи и целесообразным вынести этот вопрос на международный уровень». Но все остается по-прежнему: только с приходом весны чиновники, благодаря активности общественных природоохранных организаций, вспоминают вообще о проблеме весенней охоты и делают многообещающие заявления, дальше которых дело не идет.

Справедливости ради стоит сказать, что ситуация с зимовками водоплавающих в Азии неблагоприятная. К примеру, если в Японии и Южной Корее птицы не подвергаются прямому преследованию, то площадь водноболотных угодий постоянно сокращается — идет интенсивная застройка вследствие увеличения численности местного населения.

В Китае же долгое время проводилась промышленная заготовка водоплавающих птиц всевозможными, в том числе и варварскими, способами — в ход шло даже протравленное ядом зерно (ружейная охота там не проводится). Но политика КНР в отношении дикой природы в последние годы стала меняться. Усилилась борьба с браконьерством, при этом наказание может быть суровое — вплоть до смертной казни. Созданы десятки природных резерватов — наподобие наших заповедников.

Но проблемы остаются, и решать их нужно на межправительственном уровне. На основе своих личных наблюдений могу сказать, что птицы в первое время после прилета из-за «бугра» (пока их не начинают активно преследовать) ведут себя в присутствии человека очень спокойно.

Численность дичи снижается пропорционально росту числа охотников

Все вроде предельно просто и понятно, как писал мэтр отечественного охотоведения С.А. Бутурлин еще 75 лет назад: «По мере того, как годы шли и мы быстро беднели и беднели дичью, понимание действительного вреда весенней охоты все шире распространялось в охотничьих массах». Редкие голоса душой болеющих за дело ученых-охотоведов и орнитологов не были услышаны. Вот только некоторые из них. Орнитолог В.Г. Кривенко: «Запрет весенней охоты на гусей в средних и южных районах России — мера вполне оправданная». Орнитолог В.А. Зубакин: «Открытие весенней охоты резко усиливает браконьерство. Для охотника-браконьера психологически гораздо труднее нарушить запрет и выйти с ружьем в охотугодья в закрытое для охоты время, чем отстрелять запрещенный к добыче вид или превысить норму отстрела в период открытой массовой охоты. Нередки случаи, когда под видом отстрела селезней начинается стрельба по всему живому, особенно когда контроль за проведением охоты ослаблен».

Но, как известно, нет чисто отечественной науки, наука одинаково принадлежит всему миру, и развиваться она может только посредством обмена идей современников: после запрета в 1913 году весенней охоты в США и Канаде наступил и наш черед.

Учитывая общее сокращение численности водоплавающих птиц, Совет министров РСФСР постановлением от 11.04.1958 за №10 запретил, начиная с 1958 года, весеннюю охоту на все виды пернатой дичи, за исключением отдельных районов Крайнего Севера. Такая мера действовала до 1961 года, когда вышло новое постановление Совета министров РСФСР, отменявшее предыдущее. К этому времени общее сокращение численности водоплавающих охотничьих видов птиц стало особенно заметным. Лишь в 1964 году был проведен

первый всероссийский учет численности охотничьих животных, но водоплавающих птиц по техническим причинам это мероприятие не коснулось, что и стало традиционным. «Вывод очевиден: мы учитываем не то, не там и не тогда. Мы не можем определить объем добычи, но пытаемся определить «объективно существующую численность» зверей и птиц» — писал ученый-охотовед Е.Н. Козлов в 2002 году.

120 тысяч диких гусей на 180 тысяч охотников

В ходе кампании по запрещению весенней охоты в 2003 году экологический клуб «Улукиткан» добился проведения государственной экологической экспертизы. Но приказ об открытии весенней охоты на гусей в Амурской области был подписан начальником Амурохотуправления В. Телковым за день до того, как государственная экологическая экспертиза была утверждена экспертами. Охота была открыта в порядке исключения. Вывод комиссии: возможность открытия охоты в последующие годы решать после выполнения предложений экспертной комиссии государственной экологической экспертизы. Но прошел год, а «воз и ныне там». Ни одно из предложений экспертной комиссии Амурохотуправлением и ГУПР по Амурской области выполнено не было. И с наступлением весеннего сезона 2004 года амурские чиновники, как и многие другие их коллеги из других регионов, нисколько не смущаясь, прилагают все усилия, чтобы открыть охоту на водоплавающих птиц. Их явно не заботит проблема сохранения животного мира, ведь их действия идут вразрез с выводами ведущих орнитологов, с цифрами в руках убедительно доказавших нерациональность весенних охот.

Так что же движет чиновниками, упорно игнорирующими мнение общественности, доводы ученых, закона, который они призваны блюсти? Может быть, забота о поступлениях в бюджет ведомства денег от реализации лицензий и путевок, которые потом распределяются по их собственному усмотрению? А может быть, забота о части «теневой» прибыли от реализуемых охотничьих боеприпасов и оружия, которой с ними, возможно, делятся владельцы специализированных магазинов?

Относительно казусов в отношении охотничьего ведомства и осуществляемых им функций юристы говорят так: «Принцип недопустимости совмещения государственного контроля с деятельностью по использованию объектов животного мира является новым и не разработанным с теоретических позиций — не сложилась судебная практика». Так что у общественных природоохранных организаций есть еще один путь в решении проблемы весенней охоты — создавать судебные прецеденты.

В 2004 году из-за эпидемии птичьего гриппа в южноазиатских районах зимовки диких водоплавающих птиц некоторые субъекты Российской Федерации приняли решение не открывать весеннюю охоту. Случай частный, но, возможно, это лишь начало дальнейших объединенных усилий в деле сохранения животного мира нашей страны. Всего и нужно только — изъять несколько строчек из «Правил охоты» и сохранить, таким образом, от полного исчезновения десяток видов водоплавающих птиц. Но будет ли это сделано, решать нам: как охотникам, так и людям, ничего не знающим об охоте, но заботящимся о сохранении дикой природы. Лично я с некоторых пор принципиально не участвую в весенних охотах. Именно так вношу свой посильный вклад.

НАШ РОДНОЙ ДУРДОМ

Наум Ним
Москва

О рассказе Григория Пасько «Человек с венком на шее». Журнал «Знамя», №4, 2004 год.

Перед читателем абсурднейшая история

Один из героев рассказа вырвался на волю после скольких-то там лет заключения и направляется домой, чтобы сколько-то там следующих безнадзорных лет (а на самом деле — часов) до отказа сил наслаждаться свободой и всеми (не столь уж и разнообразными) удовольствиями вольной жизни. Чем же, кроме выпивки, можно скрасить пустое время ожидания попутного транспорта? На само это желание «скрасить», как осы на брагу, с жужжанием и трепетом иссохшей гортани слетаются случайные собутельники, и среди них тот самый — с венком. Обычная безобразная и неаппетитная пьянка в кругу обычной пьяни. Ранним и забким утром первым из вповалку отдыхающих бражников очухивается хмырь с венком и сразу же ощущает себя кругом потерпевшим: ни денег на опохмел, ни куртки на согрев, один венок и сохранился скорбным напоминанием о вчерашних жизненных планах. Дурная злоба в поисках справедливости гонит его в ментовку (ничто так не ищет немедленного восстановления справедливости, как жаждущая опохмела душа). Караул! Ограбили! У недоспавших ментов — своя злоба, и ее волна прерывает маетный сон остальных собутельников. Абсурдное дело провернулось первой изношенной шестеренкой. Следователь какими-то останками процессуальных знаний осознает всю нелепость дела о грабеже без вразумительных показаний бесследно растворившегося потерпевшего (с венком), однако, у него свои обстоятельства и ему не до никчемушных процессуальных тонкостей. В результате дело крутанулось дальше. Потом свои обстоятельства у прокурора и свои у судьи, а у запущенного к производству дела — свои.

Выпущенные на волю возвращаются куда им и положено, в придачу туда же по собственным обстоятельствам — хапнул взятку — попадает и недотыка-летеха, запустивший всю эту судебную канитель с привидевшимся грабежом.

Никто из персонажей рассказа не вызывает ни авторского, ни читательского сочувствия. Обыкновенный абсурд. Нелепые случайности цепляются друг за друга и этими дурацкими переплетениями соединяются в самую ткань жизни. Герои повествования — не жертвы абсурдных случайностей, а носители абсурда, люди, инфицированные абсурдом и превращающие в него любые свои жизненные отношения. В результате перед читателем — не цепь случайных нелепостей, от которых можно бы отмахнуться, как от забавной, но вполне случайной истории, а сама жизненная основа нашей общей судьбы. Случайный абсурд не выталкивается из нашей жизни, насыщенной глупостью, страхами и равнодушием, а становится единственной ее действенной нормой.

Удача автора в том, что он сумел весь этот обыденный абсурд убедительно продемонстрировать, рассказав читателю, казалось бы, только небольшую забавную байку про людей, у одного из которых продолжением его собственной абсурдной судьбы болтается на шее похоронный венок.

Человек с венком на шее (отрывок из рассказа)

...Фуфырь приговорили сразу, без лишних слов, затей и реверансов, так, как приговаривают наши судьи к длительным срокам наших же сограждан. Пустую посуду приобщили к урне так, как судьи приобщают к урнам жалобы, заявления и ходатайства подсудимых и осужденных. Вылакав пузырь, занюхав воздухом вокруг пирожкового киоска, собутельники закурили. На душе стало теплее, и сама собой родилась весьма банальная мысль — «сгонять за второй». Когда экономист с венком узнал, что Шумахер тоже «только что оттуда», вопрос «кому бежать?» отпал сам собой. Вскоре вечнозеленый венок с траурной лентой затерялся в толпе.

Второй пузырь давили не спеша, сидя мордами к морю на террасе морского вокзала. Каждый думал: «Железяка рядом, мелочь есть, ночью на электричке поеду...», причем действительно верил в это только один — Александров.

После третьей число собутельников удвоилось. Проваливаясь в глубокий пьяный сон, Сироткин услышал обрывки чьей-то фразы: «Сегодня хата пустая...».

А поутру они проснулись. Не сами. При помощи наряда милиции общественного порядка губернского города Н. В полупьяном виде в ближайшем линейном отделе внутренних дел на железнодорожном транспорте Шаман и Шумахер были допрошены. О том, что с ними произошло дальше, они, кажется, поняли только после вручения им копии приговора. Мне они могли ничего не рассказывать. Я сам мог рассказать им про двух идиотов, которые, едва откинувшись, нажрались, подрались и снова поймали срок.

Причем мусорам их сдал собутельник — в данной трагикомедии его роль сыграл мудака с венком на шее.

Из текста обвинительного заключения картина вырисовывалась следующая. После того, как была выкушана третья бутылка, появились новые желающие дерябнуть под шумок и на халяву. (Господи! Чего только не делается на Руси на халяву! Революции, перевороты, перестройки, убийства, приватизации...) Кто-то снова побежал за пойлом, кто-то чего-то с кем-то не поделил. Началась вялотекущая драка. Затем выжили еще, потом еще... Уснули тут же, не отходя от скамеек морвокзала.

Первым проснулся мужик с венком на шее. Без куртки на сутулых плечах, без ремня на жеваных брюках и с чужими туфлями на волосатых ногах. Не совсем узнав себя и место своего пребывания, он попытался вспомнить ход предыдущих событий. Получилось хреново. Мозгов хватило лишь на то, чтобы добежать до ближайшей ментовки и, дыша перегаром и туманом серого утра, сообщить легавым, что его обокрали.

Дежуривший по ЛОВД лейтенант оторвал помятую, как сторублевая купюра, рожу от стола и посмотрел на человека с венком. «Свят, свят», — пробормотал он спросонья и грязно выругался. Ему снилась Верочка, официантка с «Гудка», а тут на тебе: похоронная процессия в количестве одного идиота с признаками похмелья на всю физиономию. Да еще с венком-хому-

том на шее. Ни дать ни взять ипподромная лошадь в поисках последнего приюта.

Лейтенант вышел в туалет, сполоснул «сторублевку» и вернулся к венконосному прищельцу. Начали составлять заявление о совершенном преступлении. Фразы путались в голове стража порядка. Учился он плохо, душа к юридическому образованию не лежала, но папашка — губернский чиновник — настоял. Кое-как отмучился в универе, зато распределили не в Забубуевск, а в родной губернский город. Вокзал — место шумное, людное. То билетик кому-то надо купить без очереди, то подсобить груз оформить, то охрану получения чего-нибудь обеспечить... Словом, на хлеб с маслом и даже икрой хватало. Ну и Верочка опять же... Правда, вокруг нее с недавних пор хлыщ какой-то увивается, вопросы всякие задает...

Так чего же этот, с венком, приперся? Ах, да, напоили, обобрали... Сто шестьдесят первая, а с пунктами определимся позже.

По указанным гражданином Александровым координатам лежало несколько неподвижных тел — точь-в-точь заиндевевшие березовые поленья. Экономист опознал нужные для будущего уголовного дела тела, принадлежавшие, как вы уже догадались, Сироткину и Кузнецову.

...Далее маяявочный рассказ двух зеков расходился с показаниями экономиста и текстом объебона — обвинительного заключения. Из последних получалось, что гражданин Александров имеет ссадины на седалищных мышцах и шишку на лбу, а также не имеет: куртки кожаной (одна штука) стоимостью тысяча рублей; ремня брючного кожаного за пятьдесят рублей; туфлей кожаных коричневых за сто рублей. Итого сумма ущерба — 1150 рублей. При этом в обвинительном заключении значилась иная сумма — 150 рублей. Без тысячи.

Лейтенант ЛОВД по фамилии Бесталанцев, изучив справки бывших зеков об условно-досрочном освобождении, обрадовался, ибо нужные пункты к статье 161 УК РФ обозначились со всей определенностью: часть три, пункт «в» — грабеж, совершенный организованной группой лиц, ранее два или более раз судимых за хищение либо вымогательство. Лет на восемь придется ореликам забыть и привокзальную площадь, и вкус водки, и венки этот...

— Тыфу, бля, — выругался летеха. — Александров! Потерпевший!

В дверном проеме дежурки нарисовалась мордатая рожа мента, то бишь, мужественное лицо защитника отечества, сержанта Приходько.

— Так я ж это..., — пробубнил он, — того... Отпустил его...

— Ну и мудака! — резюмировал лейтенант. — К нему вопросы появились. Так что в колхоз «Тавричанка» за ответами сам, бля, поедешь.

Бесталанцев перечитал протокол допроса экономиста. С первого раза ни черта не понял. Кто кого бил? Сколько раз? Куда? Где в это время был венок? Тыфу, бля, с этим венком. Была ли куртка кожаная (одна штука)? И куда девалась? На чьи деньги пили? Сколько всего человек было? «Такое впечатление, — подумал летеха, — что идиот задавал вопросы, а кретин отвечал на них. При этом оба были пьяными до бесчувствия». Увидев свою подпись под протоколом, Бесталанцев вынужден был успокоиться. Ладно, сойдет. Судить хлопцев будут в родном Краснопузенском районе губернского города Н. Так что сойдет. Если нужно, там зададут вопросы и экономисту, и ранее судимым, и венку, и куртке...Кстати, а где куртка? Если ее сняли с идиота-экономиста, то где

она? Если ее продали, то где деньги? Если их пропили, то где показания на этот счет? Почему никто не вспомнил об этом? Хотя... Пацаны после зоны, им по 20 граммов достаточно, чтобы с роликов съехать. А, хрен с ними, зеками, куртками, венками... Пусть в суде разбираются. К Верке, бля, заскочить надо, про хмыря порасспросить ее...

Шаман и Шумахер следующий после освобождения день провели в ИВС — изоляторе временного содержания при здании губернского управления внутренних дел — мусарни, то есть. Вечером их закинули в карантинные камеры следственного изолятора — СИЗО. Затем развели по разным камерам-хатам, потому как отныне они считались подельниками.

Вы видели, как пьяные рабочие укладывают асфальт на задворках города? Когда моросит мелкий дождь, асфальт привезли холодный, мастера нет, каток сломан и не туда норовит съехать? Когда на отремонтированном участке непонятно откуда через час появляются рытвины, колдобины, ямины да ухабы?

Вот так шло следствие по обвинению граждан Сироткина О.В. и Кузнецова В.П. в совершении преступления, предусмотренного статьей 161 часть 3 пункт «в» УК РФ.

Бесталанцев, возбудив его в середине ноября, к середине декабря уже закончил. Он рассуждал так: с 25 декабря по 15 января продлится один сплошной выходной по случаю католического Рождества, плавно переходящего в Новый Год, в свою очередь перетекающий в Рождество православное и старый Новый Год. А надо еще, чтобы прокурор города успел утвердить обвинительное заключение.

...Прокурор города, раскрыв папку с делом, твердо намеревался хотя бы раз выкинуть во все и в пух и прах расчехловить очередного придурка-следователя, не умеющего составлять документы. Внезапно прокурора позвали к телефону.

— Ты, Виталий Петрович, вот что, — сказал ему заместитель прокурора губернии, — если стоишь, то присядь.

Городской присел.

— Пришла бумага, — продолжал губернский, — о срочной ликвидации городской прокуратуры. (Пауза). Так что... (Пауза). Ты что там, уснул? (Пауза. Тишина). Виталий... Вит...

— Я слушаю, слушаю..., — замогильным голосом не сразу откликнулось городское «око государевое».

— Ну вот. Будем вами укреплять районные прокуратуры.

Городской вернулся на свое место. Закрыв дело. Потом снова открыл, не читая, расписался под словом «утверждаю» и стремительно вышел из кабинета.

...Судья Краснопузенского района Купчихинская Леокадия Владимировна небрежно пролистнула дело по обвинению граждан Сироткина и Кузнецова. Ее взгляд зацепился лишь за два листочка. С пренебрежением и гадливостью, с какими обычно прикасаются к дохлым лягушкам, она просмотрела справки о судимостях новоиспеченных обвиняемых.

— Назначайте слушание на 18 января, — сказала она секретарше.

Шаман и Шумахер получили по восемь лет особого режима.

ПЛАТО РАЗДОРА

Валерий Бриних,

Майкоп

bolotnikov_di@mail.ru

Лагонакское нагорье представляет собой изолированную высокогорную известняковую область Западного Кавказа, которая большей частью расположена в административных границах Республики Адыгея и частично — на территории Краснодарского края (Лазаревский и Апшеронский районы).

Географически эта территория располагается в междуречье рек Белая и Пшеха, формируя систему хребтов и горных массивов общей площадью около 20 тысяч гектаров. Наивысшая точка Фишт-Оштенского горного массива — гора Фишт с вечными ледниками и снежниками. По сути, это — дно древнего океана с грандиозными подводными хребтами и коралловыми рифами, в незапамятные времена игрой сил природы вздыбленными на высоту две с лишним тысячи метров над уровнем моря.

Почти вековая история изучения Лагонакского нагорья не оставляет сомнений в том, что этот горный район является одним из наиболее важных центров видообразования на Большом Кавказе. На этой сравнительно небольшой по площади территории произрастает 765 видов только сосудистых растений, относящихся к 307 родам и 77 семействам.

Из них более 120 видов относятся к реликтовым и эндемичным, т.е. встречающимся только здесь. Это гораздо больше, чем в Саянах, Алтае, на Урале и в других высокогорных районах крупных горных систем Евразии. Многие из растительных сообществ имеют рекордно высокое видовое богатство: до 113 видов на 400 кв. метров. Животный мир несколько беднее, хотя и здесь можно наблюдать достаточно много редких видов.

Ждет своих исследователей уникальный подземный мир этого огромного карстового массива с его разветвленной и практически не изученной системой пещер.

Шагреновая кожа

Ценность Лагонакского нагорья для науки и сохранения природного наследия была учтена еще при формировании территории Кавказского зубрового заповедника в 20-е годы прошлого столетия. Декрет Совнаркома РСФСР, устанавливающий границы заповедника, и Постановление Совнаркома РСФСР № 439, уточняющее эти границы, однозначно включили всю территорию Лагонакского нагорья с прилегающими лесными участками в состав заповедных земель.

В таком виде границы сохранялись до злополучного 1951 года, когда систему заповедников Советского Союза накрыла первая волна погромов. Кавказский заповедник выстоял, хотя и потерял 2/3 своей площади, в том числе всё Лагонакское нагорье с Фишт-Оштенским горным массивом.

Высокогорные пастбища были отданы под выпас скота местных хозяйств, а высокопродуктивные леса — под вырубку. Изъятие же из состава заповедника Фишт-Оштенского массива даже с хозяйственной точки зрения было ничем не обоснованным и, по сути, бессмысленным решением тогдашнего руководства страны. При некотором восстановлении площади Кавказского заповедника во второй половине 50-х годов (было возвращено около 150 тыс. га) вопрос о возвращении в состав заповедной

территории Лагонакского нагорья так и не был решен.

Для Лагонак начался долгий период бессистемной эксплуатации пастбищ и неконтролируемых рекреационных нагрузок. Практически, выведя эту ценную территорию из-под управления заповедника, местные власти не решились вопроса с ее закреплением за новыми хозяевами, оставив в государственном земельном запасе, т.е. в общем пользовании.

Ни Министерство сельского хозяйства, ни природоохранные органы того времени не обладали реальными рычагами контроля за использованием и охраной высокогорных пастбищ Лагонакского нагорья. И это привело за 30-летний период эксплуатации к их деградации и резкому снижению продуктивности в 6 раз.

За всё время эксплуатации субальпийских и альпийских лугов Лагонак в их улучшение местными хозяйствами не было вложено ни единого рубля. В итоге к 90-м годам пастбища Лагонакского нагорья потеряли свою значимость и перспективу дальнейшей эксплуатации. Дошло до того, что в апреле 1990 года в целях сохранения и улучшения состояния высокогорных пастбищ Совет народных депутатов Адыгейской автономной области принял решение о запрещении выпаса скота на плато Лагонаки сроком на 3 года.

В 1992 году Совет государственной экологической экспертизы вынес решение о запрете выпаса скота на территории Лагонакского нагорья сроком на 10 лет, ограничив выпасаемое поголовье 5-6 тысячами голов овец.

Вернуть статус!

В этот период снова был поднят вопрос о придании территории Лагонак официального природоохранного статуса. На волне роста национального самосознания (Адыгейская автономная область в начале 90-х годов была преобразована в Республику Адыгея) вначале было решено создать Адыгейский национальный парк. Но расчеты многомиллиардных затрат на его создание в сочетании с ростом инфляции и упадком в сфере туризма в то время заставили забыть об этой популистской идее. И вынести на обсуждение более реальный вопрос о передаче всех этих высокогорных территорий вновь в ведение Кавказского государственного заповедника со статусом биосферного полигона, т.е. с правом регулируемого выпаса скота и ведения рекреационной деятельности.

Такие решения были вынесены в 1990 году (решение исполкома Совета народных депутатов ААО от 26.01.1990 г. № 20 «О передаче Кавказскому государственному биосферному заповеднику Фишт-Оштенского массива и хребта Джигурсан») и в 1992 году (постановление Правительства РА от 13.08.1992 г. № 234 «О передаче Кавказскому государственному биосферному заповеднику высокогорного пастбища Лагонаки»). Всего в состав заповедника этими решениями было возвращено более 16 тысяч гектаров высокогорных территорий. До уточнения границ передаваемой территории и утверждения землеустроительного дела Кавказскому заповеднику в 1993 году местным земельным комитетом было выдано свидетельство на право бессрочного (постоянного) пользования землей, которое является временным документом до выдачи государственного акта. Из-за неурегулирования

некоторых вопросов по отдельным спорным земельным участкам (не по вине заповедника) государственный акт в отношении переданных заповеднику в начале 90-х годов территорий не выдан до сих пор.

Лишить статуса!

Спустя 10 лет, начиная с 2000 года, начались попытки снова изъять Лагонакское нагорье из состава Кавказского заповедника. Основной причиной стало то, что режим

На снимке: Валерий Бриник

строго охраняемой природной территории не позволял все больше и больше наращивать объемы эксплуатации природных ресурсов данного района. А руководство Республики Адыгея, получив политические дивиденды в результате создания «зеленого» имиджа на общероссийском и международном уровне, перестало интересоваться природоохранным аспектом сохранения Лагонакского нагорья, видя в нем лишь привлекательный инвестиционный объект.

При этом был реанимирован одиозный проект строительства через плато автодороги Майкоп-Дагомыс, а также развития там горнолыжного курорта в противовес планируемому аналогичному курорту на Красной Поляне.

К счастью, целостность самого земельного участка Лагонакского нагорья и заповедный режим тогда удалось отстоять. Арбитражный процесс, инициированный местной районной администрацией и длившийся почти весь 2001 год, закончился полной победой Кавказского заповедника в отстаивании своих прав на этот участок.

Экологи надеялись, что после завершения судебных разбирательств, а также в связи с приходом нового руководства Адыгеи в 2002 году никаких проблем с Лагонаками больше не возникнет.

Однако дальнейшее развитие событий показало не только отсутствие даже признаков правовой культуры у местных органов власти, но и игнорирование основ правового государства на самом высоком региональном уровне — президентом Республики Адыгея и подведомственным ему Кабинетом министров.

Выяснилось, что с 13 августа 2001 года на территории Адыгеи действует постановление Кабинета министров

РА № 271, отменяющее решения исполкома Совета народных депутатов ААО 1990 года и постановление Правительства РА 1992 года, закрепляющие за Кавказским заповедником Лагонаки и некоторые другие территории. Все бы ничего, да вот только судебное решение (от 6 августа 2001 г.), послужившее основой для вынесения Кабинетом министров РА постановления № 271, было обжаловано в установленном порядке и отменено Северо-Кавказским окружным арбитражным судом еще в декабре 2001 года. Т.е. Кабинет министров РА принял постановление на основании решения суда, не вступившего в законную силу. А затем, после отмены судебного решения, не аннулировал постановление № 271 в установленном порядке. Это постановление, благодаря твердой позиции прокуратуры РА, утратило силу лишь 3 декабря 2003 года на основании решения Арбитражного суда РА. Это решение частично удовлетворило иск прокуратуры РА к Кабинету министров РА и Управлению природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР РФ по РА по их бездействию в области соблюдения природоохранного законодательства.

Видимо, заинтересованность властей Адыгеи в хоть каком-то документальном подтверждении своих прав на Лагонакское нагорье очень велика. Поэтому была предпринята попытка административным путем преодолеть невыгодное Кабинету министров РА судебное решение. 8 декабря 2003 года увидело свет постановление Кабинета министров РА № 343, снова признающее утратившими силу прежние решения органов исполнительной власти Адыгеи по передаче заповеднику Лагонакского нагорья, Фишт-Оштенского горного массива и хребта Джигурсан.

При этом действия администрации Кавказского заповедника оказались парализованными из-за весьма своеобразной позиции Министерства природных ресурсов Российской Федерации, являющегося его вышестоящей организацией. Усиленные консультации Министра природных ресурсов РФ В.Артюхова с президентом Республики Адыгея Х.Совменом не прошли даром. Два олигарха-чиновника нашли общий язык (ворон ворону глаз не выклюет). И помогал им в этом руководитель Управления природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по РА Г.Козменко.

Ходят слухи, что заинтересованность в понижении природоохранного статуса плато проявили и московские власти. Плато ведь можно приспособить под горнолыжный курорт. Недаром мэр Москвы был другом как прежнего, так и нынешнего Президента Адыгеи. Кавказскому заповеднику и Управлению природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по РА были направлены директивные письма за подписью заместителя Министра природных ресурсов РА, в которых предписывалось в краткие сроки поделить Лагонакское нагорье, оставив что-нибудь заповеднику, а остальное отдать в распоряжение властей Адыгеи. При этом признавался, но явно игнорировался факт отнесения данной территории к федеральной собственности. Из-за вынужденной пассивности нынешней администрации Кавказского заповедника на защиту заповедной территории были вынуждены стать экологи-общественники.

Судебные баталии

Оказалось, что в Адыгее, как, впрочем, и на Кубани в целом, по-настоящему независимых и не боящихся охранять природу и отстаивать права граждан на благоприятную окружающую среду неправительственных экологических организаций не так уж и много. Пока что нашлось всего две — Социально-эколо-

На снимке: Плато Лагонаки весной

гический Союз по Западному Кавказу (А.Рудобаха и Д.Болотников) и Майкопская городская организация Всероссийского общества охраны природы (Л.Жирикова и Т.Лысенко).

В декабре прошлого года после консультаций с руководством этих общественных объединений было принято решение отказаться от митингов и пикетов как менее эффективной в современных условиях формы природоохранной деятельности. Во-первых, это не дало бы никакого оперативного результата по отмене постановления Кабинета министров РА от 08.12.2003 г. № 343. Во-вторых, очень вероятно была возможность провокации со стороны местных властей с обвинением экологов в экстремизме и попытке дестабилизировать обстановку в республике в преддверии президентских выборов.

Ведь относительно недавно, 28 мая минувшего года, Президент Адыгеи Х.Совмен на встрече с депутатами республиканского парламента заявил буквально следующее: «Экологическое движение не имеет права жить в республике... В республике должно быть одно движение. Как культурно, экономически, социально развивать. Вот это движение должно быть». Как говорится, без комментариев.

Поэтому решено было отстаивать свои права в судебных инстанциях, при этом параллельно в двух — общей

юрисдикции и в арбитражном суде. В суд общей юрисдикции я лично стал готовить жалобу в защиту своих прав на благоприятную окружающую среду и ее защиту от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности. В арбитражном процессе истцом должна была выступать Майкопская городская организация ВООП со мною в качестве ее представителя. Социально-экологический Союз по Западному Кавказу взялся обеспечить информационную поддержку всей кампании.

19 декабря 2003 года в Майкопский городской суд была направлена жалоба на действия (решение) Кабинета министров РА, нарушающее мои права как гражданина в соответствии со ст. 42 Конституции РФ, а также частью первой ст. 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды».

Основным требованием было признать полностью незаконным постановление Кабинета министров Республики Адыгея от 08.12.2003 г. № 343 «О мерах по созданию на территории Республики Адыгея природного парка».

Свое требование я основывал на том, что юридические последствия выполнения данного оспариваемого постановления в виде фактического понижения природоохранного статуса и уровня подчиненности территории создают реальную угрозу интенсивного хо-

зайственного использования земель всего в целом Лаго-накского нагорья. А следовательно, угрозу неизбежного существенного ухудшения состояния окружающей среды по сравнению с нынешним положением. Что прямо и косвенно отразится на качестве жизни жителей горной и предгорной части Республики Адыгея, включая жителей Майкопа и прилегающих населенных пунктов. В том числе и на качестве моей жизни.

При этом указывалось на незаконность подготовки и принятия самого постановления, нарушающего правовые нормы международного, федерального и регионального уровня.

Тихая паника. Сговор

У судьи городского суда моя жалоба вызвала тихую панику. Отказать в приеме у него не было оснований, а ее рассмотрение, с его же слов, было чревато неприятностями лично для него самого при любом решении суда.

Поэтому 5 февраля 2004 года он направил все материалы по делу в Верховный суд РА по подсудности, истолковав обжалуемое постановление как нормативный правовой акт, что было неверно и во многом предопределило в дальнейшем ход судебного процесса. Так как, согласно ГПК РФ, споры по подсудности между судами не допускаются, Верховный суд РА был вынужден принять дело к своему производству.

На самом деле, по моему предположению, произошел сговор между исполнительной и судебной властью по затягиванию начала судебного разбирательства, так как в это время уже начался арбитражный процесс по тому же предмету спора. Кстати говоря, представители Кабинета министров РА в Майкопский городской суд так и не явились, видимо, посчитав это не барским делом.

Заседание Верховного суда РА в первой инстанции состоялось 18 февраля и напоминало, благодаря действиям судьи В.Митусова, «купленный» футбольный матч.

За первый час заседания заявитель, то есть я лично, получил два замечания, якобы, за пререкания с судьей. На самом деле, я всего лишь попытался обосновать свое ходатайство о приобщении к материалам дела двух дополнительных документов, обосновывающих законность моих требований. Представители заинтересованных лиц (Кабинет министров РА и Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по РА) возразили против этого, и судья счел необходимым поддержать их, отказав мне в удовлетворении ходатайства.

Показательно, что при этом его совершенно не беспокоило отсутствие в деле какого-либо документального обоснования позиции Кабинета министров РА, что требовалось по закону.

Зато он со спокойной совестью приобщил к материалам дела отзыв Управления природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по РА, содержащего аргументацию и документальные доказательства деятельности Управления в области организации и функционирования памятников природы на территории Адыгеи, что совершенно не соответствовало содержанию моей жалобы.

Как оказалось, представитель Управления, занимающий должность начальника юридического отдела, просто-напросто перепутал два различных дела и предоставил в суд материалы, имеющие отношение к иску прокуратуры РА о бездействии Кабинета министров РА и самого Управления в области соблюдения природоохранного законодательства. Судья тоже проглядел эту ошибку.

Спектакль. Действие I

Скорее всего, рассмотрение дела по существу заведомо не предусматривалось как самим судьей, так и заинтересованными лицами. Выступления в суде их представителей превратились в набор ничем не обоснованных обвинений и клеветнических заявлений в адрес Кавказского заповедника, а свою позицию по отношению к моей жалобе они даже не пытались хоть как-то аргументировать. Если, конечно, не считать аргументами голословных утверждений о том, что Кабинет министров РА как высший орган исполнительной власти на территории республики может все, в том числе и распоряжаться федеральной госсобственностью.

Представитель Управления З.Барчо, бывший в свое время заместителем прокурора РА, даже заявил во всеуслышание, что ему наплевать на статус Всемирного природного наследия, которым обладает Кавказский заповедник и оспариваемый участок его территории, и что, мол, никакие иностранцы властям Адыгеи не указ! Это потревожило даже судью, который, тем не менее, не стал объявлять ему замечания, а лишь мягко укорил, напомнив, что своим заявлением З.Барчо противоречит Конституции Российской Федерации.

Беспрецедентное давление на меня как заявителя жалобы и поток лжи и клеветы со стороны заинтересованных лиц спровоцировали возмущение присутствующих в зале в качестве наблюдателей представителей общественных объединений, один из которых получил от судьи замечание и сам добровольно покинул зал, а вторая была удалена из зала решением судьи. Интересно, что немотивированно жесткая позиция судьи В.Митусова в отношении заявителя жалобы не нашла отражения в протоколе судебного заседания, где отсутствует упоминание о сделанных мне судьей замечаниях.

Представленная мною аргументация не позволила судье просто отказать в удовлетворении жалобы и признать постановление Кабинета министров РА от 8 декабря 2003 года № 343 законным. Скорее всего, В.Митусова обескуражила и откровенная слабость подготовки к процессу представителей заинтересованных лиц, которые не смогли аргументировано ответить практически ни на один мой вопрос. Судье даже пришлось выручать одного из них, сказав мне, что отказ отвечать на вопрос является правом стороны в судебном споре и что никто, даже он сам, не может заставить человека давать ответ. Я не стал даже оспаривать это утверждение судьи, опасаясь получить еще одно замечание.

Не закончив выслушивать выступления сторон в судебных прениях, судья прервал ход судебного заседания, объявив перерыв до пятницы, 20 февраля. Видимо, за это время он хотел более обстоятельно обдумать, как не дать хода моей жалобе.

Спектакль. Действие II

20 февраля в пятницу судебное разбирательство было продолжено. Как и следовало ожидать, вопрос был уже предreshен. Ни выступление еще одного из заинтересованных лиц, ни заключительное выступление прокурора уже не имели значения. Заседание началось в начале девятого утра, а уже через минут сорок судья удалился в совещательную комнату. При этом он так торопился, что даже не предоставил времени на реплики, нарушив требования ч. 4 ст. 190 ГПК РФ. Позже выяснилось, что в 9 часов утра в Верховном суде РА была назначена коллегия, куда и спешил наш судья, даже ценой процедурных на-

рушений и поправки истины.

Через несколько минут после удаления в совещательную комнату судья вернулся с полным текстом решения по делу (написанным явно заранее) в форме определения суда. Суд прекратил производство по делу по основаниям, указанным в части 1 ст. 220 (в жалобе, поданной от своего имени, оспаривается акт, который не затрагивает права, свободы и законные интересы заявителя). На мой взгляд, это решение судьи было принято по причине того, что он не ожидал, что я поставлю вопрос о статусе федеральной собственности оспариваемого земельного участка Лаго-накского нагорья и стану документально обосновывать этот тезис как одно из основных доказательств превышения Кабинетом министров РА своей компетенции. Судья просто не рискнул рассматривать дело по существу. Судьба процесса в 1-й инстанции была решена не в зале суда, а в кабинетах Дома правосудия Республики Адыгеи. В очередной раз возобладало не правосудие, а телефонное право.

Надо отдать ему должное, судья выбрал оптимальный для себя и правосудия вариант, не взирая, видимо, на огромное давление в пользу отказа в удовлетворении жалобы. Ведь, по сути, в отношении самого обжалуемого постановления КМ РА от 8.12.2003 г. № 343 он свою позицию не определил. Не захотел подставляться ни одной из сторон. Если бы он отказал в удовлетворении жалобы, признав постановление законным, он пошел бы явно против фактов и обстоятельств, выясненных в суде. Если бы он удовлетворил мою жалобу, то тем самым попал бы в опалу, вызвав недовольство руководителей Республики Адыгея.

Таким образом, решение принято. В течение 10 дней была подготовлена и направлена в Верховный суд Российской Федерации кассационная жалоба. Если и там справедливость не восторжествует, еще есть Уполномоченный по правам человека и Европейский суд по правам человека. Я лично намерен довести дело до логического завершения. Ведь вопрос касается не только поправки моих прав на благоприятную окружающую среду. Я вообще рассматриваю данное дело с точки зрения возможности участия отдельных граждан в решении вопросов охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, опираясь на те экологические права, которые, к сожалению, пока всего лишь продекларированы в Конституции Российской Федерации и федеральных законах. Надеюсь, что положительное решение судебных инстанций по моей жалобе ускорит запуск механизма реальной защиты экологических прав человека и гражданина в России, будет способствовать ее преобразованию в правовое государство и подлинно гражданское общество.

Словоблудие вместо закона

Определение по моей жалобе, прекратившее производство по делу, подняло еще одну проблему, которая давно обсуждается специалистами, но не нашла, к сожалению, отражения в ГПК РФ. Речь идет о том, что очень сложно доказать в судебном разбирательстве нарушение своих прав и свобод в результате издания того или иного акта государственных органов, когда по факту на практике ничего еще не сделано. Есть намерение органов власти, есть документ, последствия вступления в силу которого в дальнейшем приведут к негативному воздействию на природу и действительному нарушению прав гражданина на благоприятную окружающую среду. Но ведь это будет потом, а жалоба подается сейчас!

В ст. 255 ГПК РФ есть основание для оспаривания ре-

шений органов государственной власти: «созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод», которое можно применять на суде в аргументации при доказывании факта угрозы нарушения прав и свобод. Но это ведь все, по большому счету, словоблудие! Создание препятствий к осуществлению прав гражданина на благоприятную окружающую среду и возникновение угрозы нарушения таких прав как основания для жалобы существенно различаются и требуют несколько иной аргументации. Ведь формулировка «созданы препятствия» говорит о наличии каких-либо действий и, собственно говоря, уже свидетельствует о нарушении прав и свобод. В то же время угроза нарушения прав и свобод лишь предполагается и может наступить в равной степени как от действий, так и бездействий властей. Также есть несостыковки в текстах части 1 ст. 254, указывающей лишь на нарушение прав и свобод гражданина, и ст. 255 ГПК РФ, которая имеет расширенный перечень оснований для оспаривания решений и действий (бездействий) властей.

Поэтому, в первую очередь, необходимо добиваться, чтобы в ст. 255 ГПК РФ были внесены изменения и дополнения, т.е. отредактировано первое и главное основание для оспаривания решений и действий органов государственной власти и прочих органов в следующем виде: «нарушены права и свободы человека и гражданина или создана угроза нарушения прав и свобод» (выделенный текст в настоящее время отсутствует). Наличие такой формулировки позволит заявителю жаловаться в полной мере основывать свои претензии к решению властей на одном из основных принципов охраны окружающей среды, указанном в ФЗ «Об охране окружающей среды», а именно на презумпции экологической опасности любой планируемой хозяйственной и иной деятельности. Именно в данной связке положений ГПК РФ и ФЗ «Об охране окружающей среды» можно будет говорить о реальной возможности предупреждения негативного воздействия на окружающую среду и реальном участии отдельных граждан в этом процессе.

Пока же мы, к сожалению, в основном можем рассчитывать на превентивную защиту своих экологических прав, лишь надеясь на прокуратуру или добросовестность чиновников природоохранных ведомств. Самостоятельно защищаться от планируемой хозяйственной и иной деятельности, которая может в будущем вызвать негативные последствия для природы, здоровья и жизни населения, граждане в настоящее время могут лишь в отдельных случаях, когда власти явно подставляются в своих решениях или действиях. Пока в формулировках ГПК РФ не будет слова «угроза», судьи будут игнорировать экологические права населения в угоду властям, защищая их незаконные решения и действия прекращением производства по делу из-за якобы недоказанности нарушения прав и свобод конкретного человека.

13 января 2004 года в Арбитражный суд Республики Адыгея Майкопской городской организацией ВООП было подано исковое заявление к Кабинету министров РА в защиту прав Кавказского заповедника на земельный участок с требованием признать недействительным и не имеющим правовых последствий постановление Кабинета министров РА от 8 декабря 2003 года № 343. По ходатайству истца, к моему глубокому удивлению, арбитражный суд принял меры по обеспечению иска, выдачей исполнительного листа приостановив действие оспариваемого постановления Кабинета министров РА до вступления решения суда в законную силу. Судебное заседание первой инстанции назначено на 15 марта.

АТОМНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СЕГОДНЯ

Елена Кузнецова,
кандидат технических наук
Москва

В большинстве зарубежных стран законодательное регулирование в области использования атомной энергии намного опередило начало ее широкого применения.

В России же очень долгое время не было законов, устанавливающих правовую основу и принципы безопасности при использовании атомной энергии, защищающих жизнь, здоровье, имущество граждан и окружающую среду от возможных негативных ее

воздействий. Не были закреплены в законодательном порядке права предприятий и граждан в отношении их деятельности, связанной с использованием атомной энергии, законодательно не были оформлены обязанности эксплуатирующей организации, не определены права и ответственность имеющих отношение к использованию атомной энергии министерств, ведомств, организаций и должностных лиц.

С момента своего возникновения атомная отрасль в нашей стране находилась на особом режиме: она создавалась, прежде всего, в военных целях и формировалась в виде закрытой структуры. Отсутствие законодательного регулирования общественных отношений, возникающих в области использования атомной энергии, было последствием тотальной секретности и прошлого правового нигилизма, что усугубляло многочисленные проблемы, связанные с использованием атомной энергии.

Существовавшая в стране система нормативной документации, являвшаяся основным источником права в области использования атомной энергии, была ориентирована на решение конкретных санитарно-гигиенических и технических проблем. В то же время она не в полной мере определяла правовой статус всех участников отношений, связанных с использованием атомной энергии. Недостаточное внимание к мерам безопасности, игнорирование интересов населения, отсутствие гласности и все другие факторы, напрямую связанные с отсутствием законодательного регулирования, привели, в частности, к увеличению числа тяжелых последствий «атомных аварий» и, в первую очередь, Чернобыльской катастрофы.

Отсутствие соответствующей законодательной базы долгое время вызывало беспокойство не только у населения нашей страны, в том числе и у самих работников атомной отрасли, права которых также не были защищены, но и у международного сообщества. Возникали трудности в осуществлении ядерного экспорта-импорта

и других направлений ядерного сотрудничества. Постепенное вхождение России в Европейское сообщество, подписание в 1994 году Конвенции о ядерной безопасности, решение вопроса о присоединении к действующим международно-правовым нормам в области использования атомной энергии, в том числе в области гражданско-правовой ответственности за ядерный ущерб, еще в большей степени актуализировали вопрос о необходимости развития национального атомного законодательства.

До 1995 года деятельность в области использования атомной энергии законодательно вообще никак не регламентировалась. Да и на сегодняшний день в этой области действует не так уж много законодательных актов.

Первым Государственной Думой был принят Федеральный Закон «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 года №170-ФЗ.

Закон определил правовую основу и общие принципы регулирования отношений, возникающих при использовании атомной энергии в мирных и оборонных целях (за исключением деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, испытанием, эксплуатацией и утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения).

Принятие закона явилось реальным шагом в содействии безопасному развитию как атомной энергетики, так и других направлений использования атомной энергии в России.

Закон был разработан на основе следующих принципов регулирования отношений, возникающих при использовании атомной энергии:

- В стране должен функционировать единый для всех областей использования атомной энергии закон, который при необходимости может быть дополнен другими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Закон предусматривает, что деятельность, связанная с разработкой, изготовлением, испытанием, эксплуатацией и утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, осуществляется на основании иных федеральных законов. Использование атомной энергии для других нужд обороны должно регулироваться настоящим Федеральным законом;

- В законе должны быть предусмотрены меры социальной защиты населения, проживающего в районах расположения объектов использования атомной энергии, отражены права работников этих объектов, установлены права субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при обсуждении и решении вопросов использования атомной энергии;

- Законодательное регулирование отношений при использовании атомной энергии должно распространяться на все этапы жизненного цикла ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения — от стадии их размещения, проектирования, сооружения, эксплуатации и вывода из эксплуатации до захоронения

радиоактивных отходов;

- Должна быть обеспечена безопасность при использовании атомной энергии и осуществлены государственный контроль и надзор за обеспечением этой безопасности;
- Закон призван обеспечить неуклонное выполнение Россией международных договоров в области использования атомной энергии, ядерной и радиационной безопасности, нераспространения ядерного оружия;
- Положения закона должны предусматривать, что ядерная и радиационная безопасность будет находиться на уровне не ниже требований, установленных Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), Международной комиссией по радиационной защите (МКРЗ) и другими международными организациями, в деятельности которых участвует Россия.

Основой закрепленного Законом правового режима использования атомной энергии определен принцип обеспечения приоритета безопасности, в соответствии с которым обеспечение безопасности в области использования атомной энергии должно осуществляться опережающими темпами по отношению к расширению использования атомной энергии. Приоритет безопасности означает формирование у всех лиц и организаций, участвующих в процессе использования атомной энергии, общей психологической направленности на безопасность — «культуры безопасности».

Основными участниками процесса регулирования в области использования атомной энергии в соответствии с законом «Об использовании атомной энергии» являются президент и Правительство Российской Федерации, органы государственной власти и местного самоуправления субъектов Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие управление и регулирование безопасности при использовании атомной энергии, а также организации, общественные объединения и отдельные граждане.

Закон определяет права и обязанности каждого из участников, в том числе — эксплуатирующих организаций.

В общем виде законом определены подходы к подтверждению соответствия продукции, имеющей обращение в области использования атомной энергии, обеспечению гарантий организаций атомной отрасли в отношении своих сотрудников и третьих лиц.

За законом «Об использовании атомной энергии» последовали Федеральный Закон «О радиационной безопасности населения» от 9 января 1996 года №3-ФЗ, Федеральный Закон «О финансировании особо радиационно-опасных и ядерно-опасных производств и объектов» от 3 апреля 1996 года №29-ФЗ и Федеральный закон «Об административной ответственности организаций за нарушение законодательства в области использования атомной энергии» от 12 мая 2000 года №68-ФЗ.

На этом перечень действующих специальных законодательных актов и завершается.

Некоторые вопросы развития атомной энергетики и промышленности нашли свое отражение в законах «Об охране природной окружающей среды», «О пожарной безопасности», «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», «О защите государственной тайны» и других законах, носящих общеправовой характер.

Особое место в перечисленном выше ряду общеправовых законов принадлежит Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. №184-ФЗ «О техническом регулирова-

нии». Значимость этого закона определяется тем, что он в корне меняет подходы к вопросам «принятия, применения и исполнения обязательных требований и добровольных правил, общих принципов, характеристик продукции, процессов (методов) производства, эксплуатации и утилизации, работ и услуг, оценки соответствия продукции, ответственности участников» указанных отношений. По иному определяет закон и функции федеральных органов исполнительной власти при государственном регулировании национального рынка продукции и услуг, ограничив их надзором и контролем в области обеспечения безопасности (полностью передав регулирование потребительских свойств на рынке независимым негосударственным структурам). В этой связи должна измениться и политика организации надзорной деятельности.

Напрямую все эти нововведения касаются и области использования атомной энергии, в том числе технической политики Минатома России и работы Госатомнадзора России (и других государственных органов исполнительной власти, осуществляющих государственное управление и регулирование безопасности в области использования атомной энергии).

В условиях меняющихся реалий процедуры подтверждения соответствия приобретают все более значимую роль. При этом они являются, особенно для таких опасных промышленных отраслей, как атомная, действенными механизмами поддержания на достигнутом уровне (а нередко — повышения) общего уровня безопасности этих отраслей.

Но, несмотря на то, что, на первый взгляд, для одной конкретно взятой отрасли законов, вроде бы, и не мало, практика показывает, что их явно недостаточно.

В развитие существующих законов или с целью компенсации отсутствия таковых принят целый ряд Указов президента и Постановлений Правительства Российской Федерации, разработаны и внедряются в жизнь Федеральные целевые программы.

Однако в целом законодательство в области использования атомной энергии недопустимо отстает от насущных потребностей и проблем сегодняшнего дня:

- 21 июля 1995 года был принят Государственной Думой и 27 декабря того же года отклонен президентом Российской Федерации Федеральный Закон «О государственной политике в области обращения с радиоактивными отходами».

- Непростительно затянуто окончательное согласование и таких важных законопроектов, как проект Федерального Закона «О внесении изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и в Уголовный кодекс Российской Федерации в части использования атомной энергии», проект Федерального Закона «О создании, эксплуатации, ликвидации и обеспечении безопасности ядерного оружия».

- До сих пор не решен вопрос о принятии Закона «О гражданской ответственности за причинение ядерного вреда и ее финансовом обеспечении».

Как считают эксперты, закон о ядерном страховании позволил бы в значительной мере отрегулировать те вопросы, которые в настоящее время препятствуют развитию данного вида бизнеса.

(окончание читайте в № 15)

БОСЫМИ ГЛАЗАМИ

Елена Рябинина
Москва
asobolev@online.ru

Люблю жаргон. Что может быть точнее выражения «разуй глаза»? И что может быть интереснее, чем смотреть вокруг себя таким вот, «босым», взглядом? Кто не пробовал — настоятельно рекомендую. Свежесть впечатлений «фирма гарантирует». Предостережение: начинающим «босьякам», привыкшим к розовым очкам, во избежание мозолей на сетчатке лучше разуваться постепенно. Желаящим сохранить веру в Великую Державу разуваться вообще не стоит. И так, приглашаю в босое путешествие по объективной реальности, данной нам в разных ощущениях. В занятый, однако, пейзаж складывается этот пазл...

ЧАСТЬ 1. ТА САМАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Оптом мы дешевле

Взрыв в метро. Снова погибли люди. Многие искалечены. Траур в одних семьях, инвалидные коляски навсегда — в других. «Не все останки жертв теракта, обнаруженные на месте происшествия, идентифицированы, поэтому число погибших может увеличиться, но несущественно», — отметил источник в окружении мэра столицы. «Существенно» — это, из мэрии глядя, сколько? И совпадают ли такие единицы измерения с мнением родных *каждого* из погибших? В том, что любимая власть считает нас не «на штуки», я и не сомневалась. Но чтобы так вот откровенно?..

Аллаху — аллахово, гебухе — гебухово

Из СМИ: «Правоохранительные органы в ходе проверки мусульманских религиозных учреждений задержали идеологов терроризма», — сообщил начальник Главного управления обеспечения общественного порядка МВД России. И пояснил: «В одной из мечетей задержаны лица, причастные не непосредственно к терактам, но к соответствующему идеологическому настрою». Что там предусматривает УК за «идеологический настрой»? В случае отсутствия соответствующей статьи, может, воспользоваться нормой за «заведомо ложные измышления, порочащие советский строй»? Дешево, сердито, отработано до мелочей. И почти в рифму.

Зимой фашизм не пройдет!

Городские власти запретили националистический митинг в связи с необходимостью очистки заявленной территории от снега. Ну что ж, есть маленький шанс, что осенью фашистам помешает листопад. В июне надежда разве что на тополиный пух. А вот что делать людям с неславянской внешностью в апреле-мае? С июля по сентябрь тоже, пожалуй, лучше посидеть дома у

телевизора — в такое время года против нацизма природа и мэрия бессильны. Не говоря уже об Уголовном кодексе. А если бы мы жили в средиземноморском климате?

ЧАСТЬ 2. РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ (ГОРИЗОНТАЛЬ)

Герои нашего времени

Этот митинг предполагался под лозунгом: «Очистить город от чеченских бандитов». Что бандиты чеченские — так сам президент сказал. Ему с вертикали виднее. Ну, и заодно юные защитники отечества собирались выразить дружеские чувства ко всем вообще выходцам с югов. Милиция задержала пару десятков патриотов в возрасте 15-20 лет. После проверки на возможную причастность к преступлениям все они были отпущены.

Да, в жизни всегда есть место подвигу. Особенно в молодости. Как это красиво и благородно: презрев запрет, выйти прогуляться *около площади*. А коли суждено пострадать за отчизну и попасть в ментовку, сможешь гордо бросить в лицо жандармам: шел в туалет! По свидетельству очевидца — это самый распространенный ответ задержанных.

Джюльетта по-воронежски

Девочке мешали родители. Так и лезли в личную жизнь. Девочка нашла выход из положения. Кто ж не помнит тайную мысль обиженных детей: вот назло всем умру и посмотрю, как вы будете плакать на моих похоронах! А чтоб жалче было, хорошо бы стать жертвой. Девочке повезло: как раз в это время местные скины «очистили» город от чернокожего мальчика. Сюжетик наклонился — будь здоров: злые соплеменники мстят за убитого, на невинную девочку падает «бремя белых». Дальше по сценарию: бурлит взбуродоруженный народ, отцы семейств самоотверженно становятся на защиту своих белокурых чад и изгоняют из города кровожадное «цветное» студенчество. Девочка кладет в сумочку между помадой и проездным кухонный ножик и в тихой подворотне аккуратно втыкает его в свой нежный животик. Дело сделано: камера, мотор — снято!

Ошибочка вышла — дуреха и не подозревала, что где-то в области желудка у нее прячется никак до сих пор не проявленная совесть. Кровопускание ли сработало, или побочный эффект операционного наркоза сказался — но девочка проболталась, что никаких черных мстителей не было и в помине. А ведь так все здорово складывалось...

Дяденьки и тетеньки, учителя и политики, патриоты и патриотки! Забывая расизмом подростковые головы, не забудьте: нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Смесь вашей глупости и подлости опасна для физического и психического здоровья ваших же детей!

ЧАСТЬ 3. ТРЕНИЕ НА СТЫКАХ

Стук распространяется быстрее звука

Жила-была женщина. Потеряв все, кроме детей, бежала с ними от войны. Стала в очередь на жилье в местной миграционной службе — той самой, где так любят говорить: «Нельзя лишать людей надежды». Пока скиталась по чужим домам, заболела туберкулезом. Вылечилась, устроилась на работу и продолжала ждать. Долгожданный час настал — ее вызвали и предложили субсидию на

приобретение жилья. В пересчете на уровень цен должно было хватить на 3 квадратных метра — как раз по одному на члена семьи. Трудно понять, что ее там не устроило, но она обиделась и пошла жаловаться правозащитникам. Крохоборка этакая.

Миграционная служба — тоже женского рода, поэтому тоже обиделась. И тоже пожаловалась — начальству учреждения, где работала беженка. Это ведь так просто — позвонить и, представившись безымянным доброжелателем из ГУВД, сказать: у вашей сотрудницы открытая форма туберкулеза. Пустячок, а приятно: и клевету хрен докажешь (анонимка!), и жалобщица уволена. И, опять же, больше она в миграционку — ни ногой.

Нельзя, что ни говорите, лишать человека надежды.

Суд идет (драматическое представление в 3 картинах с прологом и эпилогом)

Пролог. Низзя! В зал заседания не пускают лишних. Лишние — это пресса и те, кому просто интересно. Судопроизводство-то у нас, вроде, открытое и гласное. Но конституция — конституцией, а выучка — выучкой, и судебный пристав издает рефлекторное «низзя!». Когда выясняется, что можно, так и хочется угостить его «Сникерсом», чтобы не заплакал от обиды.

Картина первая. Явление Фемиды. Я бы даже сказала — Фемиды Сидоровны. Окинув владения царственным взором, она вопрошает:

— А чё это все сидят? Вроде, Суд идет...

Получив освященную традициями дань уважения, Сидоровна начинает вершить:

— У сторон (надеюсь) нет возражений против состава суда?

«Надеюсь» не произнесено, но хорошо слышно.

Чтобы не поразить присутствующих взглядом Медузы Горгоны, Фемида говорит, глядя в окно, а слушает, возведя очи горе. Последний раз подобную недосыгаемость я видела на одесском «Приводе»: «синенькие» были так хороши, что торговка стояла вся гордая и к покупателям презрительная — куда ж они денутся от такой красоты?!

Картина вторая. Изумление Фемиды. Защитник подсудимого просит об отводе судьи, которая задала противоречащий закону вопрос. Сидоровна поражена — взгляд мадам Стороженко из катаевского «Белеет парус»: это что — бички? Это ж воши!!! Вслух:

— Суд удаляется на совещание.

А-а, вот, значит, почему в судах так часто запрещают видеосъемку... Какой там Чаплин, какая Вера Холодная?! Это немое кино собрало бы всех «Оскар», разорив и Голливуд, и Туркменфильм. Сидоровна не вылезала бы с фестивалей, а отправление правосудия в России остановилось бы навсегда.

Картина третья. Ехал грека через реку. Кто не помнит — это такая скороговорка. Если произносить ее тихо-тихо, уткнув нос в бумажки, как раз и выйдет оглашение решения суда. Того, кто с первого раза успеет понять, что и куда грека сунул и кто за что его там цапнул, следует внести в Книгу рекордов Гиннесса. Причем сразу по двум номинациям: уникальная острота слуха и сверхъестественная скорость восприятия. Сидоровну я бы тоже внесла — в рубрику «это ж надо так натренироваться!».

Эпилог. Вас здесь не стояло! Следующий обвиняемый, придя в канцелярию суда точно в назначенный ему час, услышал: «Рассмотрение Вашего дела сегодня не состоится из-за Вашей неявки в суд».

ЧАСТЬ 4. ОКОЛО — ЭКОЛО

Народная мудрость гласит: с кем поведешься, с тем и... Ну, в общем, дальше народ за века придумал много разного. Я же — о том, что в результате сотрудничества с экологическим журналом вдруг с удивлением обнаружила: пробегая информационные сообщения на тему «я другой такой страны не знаю», спотыкаюсь на сюжетах, которые раньше благополучно пропускала. Оказалось, зря пропускала — масса любопытного ускользала от внимания. Сразу признаюсь: во всем, что касается экологии, я даже не «чайник», так что углубляться в тонкости темы не придется. Зато мой взгляд здесь — самый «босой» из всех возможных. Может быть, тем и интересен.

А мог бы и бритвой по глазам...

Вот, например, читаю: Минприроды реформирует заповедную систему России, а экологи обвиняют его в развале комплекса особо охраняемых природных территорий в процессе этого реформирования. И ведь понятия не имею, кто прав, а кто не прав. Поэтому исхожу из общего принципа: нынче в любезном отечестве если кто в споре и прав, то вряд ли это власть. Как аксиома в математике: доказывать надо то, что дальше, а здесь — вот так, и никаких гвоздей.

И что бы вы думали? Далее по тексту — исполненное достоинства возражение Министерства природных ресурсов: «Следует отметить, что в период реформирования не ликвидировано ни одного государственного природного заповедника и национального парка». Это ж надо так себя во всем ограничивать!

Административная теория относительности

Название документа: «Временное свидетельство на право бессрочного (постоянного) пользования землей».

Рыбный день (апокалипсис)

В центре Северодвинска произошло массовое самоубийство рыб — тысячи их выбросились на берег из искусственного озера, в которое стекают сточные воды со всего города. По мнению санитарных врачей, это произошло из-за недостатка кислорода в загрязненной воде. Очистить ее никто и не пытался — сложно и дорого.

Странная вещь — ассоциации. Ну, почему при этом вспомнилась голодовка питерских заключенных?..

Белый Бим: жизнь и судьба

В городе был приют для животных-инвалидов, пострадавших от жестокости людей. Хромых и слепых зверей бесплатно оперировали и лечили ветеринары клиники, где стерилизуют бездомных собак и кошек. Тамошние же сотрудники их содержали и выхаживали. Вот только нужные документы не оформили, так что жучки и мурки «проживали без регистрации». Нелегалы, одним словом. Городские власти приют решили закрыть, а животных — усыпить. Имеют право: стационар муниципальный, и ничего нелегального при нем быть не должно. Опять же, зверье ничье, значит, принадлежит городу, и отцы города могут им распоряжаться. Например, вот таким образом. Все законно.

Как собачница со стажем, утверждаю: покажи мне твою собаку, и я скажу, кто ты.

ПРИЕМ ПРОТИВ ЛОМА

Елена Рябинина
Москва
asobolev@online.ru

И снова — пощечина. Нам от них. Натуральная пощечина — лапой склизкой, как медуза, и такой же обжигающей. На этот раз лапа называется «вердикт присяжных по делу Сулягина».

Зачем? Ну зачем им сейчас, после всех их квазишпионских позорищ, сажать его — они же сами знают лучше кого угодно, что никакой он не шпион? Аргумент, что иначе придется отвечать за годы, проведенные невиновным человеком в тюрьме, не убеждает: перед кем это им придется отвечать? Только не надо, что перед правосудием — это слово они уже «опустили». В самом, что ни на есть, лагерном смысле. Перед обществом? Ох, не смешите: это общество только что само же дружно венчало их на царство. Да-да, именно их, потому что о личности всенародно-повторно-избранного говорить не приходится. Всей личности — погоны гэбэшного подполковника и пара-тройка дешевых фраз на фоне заплыванных подворотен.

Это ж не Путина В.В. нынче выбрали, а клетку, в которой легко, потому что все понятно: звук — удар плеткой, поджатый хвост — миска с требухой. Порядок и справедливость. А если кто совсем уж невзначай попал под паровой каток — покаяйся, что вовремя не отполз в сторону, понадеявшись на правила дорожного движения.

На снимке: статуя Фемиды на здании Верховного Суда

Думать же надо было — разве паровые катки замечают светофоры а-ля конституция и всякую там дорожную разметку вроде законов?

Суда присяжных захотели? Натяните вам суд присяжных. Велика проблема — набрать из 70 с чем-то процентов электората 12 человек с устойчивым рефлексом послушания! А уж подsunуть этим двенадцати абы как склеенную картинку обвинения, вымарав из нее все доказательства невиновности подсудимого, — и вовсе дело техники.

Кажется, я знаю, зачем они сажают Сулягина: просто-напросто они сами боятся. Боятся того, что не все еще боятся их. И для устрашения играют мышцами. Им же не Сулягин нужен — им нужно проверить, утрет ли подотчетное население после очередной оплеухи. Да и вообще, заметит ли ее.

У меня есть одна знакомая собака, матерый семилетний овчар-переросток. При каждой новой встрече этот здоровенный пес сравнивает «весовые категории»: ты меня боишься или нет? Если боишься — правильно делаешь, могу и цапнуть. А если нет — ну и черт с тобой, тогда хоть угости чем-нибудь.

Иногда они напоминают мне этого пса. Вспомните, как они принимают самые драконовские законы: сначала запускают «жесткий вариант» и смотрят на реакцию — проглотит общество или как? Если нет — тут же дают задний ход. Так было и с поправками о СМИ к закону о борьбе с терроризмом, и с запретами на освещение выборов, и с предложением увеличить президентский срок. Последний их шедевр о митингах тоже уже смягчать собираются.

У них снова на вооружении замшелый прием доброго и злого следователей. Холуйская Дума безропотно приняла на себя роль злого, а «добрый» — это, конечно же, он, царь-батюшка, солнышко наше ненаглядное: всегда готов приструнить зарвавшихся бояр и «не одобрить» их излишнюю прыть. Если, конечно, чернь расшумится, а иначе зачем? Опять же: и благодарность подданных — на блюдечке с голубой каемочкой, и почетное звание «большого либерала, чем 70 процентов населения». Один такой «либерал» тоже, помнится, как-то за «головкрушение от успехов» своих же людоедов пострелял малость. И это ему ничуть не помешало прогнать страну через лагерь...

Они сажают Сулягина. Они опять нас пугают. Они уверены, что против лома нет приема. У них, пожалуй, действительно нет. А у нас — есть, и это отнюдь не другой лом.

Этот прием проще пареной репы: не верить им. Ни в том, что Сулягин — шпион. Ни в том, что добровольно и с песнями сдаются боевики — сдашься тут добровольно, когда вся родня у власти в заложниках! Ни в том, что мальчишка-школьник только по природной своей хилости погиб во время кросса в противогазах. Ни в чем вообще не верить. Даже если вдруг покажется, что случайно сказали правду, все равно — не верить, потому что не врать они не умеют. Ни в чем и никогда.

BELLONA

Grigory Pasko
Editor-in-Chief

Victor Tereshkin
Deputy Editor

Rashid Alimov
Managing Editor

Varvara Borisova
Associate Editor

Vladimir Petrov
Design & layout

Daria Safronova
Proofreader

Ivan Pavlov
Lawyer

EDITORIAL BOARD:

Lyudmila Alexeeva
Moscow Helsinki Group

Svet Zabelin
Socio-Ecological Union

Alexander Nikitin
Environmental Rights Center «Bellona»

Alexey Simonov
Glasnost Defence Foundation

Alexander Tkachenko
Russian PEN Center

Ernst Cherny
Ecology and Human Rights Coalition

Alexey Yablokov
Center for Environmental Policy of Russia

Our address:
PO box 258,
St Petersburg,
191028, Russia

ecopravo@ecopravo.info

Six of one, half a dozen of the other? You have to be kidding!

EDITOR'S NOTE

I can't help thinking that for a long time now, Russia's power structures have been besieged by amateurs. True, there were plenty of them before, too. But these days... they're legions and counting. They're calling themselves "society's elite," and also, "neo-nobility" (as announced by one of them, a certain chief of Russia's secret services Nikolai Patrushev)... But if you look at the concrete results... oops! there are no concrete results. Terrorism is alive and kicking, while the fight on terrorism... Hello-o? Fight on terrorism, where are you-u? They say economy is on the rise. And then they raise—bread prices and customs duties on foreign-made cars. They say our military might is all tip-top. I'd say it's all tip-flop. Our ballistic missiles are older than Methuselah. They either fly off on a tangent or don't fly at all. The navy's commander-in-chief must have really been shaking in his jack boots for his post—because of Kasatonov's testimony on the causes of the K-159's sinking¹—to be rambling such nonsense about the Peter the Great: Watch out, it's gonna blow! Everyone hit the deck. I'd say, why fret? He is the commander-in-chief, he knows better. He said it'll blow—must be true. You just wait, it'll blow. As sure as epaulets are epaulets.

In times gone by, they didn't say zip, but things would still blow. Somehow, most often in April, too. Let's see: April 1986—Chernobyl, April 1987—the sinking of the small-size missile carrier Musson, April 1989—the sinking of the submarine Komsomolets.

Investigations into accidents and catastrophes show that at the root of all trouble is always someone's lack of professionalism. That is, first, some idiot does something in his or her idiotic way, then you have a blast, then you have heroism. Hold on, though, at the very first, there must have been someone who appointed that moron to that job... Go figure if that appointment was an accidental misjudgment or because the appointer himself didn't know his ass from his elbow...

They're constantly telling us about the high professionalism of the country's top officials. It would be lovely to believe it, but the facts show something else. And here's an interesting thing: Whatever happens in the lands entrusted to these... how can I put it mildly... well, top officials, anyway, nothing happens to them. They don't resign, they don't put a gun muzzle to their heads, they don't get sent up the river... Worst case scenario, they crouch, groaning and sweating, into another top-official chair.

The recent reshuffle of Russia's cabinet of ministers followed just that exact procedure. Almost everyone kept their posts. No "dynamic," as their president had promised, was in sight, nor was there any "growth" of whatever they said would grow. Those who left were less than a handful.

Now look who's here. Have a good look. You can see it right

¹Admiral Igor Kasatonov, former deputy commander-in-chief of the Russian Navy, harshly criticized Vladimir Kuroyedov, the navy's commander-in-chief, for his actions in relation to this submarine's sinking in August 2003 during a closed court hearing on the causes of the tragedy. Incidentally, Kasatonov's nephew, Vladimir Kasatonov, is commander of the nuclear-powered battle cruiser Peter the Great.

away, can't you, that new faces are all around, all professionals? Yury Trutnev, the new minister of natural resources, for one, isn't that a real ace? A race-car driver, a karate fighter, a Komsomol leader, and maybe even a handsome guy, sort of. Oh with such credentials, one Mawashi Geri kick will be enough to blow your Mother Nature in its highly civilized—or privatized—place.

No, as far as their own property goes, they are professionals alright. But when we're talking property and the people... By the way, why isn't the people already... to put it mildly, you know... privat... Anyway, it's high time they had some concrete owners here. Somebody has to be the warden in their own private forest, no? Guard the mushrooms and other berries, clear-cut the cuttings, install the turnpikes...

One thought is terrifying, though: What if the navy's commander-in-chief actually does know, for real, that something somewhere is going to blow up? What if the new—that is, the old, reshuffled—head of the state nuclear watchdog Gosatomnadzor, when he's giving speeches about the shortcomings in the atomic domain, what if he is not spin-doctoring himself, but telling the Gospel truth? Maybe there was something there earlier that didn't let them speak their minds? Lack of professionalism, for instance. And then, out of the blue, they were all re-appointed. And their professionalism suddenly came to show. Started, in fact, to grow like a gumboil, bulge and swell... Watch out before it blows. It's April outdoors, after all...

Grigory Pasko

IN FOCUS The President's Neutrality and Society's Dangerous Silence

This detailed report about the four-and-a-half-year case of the recently convicted scientist Igor Sutyagin and the circumstances that made this outrageous conviction possible is presented by Anna Stavitskaya, one of Sutyagin's lawyers, and Ernst Cherny, who represents the Moscow-based Public Committee for the Defense of Scientists. Having in its hands the silent consent of the public, for whom the trial generally passed unnoticed, and the support of the president, whose claimed neutrality is disproved here by Vladimir Putin's own statements, the Federal Security Service, or FSB, showed in this and other cases that the Russian court system is nothing but its faithful lapdog.

Sutyagin, the Political Prisoner

By Grigory Pasko

A report from the round table discussion "The Sutyagin Case: Problems of Public Support" that took place soon after the famous scientist Igor Sutyagin was convicted to 15 years of prison on an espionage indictment. Sutyagin's lawyers, who participated in the discussion, shared the details of the court proceedings and the investigation—or rather, fabrication of the case—held by the FSB.

RUSSIA ATOMICALLY The Pacific "Chernobyl"

By Viktor Tereshkin

"If specialists had learned about this catastrophe in time, we might have never seen Chernobyl." Such is the conclusion that arises from this detailed, emotional account of the thermal explosion on the nuclear submarine K-431 in August 1985, when, because of general irresponsibility so typical of the Soviet era, the non-hermetic stem reactor of the sub blew up during the reloading of nuclear fuel.

The zone

By Natalia Manzurova

The author, a veteran radiologist, who in 1986 was one of the many flown to Chernobyl to eliminate the consequences of the radiation contamination of the region's soil and flora, shares here the truly horrifying memories of working in state-imposed secrecy in the 30-kilometer Zone, as it is called by the liquidators.

Chernobyl Liquidators: Guilty of Reminding

On the eve of the commemoration day of the Chernobyl tragedy, Eduard Meilakh interviews Alexander Khlobystin, head of the Chelyabinsk-based organization "The Chernobyl Invalids," on the humiliating social situation of the Chernobyl liquidators, many of whom were thrown, with no consent asked, in 1986 right into the irradiated hell of the exploded reactor, only to find two decades later that they are shunned by the state and forced to prove their every right for compensation for their damaged health, while the state changes its laws at least once a year.

VIS A VIS

...I Thrust Myself into the Bus and Hear "This One Will Go Far..."

Excerpts from Grigory Pasko's interview with Vladimir Grachev, a loyal, hickory-stick member of the Russian State Duma from the centrist "Yedinstvo" party, an active legislator and chairman of the parliamentary Committee on Ecology. Grachev comments on his successes and failures in forging ecological legislation and shares his views.

"Grachev is Dangerously Far from Objectivity..."

By Alexei Yablokov

The famous scientist and well-respected head of the Russian Center for Ecological Policy comments on the interview with Russian Duma Deputy Vladimir Grachev, commending him for serious work as head of the Duma's Ecology Committee, but admitting that certain actions that Grachev refers to as successes still have to be viewed with much skepticism, like the creation in March 2004 of the Federal Service for Control in the Sphere of Ecology and Use of Natural Resources, which, being supervised by the Ministry of Natural Resources, cannot be independent by definition.

AN SOS TO THE WORLD

The Gas Hell

By Andrei Rudomakha

The environmental catastrophe was brought on the Azov Marshlands—a unique delta area of the Sea of Azov in South European Russia—by the national gas giant Gazprom, with an accident on an exploration drill hole, when tons of gas were released in the atmosphere just 500 meters from a nearby village.

Agipka Wants to Live

By Nadezhda Popova

Even nine-year-olds go hunting on the ice of the White Sea, with their bludgeons atilt, "to give what-for to agipkas," as the puppies of harp seals are called in the Arctic. During the slaughter, the ice turns red from blood and agipkas bellow just like babies: Often, the hunters hit amiss, only wounding the animal...

THE HABITAT

The Pirates of Nizhny Novgorod

By Svetlana Gellertova

Those who think that pirates only existed in the Caribbean in the 18th century, think again. Pirates are very much alive in Nizhny Novgorod, a city in Central Russia, where the old disgraceful trade has been picked up by the local administration, whose officials are bent on robbing the townspeople of land and their right to a favorable environment. In a

ravaging construction boom, new—and undoubtedly, profit-carrying—buildings are being erected with all violations of zoning and sanitary norms and to the detriment of nearby buildings.

The Spring Hunt: We Look Like Savages Gone Mad

By Albert Kalashnikov

This article raises the issue of indiscriminate, thoughtless hunting, which, in the context of absence of relevant legal regulations in the country, has taken on the form of rampant extermination of the wildlife. The author, himself an experienced hunter and a representative of an environmental organization in Blagoveshchensk, in Russia's Far East, decries this state of affairs, calling special attention to the situation in his region, where the well-being of wild geese is endangered by murky statistics and inaction of the authorities.

OUR PUBLICATIONS

Our Very Own Loony Bin

Naum Nim presents an excerpt from Grigory Pasko's story "A Man with a Funeral Wreath on His Neck" that was recently published in the literary magazine *Znamya*. This Kafkaesque story—deviating from the classics only in making its characters the carriers of absurd as well as its victims—depicts the vicious circle of ordinary men who prefer to drink away obliviously their first day of freedom that, quite logically, takes them back to prison, their journey facilitated by the absurd-driven police and court machine.

IN THE HALLS OF JUSTICE

The Plateau of Discontent

By Valery Brinikh

The sadly frequent tale of nature reserves in modern-day Russia is repeated in the story of the Lagonak Plateau, an isolated highland area in the Western Caucasus that has been one of the most speciation-prolific territories in the region. While the plateau's value for science and environment preservation has been fully recognized, so were the short-term gains of its thoughtless exploitation.

YOUR LEGAL LIBRARY

Atomic Legislation Today

By Yelena Kuznetsova

The first part of an overview of Russia's current nuclear-related legislation, which—unlike its Western counterparts—has only been created recently, under the pressure of forging international nuclear cooperation, in the form of several legislative acts, after decades of ignoring rights to clean environment and health protection in application of nuclear power in the country.

A CITIZEN'S AWAKENING

With the "Bare" Eye

In this lampoon piece, Yelena Ryabinina addresses those who prefer to hide their heads in the sand, trusting blindly that the state and its rulers always know better what is good for the country and its people.

Your Truncheon, Our Trust

By Yelena Ryabinina

A critical essay condemning those at the helm of the country—which, the author argues, has turned into a well-oiled police state ruled by the FSB—for the conviction of scientist Igor Sutyagin. The only way to oppose the state's warden dog—which has tamed the people so thoroughly that the jury for the peer trial they allowed to Sutyagin to show human rights advocates that the secret service wants nothing but "justice" ruled unanimously in the crookedly slapped-together case—is not to trust the state, neither in its "spy" cases, nor in its bloodbath in Chechnya, nor in any of its well-worded promises of democracy.

Журнал «Экология и право»
191028, Санкт-Петербург, а/я 258
Телефон: (812) 327-29-43
Электронная почта редакции:
ecopravo@ecopravo.info
Сайт журнала: www.ecopravo.info